

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

ЗУБЕНКО Яна Валериевна

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ЖЕНСКОГО НАРРАТИВА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Л. А. Нефедова

Челябинск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические аспекты изучения женского нарратива	13
1.1. Нарратив как репрезентация событийного опыта.....	13
1.1.1. Виды нарратива, структура нарратива и типы нарратора..	15
1.1.2. Композиционно-речевые формы нарратива.....	26
1.1.3. Специфика литературного нарратива	32
1.2. Проявление гендерных аспектов в языке.....	38
1.2.1. Исследование гендерной асимметрии в языке.....	39
1.2.2. Способы представления феминной идентичности в немецком и русском языках.....	46
1.3. Особенности организации женского нарратива с позиций гендерологии.....	63
1.3.1. Нарратив в языковой картине мира женщины.....	64
1.3.2. Функционально-прагматический подход к организации женского нарратива.....	67
Выводы по первой главе.....	74
Глава 2. Функционально-прагматические стратегии и тактики в женском нарративе немецкоязычных и русскоязычных художественных произведений	77
2.1. Основные стратегии и тактики, реализующиеся в немецкоязычных художественных произведениях.....	77
2.1.1. Нарративные стратегии, направленные на отношение персонажа/нарратора к себе (Я – Я ₁) и коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ)	79
2.1.2. Нарративные стратегии, направленные на отношение персонажа/нарратора к другим персонажам (Я – ОН).....	111
2.1.3. Нарративные стратегии, направленные на отношение автора/нарратора к коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ).....	124

2.2. Основные стратегии и тактики, реализующиеся в русскоязычных художественных произведениях.....	131
2.2.1. Нарративные стратегии, направленные на отношение персонажа/нарратора к себе (Я – Я ₁) и коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ).....	132
2.2.2. Нарративные стратегии, направленные на отношение персонажа/нарратора к другим персонажам (Я – ОН).....	148
2.2.3. Нарративные стратегии, направленные на отношение автора/нарратора к коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ).....	158
2.3. Сопоставление стратегий и тактик в женском нарративе немецкоязычных и русскоязычных художественных произведений.....	162
Выводы по второй главе.....	191
Заключение.....	195
Список литературы.....	200

ВВЕДЕНИЕ

К настоящему времени в лингвистике накоплен значительный опыт исследования нарратива, что позволяет, с одной стороны, применить имеющиеся знания при рассмотрении проблем, связанных с языком, коммуникацией и интерпретацией, с другой стороны, продолжить исследование лингвистических характеристик нарратива с функционально-прагматических позиций. Проблема взаимосвязи нарратива и дискурса вызывает большой научный интерес и требует дальнейшей разработки, в том числе с учетом реализации гендерных особенностей.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения основных составляющих женского нарратива, выявления роли нарратора-женщины в литературном произведении на материале текстов, созданных в рамках немецко- и русскоязычной лингвокультур. Представляется важным рассмотреть женский нарратив в культурном, социальном и гендерном аспектах, установить его значение и совокупность условий, сопровождающих употребление в нем тех или иных языковых средств.

Степень разработанности проблемы. Гендерные аспекты нарратива затрагиваются в ряде исследований, однако проблема женского нарратива на материале различных лингвокультур в сравнительно-сопоставительном аспекте до сих пор не являлась предметом монографического изучения. Как правило, анализировались лингвистические и социальные механизмы проявления гендера в языке и коммуникации, идентифицировались признаки речи мужчин и женщин, описывались номинации лиц мужского и женского пола, рассматривалась категория рода и связанные с ней проблемы референции.

Для настоящего исследования наиболее значимыми являются труды, посвященные изучению литературного нарратива, сравнению текстов, созданных представителями различных культур, выявлению нарративных стратегий и тактик, изучению гендерных аспектов языка.

В работе Е. А. Гончаровой рассмотрено соотношение категорий *автор – персонаж* и их лингвостилистическое выражение в структуре художественного текста [Гончарова 1989]; К. А. Андреева исследовала литературный нарратив, его структурную организацию и семантические особенности [Андреева 1998; 2005; 2006; 2009; 2012]; текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива отражены в работах В. А. Андреевой [Андреева 2007; 2009; 2019]; Г. И. Лушниковой и Т. Ю. Осадчей поднят вопрос о фрагментарности современного художественного нарратива [Лушникова, Осадчая 2021].

Определение, характеристики, классификация и особенности реализации коммуникативных стратегий содержатся в трудах О. С. Иссерс [Иссерс 1997; 1999; 2008; 2017; 2020]; В. И. Тюпа рассмотрел нарративную структуру в рамках нарративной картины, нарративной модальности и нарративной интриги [Тюпа 2011; 2015; 2018]; в работах Г. А. Жиличевой проанализирована репрезентация нарративных стратегий в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.) [Жиличева 2015].

Концепт «женщина» в русской языковой картине мира сопоставлен с соответствующим концептом в китайской языковой картине в работе Лю Бо [Лю Бо 2010]; Л. А. Кесслер описала средства актуализации гендерной специфики в текстах женских и мужских воспоминаний на немецком языке [Кесслер 2018].

А. Г. Фомин обратился к специфике речевой деятельности индивида и аргументировал возможность включения гендера в психолингвистическую парадигму [Фомин 2004]; проблема лингвистического конструирования гендера прослежена в трудах О. Ю. Черных [Черных 2018]; А. В. Родионова определила гендер с точки зрения гендерной лингвистики и лингвистики нарратива, исследовала нарративно-гендерные особенности идиостиля Д. И. Рубиной [Родионова 2019]; Л. А. Нефедова рассмотрела гендерные аспекты языка в переводоведении [Нефедова 2016; 2017; 2019].

Вклад в разработку проблем гендерной лингвистики внесли также зарубежные исследователи М. Рич Кей, Р. Лакофф, С. Трёмель-Плётц,

Д. Спендер, М. Сильверштейн, Д. Кэмерон, Ю. Кристева, М. Хеллингер, Л. Пуш, Дж. Коатс, М. Рейзигль и др. Так, Р. Лакофф исследовала особенности речевого поведения мужчин и женщин [Лакофф 1975]. С. Тромель-Плётц посвятила свои труды вопросам феминизма, гендера и языка [Тромель-Плётц 1978]. Согласно Д. Спендер, отрицательные оценки женских качеств нашли отражение в неравномерной языковой выраженности и в дефиците дискурсивного присутствия женщины [Spender 1998]. Сочетание концепций мужского превосходства и женского подчинения обусловило траекторию исследований языкового сексизма, нашедших отражение в работах М. Венди и М. Хеллингер [Hellinger 1990; 1993; 2006]. По мнению Л. Пуш, феминистская лингвистика вышла за рамки «чистой» лингвистики и не ограничивается описанием закономерностей в языке: ее представители выступают за язык, предоставляющий женщине более значимую роль [Pusch 1988]. Один из ведущих специалистов в мировой гендерной лингвистике Д. Кэмерон обосновала концепции женской дефицитности, мужского превосходства и разницы гендерных культур [Cameron 1995; 2003].

Указанные работы вносят значимый вклад в изучение женского нарратива, однако не дают полной картины этого сложного и многопланового явления. Отсутствие научных трудов в области женского нарратива с функционально-прагматических позиций, с учетом различий в национальных лингвокультурах, свидетельствует о недостаточной изученности проблемы и требует ее дальнейшей разработки.

Объектом исследования является женский нарратив в немецко- и русскоязычных художественных произведениях.

В качестве **предмета изучения** выступают нарративные стратегии и тактики, обусловленные особенностями нарратора-женщины.

Цель диссертационной работы – комплексный сравнительно-сопоставительный анализ феминной идентичности и особенностей нарратива женщин в художественных текстах немецко- и русскоязычных авторов в функционально-прагматическом аспекте.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

1. Выявить особенности литературного нарратива авторов-женщин, дать дефиниции понятий «женский нарратив» и «нарратор-женщина».

2. Определить и сопоставить языковые способы выражения феминной идентичности в немецком и русском языках.

3. Установить специфику реализации стратегий и тактик женского нарратива на примере немецко- и русскоязычных художественных произведений.

4. Рассмотреть закономерности литературной коммуникации в рамках немецко- и русскоязычных произведений авторов-женщин.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что сходства и различия в смысловом наполнении женского нарратива в немецко- и русскоязычных литературных произведениях зависят от жанров исследуемых художественных произведений.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых по *теории нарратива*: К. А. Андреевой [1998; 2005; 2006; 2009], В. С. Анохиной [2008], М. М. Бахтина [1975], Е. Ю. Дьяковой, П. А. Каменской [2018], Г. А. Жиличевой [2015], Н. И. Иоввой [2018], О. С. Иссерс [2017], М. Л. Макарова [2003], А. А. Романова [1990], Р. И. Савчук [2017], В. И. Тюпа [2001, 2011]; М. Фуко [1996], Л. Г. Хоревой [2019]; У. Лабова, Дж. Валецки [Labov, Waletzky 1997], К. Фридемана [Friedemann 1965], А. Саупе, Ф. Видерманна [Saupé, Wiedermann 2015], К. Хамбургер [Hamburger 1994], Ф. К. Штанцель [Stanzel 1998], М. Ян [Jahn 2005] и др.;

теории лингвистической гендерологии: А. А. Григорян [2005], Е. С. Гриценко [2005], А. Ю. Першай [2014], И. И. Скачковой [2009], О. Ю. Черных [2018], Х. Калверкампер [Kalverkämper 1979], Д. Кэмерон [Cameron 1992; 1995; 1997], Дж. Коатс [Coates 2005], Р. Лакофф [Lakoff 1975],

М. Рейзигль [Reisigl 2013; 2015; 2017], Д. Таннен [Tannen 1986; 1990; 1991], С. Трёмель-Плётц [Trömel-Plötz 1978], М. Ульрих [Ulrich 1988] и др.;

теории феминистской лингвистики: Е. И. Горошко [2001], Е. А. Земской, М. А. Китайгородской, Н. Н. Розановой [1993], П. Д. Ивлевой [2013], А. В. Кирилиной [1999–2010], А. М. Кузнецова [2005], А. В. Неупокоевой [2018], А. Ю. Першай [2014], Н. Л. Пушкаревой [2002], Л. В. Топка [2015], М. Хеллингер [Hellinger 1990; 1993; 2006], Л. Хорншайдт [Hornscheidt 2012], Э. Оксаар [Oksaar 1971], Л. Пуш [Pusch 1979; 1984; 1988] и др.;

теории функциональной лингвистики: И. С. Веселовой [2010], Н. К. Кравченко [2014], Л. Е. Муравьевой [2018], Ю. Б. Турушевой [2016], О. В. Сарайкиной [2007] и др.;

прагматической лингвистике и теории речевых актов: С. В. Герасимова [2020], Л. В. Куликовой, Е. Ю. Микалаускайте [2020], Б. Ю. Нормана [2009] и др.

Помимо общенаучных **методов исследования**, в работе применен комплекс специальных методов:

– метод лингвистического моделирования (в ходе изучения процесса коммуникации в рамках литературных произведений, выявления языковых характеристик женского нарратива на синтаксическом, лексическом и стилистическом уровнях);

– сравнительно-сопоставительный метод (для определения общих и специфических признаков и свойств языковых единиц феминной идентичности в немецком и русском языках);

– метод лингвокультурологического анализа (при рассмотрении текста нарратива как феномена культуры, в процессе выявления культурной информации в языковом знаке и тексте в целом);

– метод интерпретации (для определения внутреннего содержания художественных текстов немецко- и русскоязычных авторов).

Применялись также дискурс-анализ, стилистический анализ, анализ параллельных текстов (оригинал – перевод).

Материалом для исследования послужили тексты современных художественных произведений русско- и немецкоязычных авторов-женщин начала XXI столетия, отмеченные литературными премиями и наградами за лучшее прозаическое произведение, новаторство, злободневность и уникальный стиль.

Основными критериями отбора произведений в качестве материала исследования являлись следующие:

1. Произведения представляют собой фиктивные автобиографии в художественной прозе и являются попыткой авторов в ретроспекции проанализировать собственное внутреннее состояние с учетом определенных жизненных условий, исторической ситуации, влияния культурной среды, что дает возможность с субъективной точки зрения оценивать действительность и выражать свои мысли и переживания на бумаге.

2. Учитывалось время написания (от начала XXI века до наших дней), тематика (рассмотрение значимых жизненных обстоятельств, отношений детей и родителей, взаимоотношений полов), наличие литературных наград у авторов.

3. Литературные произведения принадлежат немецко- и русскоязычным авторам-женщинам.

В результате были отобраны следующие художественные тексты: К. Гир «Я сказала правду» (Kerstin Gier „Für jede Lösung ein Problem“), 2007; «Непристойное предложение» („Ein unmoralisches Sonderangebot“), 2014; У. Дреснер «Женщина стареет» (Ulrike Draesner „Eine Frau wird älter“), 2018; Э. Хайденрайх «Колонии любви» (Elke Heidenreich „Kolonien der Liebe“), 2005; Э. Хайденрайх «Мужчины в пальто из верблюжьей шерсти» (Elke Heidenreich „Männer in Kamelhaarmänteln“), 2020; А. Вечериной «Исповедь мотылька», 2021; М. М. Степановой «Памяти памяти. Романс», 2017; Т. А. Черемновой «Трава, пробившая асфальт», 2011; Е. С. Чижовой «Время женщин», 2009; «Город, написанный по памяти», 2019.

Единицей анализа выступает нарративный блок (нарратема), рассматриваемый как отдельная смысловая составляющая женского нарратива. Всего было подвергнуто анализу 158 нарративных блоков на материале немецкого языка и 168 – на материале русского языка. Анализ нарратем позволил выявить основные стратегии и тактики, реализованные в нарративе автора-женщины, и охарактеризовать их особенности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Женский литературный нарратив реализует коммуникацию особого типа, в которую вовлечены повествователь и читатель, воспринимающий образ нарратора-женщины – представителя определенной лингвокультуры – через ее внутренний феминный мир.

2. Присутствие феминного нарратора в немецко- и русскоязычных текстах проявляется посредством имен собственных, номинаций, лексем, идентифицирующих говорящего как женщину. Немаловажную роль играют также гендерно-маркированные лексические единицы с выраженной оценочностью и/или стилистической маркированностью. В русском языке, в отличие от немецкого, для обозначения женщины чаще используются номинации общего рода либо номинации, указывающие на мужчин.

3. Нарративные стратегии направляют процесс коммуникации между читателем и автором и подразделяются на стратегии, характеризуемые отношением: 1) персонажа/нарратора к себе (Я – Я₁); 2) персонажа/нарратора к другим персонажам (Я – ОН); 3) автора/нарратора к коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ). Нарративные стратегии могут быть комплексными, совмещая несколько стратегий. Стратегии представлены тактиками, позволяющими читателю проследить логику действий и состояние внутреннего мира нарратора.

4. Литературная коммуникация отличается субъективным отношением авторов к предмету повествования в зависимости от их гендерной и национально-культурной принадлежности, что позволяет проводить параллели между особенностями коммуникации в литературных произведениях

представителей разных лингвокультур, устанавливая сходства и различия в восприятии окружающей действительности.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней рассмотрены теоретические вопросы, связанные с интерпретацией понятия женского литературного нарратива с функционально-прагматических позиций. Кроме того, выявлены особенности женского нарратива в межкультурном сопоставлении, что является необходимым для понимания специфики национальных лингвокультур.

Теоретическая значимость исследования определяется углубленной разработкой понятия «женский нарратив», анализом стратегий и тактик, применяемых нарраторами-женщинами в художественном дискурсе. Результаты сравнительного анализа нарратива на примере немецко- и русскоязычных литературных произведений могут быть экстраполированы на другие лингвокультуры, что подтверждает общетеоретическую значимость выдвинутых положений.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его основных положений и результатов в университетском преподавании лекционных курсов по межкультурной коммуникации, сравнительному языкознанию, при составлении образовательных программ лингвистического и филологического направлений.

Апробация работы. Теоретические положения и результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов и сообщений на международных и всероссийских научных конференциях: «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2020); «Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты» (Воронеж, 2020); «Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы» (Орел, 2020); «Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики» (Костанай, 2020); «Актуальные вопросы

филологии и пути их решения в свете глобальных трансформаций» (Москва, 2021), а также на Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора С. А. Хаврониной (Москва, 2020); III Международных педагогических и гуманитарных научных чтениях (Шадринск, 2020); Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора А. Л. Зеленецкого (Калуга, 2021); Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) «Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы» (Кишинев, 2021).

По теме диссертационного исследования опубликовано 18 научных работ, в том числе 5 статей в изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

В первой главе освещаются теоретические вопросы, связанные с аспектами изучения женского нарратива, рассматриваются виды нарратива, структура нарратива и типы нарратора. Изучение композиционно-речевых форм нарратива позволило проследить структуру повествования как сложного тексторечевого единства, способствующего упорядочиванию мысли и придающего ей целостность и законченность.

Во второй главе проведен сопоставительный анализ нарративных стратегий и реализующих их тактик с учетом функциональных и прагматических критериев в нарративах авторов-женщин, представляющих немецкую и русскую лингвокультуры. Рассмотрена специфика женского литературного нарратива, особенности его организации и гендерные аспекты, проявляющиеся в языке.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, обобщаются выводы, намечаются перспективы дальнейшего изучения феномена женского нарратива.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОГО НАРРАТИВА

1.1. Нарратив как репрезентация событийного опыта

Понятие нарративности имеет два варианта происхождения, первый из которых связан с зарубежным литературоведением.

У истоков проблемы нарративной типологии стоял О. Людвиг, предложивший типологию форм повествования. Кэте Фридемманн обращалась к проблеме роли нарратора в эпической прозе, сюжету и событию. К. Хамбургер исследовала внутренний мир субъекта, переживания которого выражаются в высказываниях. «Ich-Jetzt-Hier-Origo» является ориентировочным центром и обозначает значимое «я – ich» высказывания или переживания; за отсчет взято начало координат пространственно-временной системы, совпадающее с величинами «сейчас – jetzt» и «здесь – hier». Ф. К. Штанцель, В. Кайзер и другие разграничили формы повествования от первого лица («Ich-Form») и третьего лица («Er-Form») [Шмид 2014].

Ф. К. Штанцель выделил также основные нарративные категории: 1) субъект повествования в художественном мире и вне его (мир нарратора (повествователя) и мир акторов (персонажей)); 2) внутренняя перспектива (персонаж, ведущий повествование от первого лица и принадлежащий к художественному миру произведения) и внешняя перспектива (повествование от третьего лица, субъект повествования вне художественного мира); 3) модус – способ передачи повествования. Особое место в его исследованиях занимает проблема типов повествования: aukториальный (повествование от третьего лица), персональный (оценивание третьим лицом персонажа) и я-повествовательный (повествование от лица персонажа).

П. Лаббок создал оппозицию модуса «картинного» (автор сам ведет повествование) и «драматического» (автор передает роль повествователя одному из персонажей). Г. Мюллер занимался проблемой времени нарратива.

Таким образом, представители первого направления нарратологии изучали нарративные уровни – рассматривали коммуникативные структуры в целом, что и явилось предпосылкой появления теории повествования. Второе направление, дискурсивное, сложилось в 1960-е годы в рамках концепции западного структурализма, согласно которой ведущим в изучении повествования является признак структуры того, о чем идет повествование. В структуралистском видении излагаемые события рассматриваются на уровне темпоральной структуры, т. е. истории, подразумевающей события, которые разворачиваются во времени.

Нарративный метод мышления характеризуется повторением историй и созданием правдоподобности и правдивости, тогда как парадигма противопоставленности последовательного (сукцессивного) изложения, с одной стороны, и последующей реконструкции событий, их логико-аргументированного осмысления, с другой стороны, охватывает логико-научное, или объяснительное, мышление, связанное с правдой, и разворачивается аргументированно. Повествование понимается как когнитивная структура, которую человек проецирует на опыт и действия, чтобы привести их в более или менее относительный порядок: следовательно, между жизнью (происходящим) и мышлением (репрезентацией), по мнению А. Саупе и Ф. Видеманна, нет непосредственной связи [Saure, Wiedemann, 2015: 5–8].

Центром композиции художественного произведения является образ автора, роли которого В. В. Виноградов уделяет особое внимание и полагает, что автор является не просто субъектом речи, автор представляет собой концентрированное воплощение сути произведения [Виноградов 1971: 105-107]. В. В. Виноградов, обращаясь к образу автора, отталкивается от текста, тогда как М. М. Бахтин стремится подойти к образу автора через понятия эстетики и философии, выделяет первичного (не созданного, но создающего) и вторичного авторов (созданного и создающего). По мнению М. М. Бахтина, первичный автор не может быть образом, читатель сам представляет себе первичного автора, т. е. сам создает его образ [Бахтин 1979: 230]. К проблеме

авторской модальности обращаются Л. Г. Бабенко, Н. С. Валгина И. Р. Гальперин и др. [Донскова 2015: 46-48].

1.1.1. Виды нарратива, структура нарратива и типы нарратора

В современной науке наблюдается большой интерес представителей гуманитарного знания к одной из спорных и неоднозначных тем, к нарративу как к классической сфере возникновения и функционирования рассказа. Как показывает опыт и свидетельствуют историография и фольклор, всюду ведется коммуникация и изложение историй является антропологической универсалией.

Состояние современной нарратологии характеризуется отсутствием единого понимания нарратива, что позволяет расширять его содержание. Нарратив находится в составе таких понятий, как текст, дискурс и др., и представляет собой последовательность слов, образов и событий, передаваемых читателю или слушателю в виде повествования, в котором описываются события в заданный промежуток времени, связанные единой кульминацией и другими элементами сюжетной структуры.

Соответственно нарратив может быть представлен в виде непрерывного, встроенного и прерывающегося повествования. Для непрерывного повествования характерно наличие промежутка в тексте, заполненного одной историей. Встроенное повествование, в свою очередь, позволяет одному повествованию встраиваться в другое (в рамках уже начатой истории рассказывается еще одна история). В то же время прерывающееся повествование заканчивается неожиданно и история не может быть продолжена.

Рассмотрим ряд необходимых для исследования понятий. *Нарратив* – слово, вошедшее в обиход в эпоху постмодерна, которым часто определяют «повествование» или «сюжет», *нарративная структура* – фундаментальная организация текстового плана. *Типами нарратора* являются изображаемые автором образы повествователя, которые обладают определенными свойствами,

позволяющими читателю отличить в описываемом мире литературного произведения.

Композиционно-речевые формы представляют собой сложные речевые единства, которые структурируют и упорядочивают мысль, придают ей закономерность и целостность, что в дальнейшем позволит определить понятие «женский нарратив». В данной работе мы рассматриваем понятия *нарратив* и *повествование* как синонимичные.

Начнем с определения нарратива как многомерного объекта исследования. В трудах У. Лабова и Дж. Валетски предлагается трактовка нарратива как техники конструирования нарративных блоков, представляющих временную последовательность опыта и проявляющуюся в плане языка в соотнесенности к прошедшему времени, наличию придаточных предложений, соответствующих временной организации событий [Labov, Waletzky 1967: 13]. Ученые относят к нарративам устные повествования о личном опыте, мемуары, традиционные народные сказки, авангардные романы, терапевтические интервью и обычные повествования повседневного характера, которые считают привилегированными формами дискурса [Labov, Waletzky 1987: 220]. Такое представление о нарративном аспекте послужило толчком для размышления многих ученых и позволило развить представление о нарративе в разных областях лингвистических и литературоведческих исследований.

Согласно утверждению Р. Барта, нарратив представляет своего рода повествование, которое разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность» и может быть интернационально, трансисторично и транскультурно [Барт 1994: 386]. Как верно заметил Р. Барт, нарратив не имеет национальных или этнических границ, он существовал не просто в рамках определенной формы общества, а на протяжении всей истории человечества. В свою очередь, Ж. Женетта интересуется сам процесс возникновения нарративного текста, под нарративом он понимает повествование, в котором порождается и раскрывается некоторая история неким лицом [Женетт 1998: 66], что вызвало научные дискуссии в отношении

того, что считать историей и кем может быть повествующее лицо в нарративном тексте.

В. И. Тюпа расширяет понимание нарратива и определяет его «текстопорождающую конфигурацию двух рядов событийности: референтного и коммуникативного» [Тюпа 2001: 8], подчеркивая тем самым ценностные ориентиры личности и пути передачи информации.

Немецкий лингвист В. Шмид рассматривает проблему нарративности в аспекте коммуникативной структуры текста и считает, что нарративы – это «повествовательные произведения любого жанра и любой функциональности» [Шмид 2008: 9].

И. Т. Касавин объединяет философский и языковой аспекты и указывает на фиксирующий способ бытия повествовательного текста, в котором сознание и язык, бытие и время, человек и мир оказываются тесно связанными [Касавин 2003], однако, на наш взгляд, это очень широкое понимание проблемы.

Ю. М. Лотман рассматривает повествовательный текст и определяет в нем события как «перемещение персонажа через границу семантического поля» или как «пересечение запрещающей границы» [Лотман 2010: 282–288]. Данное представление касается формы интерференции чужого и своего слова и рамок понимания границ нарративности.

В прагматическом аспекте нарратив определяет Л. Н. Котова, которая указывает на релевантные коммуникативно-когнитивные параметры нарратива в историческом разрезе, способствующие эффективности речевого взаимодействия, обладающие культурной специфичностью и подлежащие переоценке в зависимости от изменившегося гуманитарного контекста [Котова 2010: 4].

По мнению Дэна МакАдакса, нарратив представляет собой внутреннюю историю человека, объединяющую реконструированное прошлое и воображаемое будущее [McAdams, McLean 2013]. Такое утверждение позволяет говорить о том, что в нарративе возможно соединение двух временных

плоскостей, однако нарратив – это все же воссоздаваемая неким лицом история из прошлого.

Рассматривая нарративную идентичность, Е. С. Худякова обращает внимание на нарративную концепцию с позиции организующего значения в нарративные линии текста любой знаковой системы и с позиции текстовой линейной структуры [Худякова 2019: 14], что дает возможность рассмотреть проблему нарратива в широком смысле, не ограничиваясь отдельными аспектами. Нарратив является наиболее привычной для человека формой передачи и хранения знания об окружающем мире, это наиболее простая форма речевого сообщения и самоочевидное средство реализации коммуникативных намерений одновременно [Моштылева 2021: 31]. Однако, на наш взгляд, наиболее емко данное понятие было определено В. Шмидом, обозначившим нарратив как повествование, а нарратологию как теорию повествования [Шмид 2008: 9].

Каждый из вышеуказанных исследователей, с одной стороны, затрагивает интересующую его проблему, с другой стороны – пытается уточнить и определить границы своего понимания нарратологии. В конце XX – начале XXI века понятие нарратива получило коммуникативную трактовку и стало рассматриваться как своего рода коммуникативная модель, в которой нарратив изучается с позиции ментальной модели мира. Особое внимание уделяется проблеме нарратива в дискурсе [Adam 2011; Андреева 2006; Женетт 1998; Prince 1988].

Следовательно, нарратив представляет собой последовательность слов, образов и событий, передаваемых читателю или слушателю в виде рассказа или повествования, где повествователь пытается использовать способы воздействия на читателя или слушателя для достижения определенного эффекта, что указывает на необходимость обращения к прагматическим аспектам нарратива.

Обращаясь к проблеме мифа как своего рода вариации нескольких основных тем, К. Леви-Стросс предпринимает попытку ввести в научный оборот структурный анализ нарратива. Исследователь не считает содержание

главным, тогда как ментальные операции помогают организовать реальность, при этом «образ читателя представлен бесполостью, непринадлежностью к классу, бесстатусностью, он свободен от культурных и этнических установок, он – функция самого текста» [Цит. по: Троцук 2004: 43].

В. Шмид полагает, что текст является нарративным, если он «излагает историю и имплицитно или эксплицитно изображает повествующую инстанцию» и предлагает такие критерии нарративности, как событийность, релевантность, непредсказуемость, консекутивность, необратимость, неповторяемость. Исследователь указывает на следующие составляющие нарративной структуры: тип повествования, наррация персонажа, авторская и нарраторская коммуникация [Шмид 2008: 8–10]. Важным элементом нарративной структуры являются нарративные границы: 1) начальная – находится во вступлении после заголовка в позиции первого символа вступительного слова; 2) конечная – в качестве последнего символа заключительного слова.

Выстроенная нарративная структура как коммуникативная составляющая представляет собой взаимодействие читателя и говорящего (повествователя) и всегда является опосредованной. Читатель взаимодействует с замещающим образом, а не с реальным говорящим. Мировоззренческие установки замещающего образа напрямую зависят от отправителя текста. Субъект речи может быть представлен в качестве наблюдателя, субъекта восприятия и субъекта сознания. Читатель, в свою очередь, также является абстрактным образом, включающим в себя абстрактного, фиктивного и реального получателя сообщения.

Следует отметить, что форма повествования всегда обусловлена типом рассказчика и зависит от степени выраженности рассказчика в тексте. Соответственно следующим аспектом данного исследования являются непосредственно отношение повествователя к повествуемой истории и его нарративные уровни. Ж. Женетт предлагает следующие типы повествования: гетеродиегетическое повествование (нарратор существует вне повествуемой

истории); гомодиегетическое повествование (нарратор – фигура повествуемой истории). Ж. Женетт различает два нарративных уровня, а именно: интрадиегетический (первичность повествователя) и экстрадиегетический (вторичность повествователя). Ж. Женетт утверждает, что повествователь может быть в своем повествовании либо центральной фигурой (автодиегетический нарратор), либо очевидцем и наблюдателем.

По предложенным параметрам исследователь выделяет следующие типы статуса повествователя: 1) экстрадиегетический-гетеродиегетический (повествователь первой ступени рассказывает историю, в которой он отсутствует); 2) экстрадиегетический-гомодиегетический (повествователь первой ступени рассказывает свою собственную историю); 3) интрадиегетический-гетеродиегетический (повествователь второй ступени рассказывает историю, в которой он сам отсутствует); 4) интрадиегетический-гомо-диегетический повествователь (повествователь второй ступени рассказывает свою собственную историю) [Женетт 1998: 420–421].

Оставаясь в рамках терминологии Ж. Женетта, Сюзан Ларсен предлагает более детальную градацию нарратора, в которой недиегетический нарратор, он же – непричастный нарратор – не присутствует в повествуемой истории, и диегетический нарратор со следующими типами: непричастный очевидец, очевидец-протагонист, второстепенный персонаж, один из главных персонажей, главный герой (нарратор-протагонист) [цит. по: Шмид 2008: 90–91].

Повествовательная норма требует единства точки зрения, что означает единообразное использование одного и того же персонажа, действующего лица в литературном произведении [Белокурова 2005] в пределах одного повествования – либо всегда первое, либо всегда третье лицо. Е. В. Падучева трактует это правило следующим образом: точка зрения определяется выбором одного субъекта на роль говорящего, который не может меняться на протяжении своей речи. Так, в повествовании от первого лица рассказчик «принадлежит миру текста», принимает участие в изображаемых событиях и

имеет прямое отношение к описываемой нарративной реальности, пропуская все сквозь призму своего мнения и восприятия окружающей действительности. Однако, повествователь в нарративе от третьего лица, напротив, «не принадлежит миру текста». Исследователь отмечает, что повествовательная форма в нем создает видимость объективности, так как мир никем не изображается и предстает перед читателем сам по себе [Падучева 2010: 214].

На основании изложенного возникает необходимость уточнить понятия «рассказчик», «повествователь» и «нарратор», а также проанализировать типы повествования (от первого лица, от второго лица, от третьего лица и от нескольких лиц). Повествование от первого лица считается личным повествованием, тогда как повествование от третьего лица относится к безличным повествованиям. Несмотря на то, что большинство исследователей считает рассказчиком ведущего повествование от первого лица, а того, кто ведет повествование от третьего лица, – повествователем, это деление не является достаточно определенным.

Рассказчик является неким связующим звеном между читателем и автором, который не разговаривает непосредственно с читателем, предоставляя роль субъекта речи рассказчику [Солганик 2014: 113], повествователь, в свою очередь, репрезентирует события с определенной позиции.

Повествователь – это «только одна из форм авторского сознания», тогда как автор «всеведущ и вездесущ», однако степень его проявленности в тексте может быть различной. В связи с этим Е. И. Орлова выделяет две близкие друг другу формы, а именно: несобственно-авторское повествование и несобственно-прямую речь, отличить которые достаточно проблематично [Орлова 2021: 9–10]. Вместо понятий «рассказчик» и «повествователь» В. Шмид ввел категорию «нарратор» [Шмид 2008: 44]. Рассказчик и повествователь могут иметь имена, элементы биографии, описание внешности и характера, выражать свои определенные жизненные позиции и принципы и т. д. Выбор «голоса» нарратора, реального или вымышленного лица, ведущего повествование в художественном произведении [Комлев 2006], происходит при

помощи определенной техники подачи сюжетной информации. Это позволяет создавать иллюзию присутствия участника происходящих событий. Кроме того, режим повествования предполагает конструирование специфики речи ведущего рассказчика.

В повествовании от первого лица нарратором выступает рассказчик, выполняющий роль персонажа и называющий себя с помощью личного местоимения «я» или реже «мы». Его задача заключается в выражении мыслей и чувств рассказчика, скрытых и недоступных внешнему наблюдателю, что дает возможность персонажу использовать различные формы самонаблюдения и рефлексии.

Повествование от первого лица предопределяет конструирование нарративного идиостиля (индивидуального стиля) рассказчика, который может оставаться эксплицитным, выступать в качестве главного героя, второстепенного участника событий, случайного свидетеля, последовательного хроникера. Такой рассказчик переключается с одной роли на другую либо их совмещает. Для «Я»-рассказчика характерны неполнота сведений, субъективность в осмыслении происходящего, подаче событий, оценке других действующих лиц.

Повествование от второго лица представляет собой один из редких способов повествования, в котором рассказчик обращается к себе на «ты», подталкивая читателя к мысли о том, что персонаж находится внутри истории.

Повествование от третьего лица распространено в литературе и предоставляет автору наибольшую гибкость, позволяя ему упоминать персонажа (персонажей) как «он», «она» (чаще), «они» (реже). Повествователь противопоставлен другим персонажам в качестве фигуры иного пространственно-временного плана, он является объективным наблюдателем или всезнающим рассказчиком. В отличие от повествования от первого лица, где наблюдается соотношение «речь рассказчика – речь персонажей», в повествовании от третьего лица присутствует взаимосвязь «речь повествователя – субъектно-речевой план героев».

Повествование от нескольких лиц, или «фокализация» [Женетт 1970], может быть с нулевой фокализацией (классический нарратив с повествователем, все знающим о своих героях), внутренней фокализацией (информация для читателя подается через призму субъективного сознания героя), внешней фокализацией (взгляд читателя на героя через нейтральный безоценочный нарратив).

К способам повествования относятся: 1) комментарий повествователя, определяемый как текст, объясняющий другой текст, а также описание, краткий анализ какого-либо события [Дмитриев 2003]; 2) сообщение повествователя – краткое изложение, передающее суть информации [Там же]; 3) косвенная речь – форма передачи чужой речи, организованная синтаксически в виде сложноподчиненного предложения [БЭС 2000]; 4) внутренняя речь – речь действующего лица, обращенная к себе самому и не предназначенная для слуха других [ТекстоЛогия.ру]; 5) внутренний монолог – оглашение чувств и мыслей, раскрывающих внутреннее состояние персонажа [Там же].

Текст не всегда выдерживается в одной авторской речевой манере, поэтому имеют место разноречие и чужое слово. Разноречие представляет собой отсутствие единства во мнениях и взглядах [БЭС 2000], что в художественных произведениях прослеживается через воссоздание различных манер говорения и мышления; чужое слово [Бахтин 1994: 90–95] – неавторские и художественно значимое, используемое наряду с прямым авторским словом.

Любое слово текста, как уже указывалось выше, всегда принадлежит конкретному субъекту речи, который в определенный момент повествования будет всегда только один, но объектов сознания может быть несколько. Следовательно, любая реплика героя является выражением его сознания, и это сознание включено во внутренний мир повествователя, т. е. присутствует «рассказ в рассказе». В случае, если функцию повествователя выполняет непосредственно автор, то так называемый «рассказ в рассказе» входит отдельным компонентом во внутренний мир повествователя, в свою очередь, если функцию повествователя выполняет персонаж, то его рассматривают как

компонент, присутствующий в авторском сознании. Так, авторское сознание включает в себя сознание героя повествования, который моделирует мир сознания носителя текста или реплики. Любое повествование является выражением целостного художественного мира, субъектом которого всегда будет личность, а также передача информации от автора к его герою и от него к следующему действующему лицу.

К проблеме типов нарратора обращались П. Лаббок [1957], Н. Фридман [1955], В. Фюгер [1972]. На наш взгляд, В. Шмид предлагает наиболее удачную типологию нарратора, разделив ее по критериям и типам: 1) способ изображения, тип нарратора: эксплицитный – имплицитный; 2) диегетичность, тип нарратора: диегетический – недиегетический; 3) степень обрамления, тип нарратора: первичный, вторичный, третичный; 4) степень выявленности, тип нарратора: сильно – слабо выявленный; 5) личность, тип нарратора: личный – безличный; 6) антропоморфность, тип нарратора: антропоморфный – неантропоморфный; 7) гомогенность, тип нарратора: единый – рассеянный; 8) выражение оценки, тип нарратора: объективный – субъективный; 9) пространство, тип нарратора: вездесущий – ограниченный по местонахождению; 10) информативность, тип нарратора: всеведущий – ограниченный по знанию; 11) интроспекция, тип нарратора: внутринаходимый – вненаходимый; 12) профессиональность, тип нарратора: профессиональный – непрофессиональный; 13) пространство, тип нарратора: ненадежный – надежный [Шмид 2008: 45].

В современной лингвистике выделяют два основных типа повествования, существующих в тексте как отдельно, так и взаимодействуя друг с другом, т. е. повествование может вестись от лица рассказчика и являться аукториальным либо от лица персонажа, что указывает на акториальность. Сама повествовательная инстанция практически всегда является сложным соединительным компонентом точек зрения, поэтому это деление относительно. На объективность повествования оказывают влияние доминирующая авторская речь и точка зрения повествователя, субъективное

повествование отличается наличием голосов персонажей, из которых складывается субъективно-речевой план действующих лиц.

Термин «ауктор» применяется к повествовательной ситуации для разграничения нарративных типов или способов презентации материала повествования с позиции того, кто является для читателя центром ориентации в ходе рассказа [Genette 1998; Kristeva 2004, 2013; Lintvelt 1981; Stanzel 1955, 1998, 2008 и др.]. Ауктор представляет собой того, кто организует мир художественного произведения, и предлагает свою, доминирующую по отношению ко всем остальным позициям, интерпретацию событий читателю.

В свою очередь, ауктор может выступать в роли «чистого» рассказчика (не является действующим лицом рассказываемой истории и не зависит от описываемых им событий) и совмещать функцию рассказчика и действующего лица – непосредственного участника событий, происходящих в вымышленном мире художественного произведения (гетеродиегетическое и гомодиегетическое повествование).

Инстанция ауктора указывает на то, чья оценка, точка зрения или суждение будет превалировать: всеведущего и безымянного повествователя (гетеродиегетический аукториальный тип, рассказ ведется от третьего лица) или персонажа-повествователя (гомодиегетический аукториальный тип, повествование от первого лица) [НОЭС].

Термин «актор» является абстрактной категорией, применяемой в качестве одной из составляющих рассказа или инстанции акта, относящейся к художественной коммуникации [Bal 2009; Greimas 1984 и др.]. Актор выступает в роли персонажа и подчеркивает ограниченность нарративной перспективы, что дает возможность читателю почувствовать другую точку зрения, оценивающую и интерпретирующую описываемые события по-иному.

Персонаж в литературном произведении может выполнять одновременно функции субъекта и объекта повествования (нарратора и актора). При этом нарратор берет на себя функции контроля (функция управления) и

репрезентации (нарративная функция), актер – осуществляет функцию действия и не наделяется функциями контроля и повествования [НОЭС].

Таким образом, если в «фиктивном мире» центральным ориентиром для читателя являются суждения, замечания и оценка повествователя, то нарративный тип будет аукториальным; если читатель видит этот мир глазами одного из персонажей, то повествование будет акториальным. В противоположность этим двум типам выступает нейтральный тип (лишен индивидуализированного центра ориентации), осуществляющий имперсональную регистрацию слышимого и видимого внешнего мира.

1.1.2. Композиционно-речевые формы нарратива

Текстообразование в нарративе создается за счет таких единиц ментального формализованного языка, как композиционно-речевые формы (*Darstellungsarten*) (далее КРФ) высказывания, под которыми понимаются сложные, структурирующие мысль тексторечевые единства, способствующие структурированию мысли и упорядочиванию ее развития, придающие ей законченность и целостность [Брандес 2004: 72].

Согласно М. П. Брандес, в зависимости от характера соотнесенности речи с действительностью немецкие стилисты выдвигают различные критерии к КРФ высказывания. Г. Ипсен [1932] выделяет четыре основные группы форм, представляющие собой разные КРФ: *Befehlen* (повеление), *Aussagen* (сообщение), *Werten* (оценивание), *Fragen* (вопрос). В. Кайзер [1940] уточняет эту классификацию и указывает на то, что высказывание как отображение событий оставляет действительность неизменной, в то время как остальные речевые формы вмешиваются в нее и становятся сами событием. В. Кайзер предлагает свою классификацию, в которую входят *Aussage* (высказывание), *Mittlung*, *Bericht* (в зависимости от цели и характера сообщения), *Beschreibung*, *Schilderung* (показ), *Erörterung*, *Erklärung* (разъяснение). В. Порциг [1934] предлагает *Redeformen der Darstellung* (речевые формы высказывания),

Entscheidung (решение), *Spannung* (напряжение), *Nachhall* (отклик) [Брандес 2009: 100]. КРФ охватывают определенные процессы, способы структурирования текста, результат этих процессов и выступают стабильными комбинациями элементов-носителей в структуре текста [Домашнев 1989: 116–117].

Вслед за Г. Меллером, Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс выделяют следующие формы: *Erzählung* (повествование), *Bericht* (сообщение), *Schilderung* (динамическое описание), *Beschreibung* (статическое описание), *Charakterisierung* (рассуждение) [Ризель 1975: 269–271].

В. Флейшер и Г. Михель указывают на информативный (*informativ*) и импрессивный (*impressiv*) типы коммуникативно-речевых форм [Fleischer 1993: 276–277]. Для КРФ информативного типа характерны следующие стилевые черты: относительная яркость, точность, ясность и объективность, выражающая дистанцированность автора от объекта описания. Помимо вышеуказанных стилевых черт КРФ, выделяются также эмоциональность и «рыхлость» изображения (*Lockerheit der Darstellung*). КРФ импрессивного типа отличаются субъективностью в широком смысле, здесь прослеживаются непосредственный контакт автора с описываемым событием, четко выраженная экспрессивность, относительная широта, «рыхлость» изображения и определенная степень объективности изложения [Домашнев 1989: 117–118].

Как правило, речевая деятельность осуществляется посредством более крупных единств, состоящих из нескольких предложений и представляющих собой отрезки связанного текста, а не отдельных слов и предложений, поэтому фундаментальными речевыми формами считаются сообщение, описание, рассуждение. Большую роль в КРФ играет описание, так как оно непосредственно служит для выражения факта существования предметов и их признаков, а также для передачи статического и динамического состояния действительности. Объектами описания служат процессы, явления действительности и др., подразделяющиеся на два вида, а именно: статическое и динамическое описание. Статическое описание направлено на описание

предметов, которые изображаются в их качественной определенности, стабильности, неизменности в определенный отрезок времени, что указывает на статичность. В описании выделяются два вида отношений: «предмет – пространство» и «предмет – признак», вследствие чего описание имеет предметно-атрибутивную или предметно-адвербиальную форму.

Для статического описания характерны следующие языковые константы: 1) наличие адвербиальных и атрибутивных конструкций в тексте; 2) преобладание сложных предложений с придаточными определительными или локальными; 3) преобладание однотипной коммуникативной структуры предложения: данное – новое; 4) присутствие единого временного плана описания; 5) употребление глаголов статики и состояния в качестве сказуемых; 6) наличие пассивных конструкций; 7) конкретная наглядность образов; 8) замедленный ритм повествования; 9) ограничение пространственной перспективы посредством лексических и грамматических репрезентантов (локальные наречия, предлоги локальной семантики, предложно-субстантивные группы); 10) наличие параллельной связи между предложениями; 11) существительные конкретно-предметной семантики и их употребление в прямом номинативном значении [Там же: 118–120].

В динамическом описании, объектом которого может быть процесс или действие, изображаются предметы в движении, изменении, перемещении относительно друг друга, например, внутреннее состояние и переживания героя, его деятельность или движение в определенный момент.

КРФ «сообщение» является основной формой информационного содержания и сообщает о временном развитии события, сообщение отличается от динамического описания событий тем, что события, показанные во временном развитии, не связаны «пространственным соположением». Следует добавить, что *сообщение* отличается краткой формой, передает суть информации и не содержит какой-либо оценки. М. П. Брандес указывает на разнообразие речевой формы и выделяет следующие разновидности: сообщение о фактах (*Tatsachenbericht*), сообщение о настроении

(*Stimmungsbericht*) и состоянии (*Zustandsbericht*), сообщение о переживании (*Erlebnisbericht*), сообщение о событиях (*Vorgangsbericht*) [Брандес 2004: 61].

Предполагается, что сюжет произведения передается через повествование, причем актуализация признака сюжетности становится возможной посредством элементов сюжетодвижения, к которым относятся антропонимы (обозначают действующих лиц и другие элементы номинативной цепочки), топонимы (определяют пространство произведения), темпоральные указатели во взаимодействии с акциональными глаголами (указывают на продвижение и развитие действия).

В зависимости от предметного поля и от того, какой функционал событий берется во внимание, события можно рассматривать и характеризовать по-разному. Так, например, посредством наблюдения можно констатировать события в определенном отрезке времени. События, по мнению С. В. Герасимова и Г. Л. Тульчинского, представляют собой некие значительные явления, которые отражаются на какой-либо оси координат, например, на оси времени [Герасимов, Тульчинский 2018: 7].

Событийная ситуация всегда лежит в основе повествования и, соответственно, тесно связана с сюжетностью произведения. Основными параметрами событийной ситуации являются обозначения персонажей и их действий, а также места и времени происходящего, таким образом, в повествовательном тексте имеют место событийные единичные и регулярные ситуации.

Характер повествования определяется изображением событийной ситуации и динамикой развития сюжета, при этом основную роль в актуализации акциональности играет семантика глаголов. В качестве сказуемого используются акциональные глаголы, к которым относятся глаголы движения, эмоционального и речемыслительного действия, глаголы физического действия и др. Рематическое выделение акциональных глаголов является существенным средством акциональных глаголов, образующих в тексте акциональную рематическую доминанту.

События и действия персонажей в повествовании всегда изображаются в последовательном развитии и их временной соотнесенности. Временная последовательность событий и действий, обозначенная через глагольные временные формы, обеспечивает сюжетную динамику произведения.

Н. Н. Пелевина отмечает временную последовательность событий и указывает на лексические элементы в тексте: словосочетания, обозначающие различного рода события; слова и словосочетания темпоральной семантики со значением длительности, характерные для демонстрации протекания действия во времени; локальные словосочетания, свидетельствующие о перемене места действия. Актуализация значения временной последовательности достигается путем порядка слов в предложении (следуют друг за другом) и характера синтаксической связи между ними (цепная связь между предложениями) [Пелевина 1989: 14–16].

Рассуждение, описание и повествование рассматриваются в ряде исследований как единицы авторской монологической речи. Одним из признаков повествования выступает монологичность, посредством которой субъект речи сообщает (рассказывает) о чем-либо адресату речи, т. е. действует в соответствии с определенной коммуникативной ситуацией или заданием. Большая часть повествования ведется персонифицированным или аукториальным рассказчиком, тогда как персонажи ведут рассказ о каких-либо событиях. Персонажи реализуют свое повествование посредством прямой речи в виде монолога, в форме несобственно-прямой или внутренней речи, чаще всего это воспоминания персонажа. В повествовании события предстают как завершенные, причем между рассказчиком и излагаемыми событиями создается определенная дистанция, которая зависит от типа рассказчика и может быть различной. Степень субъективности или предполагаемой объективности связана с типом рассказчика и со стилевой установкой автора. По признаку субъективности или объективности сообщение отличается от рассказа, который, в отличие от сообщения, представляет собой субъективно окрашенное повествование.

Одной из КРФ является рассуждение, предметом содержания которой является умозаключение относительно какой-либо проблемы, темы, логического развития мыслей. КРФ «рассуждение» передает порядок мыслей, их содержание, причину возникновения, естественный или спонтанный характер. Наряду с рассуждением следует отметить размышление, которое является результатом широкого мышления, где все или почти все ставится под сомнение. Часто размышление соотносят с внутренней речью персонажей, что и объясняет синтаксические особенности данной формы: неполную структуру предложений, фрагментарность, отрывочность, незавершенность.

КРФ отличаются друг от друга и выражаются во взаимодействии с определенными видами тема-рематической прогрессии, КРФ повествования также определяет характер референционного движения в тексте. На наш взгляд, лексико-тематическое наполнение отдельного фрагмента текста является для КРФ наименее формализованным и однозначно определяемым.

В современной лингвистике функционально-семантические типы речи (далее ФСТР) сопряжены с вопросом о понимании языковых явлений, связанных с текстовым уровнем, имеющим определенное речевое оформление и типизированное значение. ФСТР определяются в широком понимании как явления, имеющие место в системе языка и в сознании говорящего в качестве типизированных логико-смысловых структур, тогда как в узком смысле – в качестве текстовых и речевых явлений. К. А. Андреева различает такие ФСТР, как монологические, куда относятся описание, повествование, рассуждение, и диалогические, для которых характерны вопрос и побуждение. Термин «функционально-семантические типы» указывает на коммуникативно-прагматическую, или функциональную, природу КРФ и описывает их в формально-грамматическом (типы предложений, лексические особенности, доминирующие части речи) и предметно-логическом (тема, логические отношения) аспектах [Андреева 2019: 46].

Функционально-смысловой аспект оказывает существенное влияние на комбинацию и отбор языковых средств, часть из которых задействована для

реализации одной из «коммуникативных интенций». Рассмотрение языковых средств в данном аспекте необходимо для «адекватного восприятия адресатом речи КРФ как функционально-смысловых типов речи». Однако указанное обстоятельство не предусматривает наличия жестких корреляций между языковым оформлением композиционно-речевых форм и функционально-смысловым содержанием [Андреева 2019: 48].

В художественном тексте применяются все виды КРФ, однако их значимость и роль в композиции текста зависит от реализации замысла автора. Взаимодействие вышеуказанных форм в структуре текста, их интеграция в композиции целого является их общей закономерностью. Для повествования характерны размышления автора и персонажей, а также описание различного рода событий. Описание и размышление могут оформляться как самостоятельные абзацы, что дает им возможность использования взаимодействия форм в пределах одного предложения или вкрапление микроформ одной КРФ в другую.

В различных КРФ обнаруживается достаточно большое количество языковых единиц, например, вопросительные структуры, глаголы движения, используемые в динамических описаниях и характерные для повествования и др. В рамках текстового целого КРФ находятся во взаимодействии, поэтому определение границ между ними оказывается зачастую затруднительным. В ряде текстов прагматика осложнена установкой адресанта на автокоммуникацию (адресат и адресант совпадают).

1.1.3. Специфика литературного нарратива

Одним из значимых аспектов изучения современной нарратологии является обращение к художественному тексту, описать который при помощи одной модели не представляется возможным. К базовым идеям нарратологи относят трактовку текста как своего рода художественную коммуникацию. К нарративным текстам относят различные тексты, в которых происходит

отсылка к событиям, произошедшим в прошлом. К таким видам текстов можно отнести бытовые разговоры, дневниковые записи, мемуары, художественные произведения и др.

Любой литературный текст представляет собой сообщение, которое получает читатель. Литературная коммуникация является своего рода диалогом между автором и читателем.

Литературно-повествовательные тексты воспроизводят накопленный опыт, необходимый для успешного взаимодействия людей друг с другом.

Е. А. Попова рассматривает литературный нарратив прежде всего как прозаический художественный текст, созданный человеком (автором) для других людей (читателей) и рассказывающий о людях и событиях, происходящих с ними [Попова 2002]. Согласно утверждению В. А. Андреевой, литературный нарратив может исследоваться как дискурс, имеющий особую стратегию текстообразующего освоения мира, межтекстовое когнитивно-тематическое пространство либо когнитивно-коммуникативное событие. Непосредственными участниками таких событий являются автор и читатель, причем автор творчески реализует существующие до текстопорождения способы видения и представления мира, а читатель воспринимает текст [Андреева 2009: 5].

Литературный нарратив способен демонстрировать то, что происходит на внешнем уровне повествования и касается абстрактного автора и читателя. Автор и повествователь выбирают тип повествования, подходящий тексту, как форму коммуникации между читателем и повествователем. Это особая стратегия текстопорождения, основанная на коллективном (сверхличном) опыте освоения мира, отраженного в текстах. Литературно-повествовательные тексты воспроизводят «сверхличный» опыт, что является определенным условием для взаимодействия людей друг с другом [Андреева 2019: 42].

К центральным категориям литературного текста можно отнести нарративность и литературность.

Нарративность как фактор текстообразования имеет внешние пределы, отражающиеся в специфике нарративных текстов, и внутренние пределы, определяющие способы взаимодействия разных текстовых факторов, находящихся внутри одного текста. Нарративность как стратегия предполагает наличие в тексте некой опосредующей инстанции, находящейся между автором, читателем и изображаемой действительностью. Коммуникативно-прагматические стратегии лежат в основе композиционно-речевых форм (КРФ), рассмотренных нами выше: сообщение, описание и рассуждение.

Наиболее ярко нарративность проявляется в художественных произведениях как продуктах художественного творчества. Замысел писателя воплощен в художественный текст, представляющий собой «отдельное в высшей степени индивидуальное произведение художественной речи», написанное на определенном языке [Нелюбин 2003].

Нарративность характеризуется специфической стратегией текстообразующего способа изображения мира или его части, представленной в виде сюжетно-повествовательных высказываний с наличием некой истории, интриги, передаваемой с определенной точки (точек) зрения.

Литературный нарратив отличается традиционными критериями нарративности, такими, как повествовательная перспектива, выявленность повествователя, темпоральность, модус, событие.

Критерий повествовательной перспективы исходит от степени охвата повествователем повествуемого мира, что позволяет говорить о наличии некой повествующей инстанции, а именно выявленного или невыявленного «всеведущего» повествователя, способного проникать в повествуемый мир.

В тексте главное значение имеет эксплицитное присутствие повествовательной инстанции, т. е. нарратора (рассказчика, повествователя), ответственного за выражение в языковой форме художественной информации. В. Шмид выделяет фиктивного нарратора как адресата всех сообщений текста, отбирающего события фиктивного мира и собирающего их в определенную

историю. Он вводит в текст систему оценок, подбирает слова персонажей и передает их, подвергая нарраториальной (своей) обработке [Шмид 2008: 37].

Личность нарратора, его место в повествовании все еще остается одной из самых дискутируемых тем. В любом повествовании им может выступать конкретный автор как реально существующая создавшая произведение личность, однако в рамках нарратологии эту инстанцию невозможно рассмотреть вследствие отсутствия информации о ней в тексте, читатель представляет не автора, а созданный им образ.

Повествователь может быть выявленным или нет также в случае ограниченной повествовательной перспективы, связанной с определенной точкой зрения, определяющей отбор информации. Повествователь способен вынести за рамки повествования то, о чем не могут знать ни персонаж, ни рассказчик.

Критерий выявленности повествователя прослеживается через грамматическую форму лица (первое или третье лицо). За каждым повествованием имплицитно стоит первое лицо, поэтому правильнее будет утверждать, что повествование ведется не от третьего лица, а о третьем лице.

Образ автора может рассматриваться как реальная историческая личность (создатель произведения) и как личность абстрактная, существующая в тексте виртуально, слово автора – это весь текст как единый коммуникативный акт [Микалаускайте 2019: 36–37].

Следующим значимым критерием нарратива считается его темпоральность, отвечающая за расположение в нарративе событий в хронологическом, линейном порядке. Каждое явление в художественном произведении имеет свой собственный ритм и временную протяженность. Так, чем насыщеннее изображаемый писателем временной промежуток, тем стремительнее течение событий, и наоборот.

Существенным является критерий модуса, который позволяет разграничить восприятие и речь, совпадающие в случае идентичности

повествуемой и повествующей инстанции и различные, если повествуемая и повествующая инстанции не идентичны [Андреева 2007: 66–67].

События являются центральной составляющей современной нарратологии, и определять их следует как минимальные нарративные единицы. В качестве элементарной единицы сюжета рассматриваются намеренные или ненамеренные действия персонажей, служащие измерением их состояний, а также сами свойства и состояния. Явления, процессы и действия персонажей являются динамическими мотивами, свойства и состояния – статическими [Андреева 2006: 45–46].

События переходят в сюжет, опираясь на значимые явления, продиктованные логикой художественного мира (эмпирические критерии) или логикой повествования (художественные критерии). Ю. М. Лотман рассматривает все тексты как сюжетные и бессюжетные и делит структуру событий на некое пространство (топос), семантическую границу и подвижного персонажа [Лотман 1998: 226–227]. Литературный нарратив взаимосвязан с культурой, ее особенностями, посредством которых читатель приближается к миру литературных героев.

Не менее существенными для восприятия читателем художественного произведения являются участник(-ки) событий, сама предыстория событий, протекание событий и их постистория.

В содержательной структуре субъективного авторского нарратива рассказчик выступает в качестве участника событий, повествующего о своем личном опыте («рассказ о себе»). Здесь наблюдается соединение субъективной точки зрения рассказчика и персонажа, что прослеживается в модусе текста («я рассказываю тебе о своих состояниях и действиях») и в единой направленности вектора оценки. Временное развертывание события рассматривается с трех сторон: пресобытие (включает намерение действующего лица, планирование и подготовку действия, его опыт в выполнении подобного рода действий); эндособытие (собственно маркированное событие, о котором идет речь, с его

собственной структурой в рамках его темпоральных границ); постсобытие (то, что следует за эндособытием) [Шабес 1989: 56–57].

В качестве прототипа литературного нарратива К. А. Андреева предлагает следующую схему анализа: 1) резюме: в чем суть? 2) ориентация: кто, когда, что, где? 3) осложняющее событие: что случилось? 4) оценка: что в этом интересного? 5) результат или решение: что случилось в конце концов? 6) итог: окончание и возвращение к исходной ситуации [Андреева 2006: 120].

Литературный нарратив складывается из истории как некой последовательности взаимосвязанных событий, что говорит о наличии структуры изображаемого объекта, прагматического аспекта истории, которая проходит через некую точку зрения – центр ориентации читателя художественного произведения.

Согласно «Словарю лингвистических терминов», понятие *литературности* понимается «как система принципов жанровой организации словесных текстов в процессе их создания и функционирования» [TextoLogia.ru].

Ж. Женетт выделяет два режима литературности: конститутивный (характеризует речевые высказывания (тексты) как частные манифестации литературного дискурса с его специфическими особенностями) и кондициональный (историческая изменчивая система эстетических критериев или оценок) [Женетт 1998: 471], предлагает разграничить их на тематические критерии (имеющие отношение к содержанию) и рематические (характеризующие форму) критерии [Женетт 1998: 342].

Фиктивность как вымысел не исчерпывает специфики текста как литературного и эстетического объекта. К тематическим критериям литературности также следует отнести автобиографическую реконструкцию как апеллирование к индивидуальному опыту ее автора. Литературный нарратив является своего рода литературно-художественной коммуникацией между читателем и автором, который, согласно своему творческому замыслу, выбирает комфортные ему приемы, средства и способы текстообразования.

Конечный результат подобной коммуникации будет зависеть от принятия или непринятия читателем авторского замысла.

Таким образом, литературный нарратив имеет прагматическую направленность и воплощает коллективный опыт определенного способа текстообразования, делает возможным использование его в конкретном речевом высказывании (тексте). Признаками литературного нарратива являются наличие некоей истории (интриги, фабулы), преломление истории сквозь призму определенной точки зрения, соотносительность различных точек зрения с повествовательными инстанциями, обращенность текста к адресату.

1.2. Проявление гендерных аспектов в языке

Во второй половине XX века в связи с новым толкованием процесса категоризации, вниманием к субъективному и формированием отличных от прежних теорий личности были полностью переосмыслены категория пола как биологическая генно-гормональная детерминированная категория и собственно гендер как социальная категория.

Новый подход нуждался в терминологии, способной удовлетворить методологические установки ученых, что стало причиной появления термина «гендер» в научных исследованиях и повлияло на изучение лингвистических способов его как в языке, так и в коммуникации. Являясь одной из важных частей постмодернистской философии, феминистская критика языка дала толчок научным исследованиям в данной области.

Взаимосвязь языка и гендера стала фокусом исследований, отличавшихся своими характерными особенностями, а именно: лексикон, номинативная система, категория рода, синтаксис и др. Становление гендерной лингвистики приходится на конец XX века, что объясняется сменой научной парадигмы в гуманитарных науках и развитием постмодернистской философии. Целью данных исследований стал поиск лингвистических механизмов, объясняющих различие в языке людей разного пола.

Согласно Н. Л. Пушкаревой, в Европе и США появляются гендерные исследования, которые можно разделить на ряд периодов. Так, первый период характеризуется появлением «женских исследований» (конец 1960-х – начало 70-х годов) – в основе лежит социально-политический контекст, издаются первые феминистские журналы, литературоведы рассматривают образный и речевой стиль женщин-писательниц. Второй период гендерных исследований (80-е годы) отличается признанием «женских исследований», возникновением «мужских» (андрологии) – широко обсуждается дискриминация женщин, в том числе и в литературе. Для третьего периода (конец 1980-х – конец 90-х годов) характерно объединение и размежевание, что выразилось в поддержке феминистками феминизма равенства и феминизма различий и создание метатеории, раскрывающей отношения между наукой, властью и гендером. Четвертый период гендерных исследований (конец 90-х годов – настоящее время) раскрывает проблемы глобализации, касающиеся социальных вопросов, отказывается от «смешания» мужских и женских нарративов при реконструкции жизни отдельных этносов. Исследователи проявляют интерес к особенностям гендерного концепта в разных языках и культурах, их несовпадения и последствия этого несовпадения в рамках межкультурной коммуникации также являются причиной научных дискуссий [Энциклопедия Кругосвет. Пушкарева].

Рассмотрение женского языка как своего рода отклонения от нормы было одним из спорных вопросов прошлого столетия, остается таковым до настоящего времени и является причиной появления широкомасштабных лингвистических исследований.

1.2.1. Исследование гендерной асимметрии в языке

Гендер представляет собой функционально-прагматическую категорию. Современное гендерное направление в лингвистике не рассматривает связь между грамматической категорией и биологической категорией пола (гендера)

[Ulrich 1988: 399]. Однако гендер всегда изучался с позиции принадлежности человека к биологическому полу с рождения и наполнялся конкретным или абстрактным содержанием, взятым из идеи полов.

Вследствие разрозненных исследований в лингвистике тема взаимоотношений языка и гендера оставалась долгое время периферийной, и только в XVII веке появилось описание «первобытных» экзотических языков, в которых имело место деление на мужские и женские варианты употребления и произношения слов. В начале XX века наблюдается рост интереса к коммуникации и гендерным аспектам языка, что позволило проблеме пола и языка переместиться в лингвистике на передний план и обратить на себя внимание Э. Сепира [1915], О. Есперсена [1922] и Ф. Маутнера [1921] [Скачкова 2009: 120–122].

В середине 60-х годов XX века в гендерной лингвистике наметились следующие направления: 1) обоснование социальной природы языка мужчин и женщин (М. Фуко, И. Гоффман); 2) выявление частотности использования различных языковых средств мужчинами и женщинами путем статистического анализа; 3) объяснение различий мужского и женского речевого поведения посредством когнитивного (мыслительного) процесса. В этот период появляется женское движение в Германии и США, повлекшее за собой зарождение феминистской лингвистики. В конце 60-х годов интенсивно развивалась коммуникативная семантика, наметился уход ученых от структуралистского взгляда на язык, стали проводиться исследования в рамках прагматики, уделялось внимание языку, социальным и психофизическим особенностям личности (возраст, пол, уровень образования и др.). В Европе и США гендерная лингвистика, начиная с 70-х годов XX века, пережила в своем развитии несколько этапов и стала обязательной частью гуманитарного образования [Cameron 1992, 1995, 1997; Coats 2015; Pauwels 1998; Talbot 1998, 2003, 2019; Wodak 1997 и др.]. С 1970-х годов XX века лингвистика рассматривает взаимосвязь языка, власти и пола. Так, власть открывает

личности широкие возможности достижения цели, а язык помогает устанавливать властные отношения между полами [Reisigl 2018: 44–45].

Появление во второй половине XX века гендерных теорий позволило Робин Лакофф [Lakoff 1975] выявить в речи у женщин ориентированность на партнера по коммуникации, неуверенность, большую гуманность. Женское речевое поведение выражается в интонации, наличии вводных выражений, разделительных вопросах и частом употреблении эмфатических конструкций [Lakoff 1975: 8–11, 51–83]. Сента Тромель-Плётц представила две области исследования женщин и языка: 1) структуры, которые дискриминируют женщин в отдельных языках; 2) различия в коммуникативном поведении женщин и мужчин [Trömel-Plötz 1978: 51]. Против данного утверждения выступал Хартвиг Калверэмпер, заявляя о смешении экстралингвистической категории «пол» с лингвистической категорией «гендер» [Kalverkämper 1979: 60], что до сих пор остается поводом для продолжения лингвистических дебатов [Reisigl/Spieß 2017: 22].

Начиная с 1990-х годов эмпирические исследования в значительной степени подтвердили предположение о склонности людей отдавать предпочтение наименованиям мужского рода [Braun et al. 1998; Braun et al. 2005; Klein 2004; Oelkers 1996; Stahlberg/Sczesny 2001]. Сочетание концепций мужского превосходства и женской недостаточности задало траекторию исследований языкового сексизма, нашедших отражение в работах Венди Мартины [Martyna 1980] и Марлис Хеллингер [Hellinger 1990; 1993; 2006]. Д. Таннен считает, что женщины и мужчины пользуются разными гендерными кодами в языке, что объясняет различное толкование одних и тех же языковых фактов. Так, феномен «непонимания» указывает на отличия полов и раскрывает специфику «мужского» и «женского» миров [Tannen 1986, 1990]. Д. Таннен указывает на существующие различия между коммуникационными стилями полов и утверждает, что женщины в разговоре ищут сочувствие и стремятся к установлению доверительных отношений [Tannen 1991: 25]. Западная

лингвистика на сегодняшний день не имеет определенной платформы для исследования отношений пола и языка.

В отечественной лингвистической гендерологии наиболее изученными являются теоретические аспекты категории гендера, представленные в работах А. В. Кирилиной, которая рассматривает гендер как познание, культуру, язык и коммуникацию [Кирилина 1999; 2000; 2002; 2003; 2004]. Гендерная лингвистика (лингвистическая гендерология) представляет собой направление в языкознании, основная цель которого заключается в изучении связи языка с гендером как продукта социальных и культурных отношений. Анализ структур языка прежде всего позволяет получить информацию о роли гендера в той или иной культуре, рассмотреть и сравнить поведенческие нормы, характерные для мужчин и женщин, нашедшие отражение в фиксируемых текстах различного типа и, соответственно, изучить мужские и женские стилевые особенности языка.

А. В. Кирилина изучает связь языка и пола в истории лингвистики, разрабатывает методологические вопросы лингвистической гендерологии в применении к отечественной лингвистике и выделяет биологический детерминизм, основанный на наблюдениях разрозненных фактов и очевидных генно-гормональных различиях. Широкомасштабные гендерные исследования начиная с 60-х годов были обусловлены ростом интереса к прагматическому аспекту языкознания [Кирилина 1999: 22].

Исследователь выделяет следующие направления гендерной лингвистики: 1) социолингвистические гендерные исследования; 2) феминистическая лингвистика; 3) собственно гендерные исследования обоих полов; 4) психолингвистическое изучение пола (нейролингвистика); 5) исследование маскулинности; 6) кросскультурные и лингвокультурологические исследования. Данные направления изучают такие проблемы, как язык и отражение в нем пола на основе лексикона, категории рода, номинативной системы, синтаксиса и ряда сходных объектов. Это необходимо для описания и объяснения того, как в языке показывается присутствие людей разного пола,

какие оценки им приписываются и в каких семантических областях они распространены. Лингвистическая гендерология также касается аспектов речевого поведения полов, для которых характерно выделение гендерно-специфического выбора единиц лексикона, типичных стратегий и тактик, способов достижения успешной коммуникации, т. е. рассмотрения специфики говорения мужчин и женщин [Кирилина 1999: 25].

Гендерная лингвистика затрагивает проблемы языка и отражения в нем пола (номинативная система, лексика, фразеология и т. д.), речевого поведения мужчин и женщин (речевые стратегии и тактики, гендерно-специфический выбор языковых средств и т. д.) [Кирилина 1999: 36–37], а также критику этих подходов в рамках традиционного языкознания с точки зрения андроцентричности и гетеронормативности исследований пола. Под руководством А. В. Кирилиной создана Московская гендерологическая школа, рассматривающая системно гендерный параметр: 1) на микроуровне (гендерные предпочтения в использовании речевых средств и тактик общения в контексте коммуникативной ситуации); 2) на макроуровне (более широкий социокультурный контекст, связанный с соблюдением определенных конвенций и правил); 3) на метауровне (когнитивная база говорящих с присутствующими гендерными и иными стереотипами, преломленными культурной традицией) [Кирилина 2004: 85].

Е. И. Горошко рассматривает современное состояние гендерных исследований и выделяет следующие взаимодополняющие подходы: 1) социальная природа языка женщин и мужчин, связанная с особенностями перераспределения социальной власти в обществе; 2) особенности женского и мужского типов речевого поведения; 3) когнитивный аспект различий в языковом поведении полов [Горошко 2001: 509–510].

А. А. Григорян отмечает большое количество работ в области гендерной лингвистики, которые свидетельствуют о постоянных изменениях человеческого языка, его гибкости и вариативности. Неоспоримым результатом исследований считается также тот факт, что язык мужчин не является

принципиально отличным от языка женщин. Выбор конкретных языковых средств говорящим субъектом является проявлением его языковой идентичности и собственных решений, вследствие чего имеют место два языка – «реальный» и «воспринимаемый». Так, «реальный» язык используется говорящим с целью представить себя так, как он хочет, чтобы его воспринимали другие, в то время как «воспринимаемый» язык отражает существующие стереотипы гендерных языковых отличий [Григорян 2005: 27–28].

Е. С. Гриценко обращается к вопросам моделирования процессов речемыслительной деятельности, связывает их с конструированием гендера и предлагает два подхода для лингвистического описания. Так, способ создания гендерных смыслов в аспекте их порождения и интерпретации объясняется посредством когнитивно-прагматического подхода, тогда как на выявление и описание «поверхностных» языковых аспектов гендерного дисплея направлен стилистический подход. Идея об импликатурах как особом типе значения лежит в основе первой модели и создается путем собственных умозаключений коммуникантов. В конструировании гендера роль импликации обусловлена связью между конструированием определенного вида гендерной идентичности и использованием определенного языка. Индексирование гендера происходит путем употребления символизирующих роль или качество языковых форм.

Смысловые импликатуры разделяются на прагматические (определяются статусом, интенциями коммуникантов, характером взаимоотношений между ними) и культурные (овладение общими знаниями о культурных традициях и нормах общения). Единицы всех уровней языка могут быть источниками имплицитной гендерной информации: фонетического (просодия – система произношения ударных и безударных, долгих и кратких слогов в речи), лексического (оценивание, ассоциативное, эмоциональное значение слов), морфологического, синтаксического (актуализация языковых форм в контексте) [Гриценко 2005: 27–28]. Характеризуя указывающие на присутствие женщины лингвистические средства, Е. С. Гриценко выявляет: 1) синтаксическую

организацию текста, представляющую лицо как субъект или объект действий; 2) использование безличных и дативных конструкций; 3) грамматическую форму предикатов (модальность, залог, наклонение); 4) наличие гендерно-маркированных лексических единиц, к которым можно отнести имена существительные, обозначающие лиц мужского или женского пола, личные и притяжательные местоимения, суффиксы для образования слов мужского или женского пола и др. [Гриценко 2005: 40].

Согласно мнению А. Ю. Першай, гендерная лингвистика является динамичным направлением современного языкознания, что отражается в изучении языковой репрезентации пола, стереотипов мужественности и женственности, стилистической и эмоциональной маркированности. Для гендерной лингвистики особый интерес вызывает исследование «внеязыковых» данных, связанных со словарной фиксацией, происхождением, а также с контекстуальным употреблением гендерно-маркированных языковых единиц. Для анализа единиц языка предполагается использование психологических, социокультурных и политических факторов и отмечается наличие связи различных сегментов языковой системы с какими-либо социальными институтами [Першай 2014: 7].

В проанализированных работах обозначены, во-первых, общие и различные черты в языковой практике мужчин и женщин, во-вторых, рассматривается андроцентричность языка и его гендерная маркированность.

В разной степени каждая из указанных попыток изучения взаимосвязи языка и гендера затрагивает следующие аспекты: 1) язык и отражение в нем пола (категория рода, лексикон, номинативная система, синтаксис); 2) речевое поведение представителей обоих полов (способы достижения успеха в коммуникации, тактики, стратегии, гендерно-специфический выбор единиц лексикона). Таким образом, пройдя долгий путь развития, гендерные исследования определяют актуальное направление дальнейшей разработки проблемы соотношения гендера и языка, при помощи структуры языка

раскрывается содержание самого понятия «гендер», что является одной из перспективных областей исследования в настоящий момент.

1.2.2. Способы представления феминной идентичности в немецком и русском языках

В европейских языках наблюдается тенденция формирования положительного образа женщины и женственности в языке и обществе – через замену сексистских слов на гендерно-нейтральные. Особое внимание занимают исследования в области прагматического и грамматического соответствия в обозначении человека, в нашем случае женщины.

Рассмотрим понятие «феминной идентичности», представляющее собой узнавание тождественности женственности, через гендерно-маркированные языковые единицы на примере немецкого и русского языков. Показателен тот факт, что при наличии понятия грамматической категории рода, которая выражена наличием грамматических показателей и словообразовательных суффиксов, указывающих на мужской и женский род, в немецком языке имеют место слова, грамматическая форма которых в определенной степени противоречит семантике слова, в частности феминности. Так, суффиксы *-chen* и *-lein* имеют также уменьшительно-ласкательное значение, что связано с юным возрастом женщин: *das Mädchen, das Fräulein*.

В русском языке все слова, называющие женщину, имеют женский род, за исключением экспрессивно окрашенного шуточного слова *мамусик*, образованного от существительного *мама* (жен. род по биологическому признаку), которое в современных русскоязычных контекстах также может иметь оба употребления: *Моя любимая мамусик стала блогером* и *Мой любимый мамусик облегла все вкусняшки насколько возможно / Мой любимый мамусик умудрился заболеть*. В двух последних примерах мы наблюдаем отклонение от нормы русского языка («мой любимый мамусик»).

Соответственно принимаем во внимание не только морфемный состав, но и его сочетаемость с прилагательными и притяжательными местоимениями, а также с глаголами в форме прошедшем времени.

Конфликты между грамматическим и прагматическим соответствием полов возникают не только с обозначением женщин, но и с рядом других номинаций, например, в немецком языке, *Mensch, Gast, Star* – существительные мужского рода; *Waise, Person* – существительные женского рода; *Genie, Kind, Mitglied, Opfer* – существительные среднего рода, при этом все приведенные существительные могут относиться к обоим полам. Существительное женского рода *die Wache* также вступает в грамматический и прагматический конфликт вследствие того, что в большинстве случаев относится к мужчинам. Для сравнения – в русском языке имеют место общие слова, используемые как для мужчин, так и для женщин, с женским грамматическим родом, например, *фотомодель*; с мужским грамматическим родом – *собеседник*; с «общим» грамматическим родом – *судья, декан*. Однако проблема рода в русском языке по отношению к должности может рассматриваться вне зависимости от гендерной составляющей, так как данные существительные чаще мужского рода [Голованова 2008]. В русском языке есть существительные общего рода, обозначающие лиц как мужского, так и женского пола и обычно имеющие оценочное значение: *плакса, задира, умница, молодчина, жадина, обжора, соня, ябеда*, однако не всегда, например, *сирота*. При этом в разговорной речи употребительны стилистически сниженные производные существительные женского рода с суффиксом *-к-*: *актерка, режиссерка, экспертка, президентка*.

Помимо ключевой составляющей именной фразы (*Kern-Nominalphrase*), существует конкуренция между соответствием индексов и прагматическим соответствием. Такие случаи распространены в личных и притяжательных местоимениях: *das Mädchen* (es – sie), *die Wache* (sie – er). Род существительного и биологический пол человека не всегда совпадают, однако это условие не является обязательным в языковой структуре языка. Способы

выражения семантической категории пола не случайны, потому что они могут быть обусловлены семантическими или глубокими внеязыковыми причинами.

Как известно, словообразование для большинства наименований лиц происходит путем суффиксации, полуаффиксации, аббревиации, словосложения. Суффиксация представляет собой способ словообразования, при котором новое слово образуется путем присоединения к производящей основе суффикса, указывающего на грамматический род существительного. Так, в немецком языке образование сложных слов происходит посредством сложения двух и более лексических морфем, первый компонент которых является главным, тогда как последующий – исполняет роль определяемого слова, контролирующего значение главного. Таким образом, при образовании сложных слов прослеживается определенного рода субординация или подчинение [Duden, Die Grammatik 2016: 466–468]. Например, сложное существительное *die Geschäftsfrau* (деловая женщина, женщина-коммерсант) состоит из двух существительных: *das Geschäft* (дело, предприятие, магазин) и *die Frau* (женщина), первое существительное показывает вид занятости женщины.

Особую роль в области словообразования играет аффиксация – способ образования слов с помощью аффиксов. Согласно утверждению М. Д. Степановой, ряд лексических морфем получил название «полуаффиксов» или «аффиксоидов» и представляет собой компоненты сложных слов, которые обладают высокой частотностью употребления, в составе целого претерпевают переосмысление, однако не теряют материальной и семантической связи с опорной лексемой [Степанова 2003: 115].

В немецком языке лексическими морфемами, указывающими на лицо женского пола или на что-либо имеющее отношение к женщине, могут быть, например, *-frau*: *die Ehefrau*; *-mädchen*: *das Zimmermädchen* / *Frau*:- *der Frauenberuf*; *Mädchen*:- *die Mädchenstimme*, номинации, которые могут рассматриваться как результат суффиксального словопроизводства или словосложения. В русском языке можно привести следующие

немногочисленные примеры словосложения: *женоненавистник* (*жен* + *о* + *ненавистник*), *женоподобный* (*жен* + *о* + *подобный*).

Возможен переход слов в класс существительных из других грамматических классов, что не требует каких-либо словообразовательных средств (изменения корня, аффиксов). Субстантивации может быть подвергнута любая знаменательная часть речи, междометие, служебное слово. Среди номинаций, указывающих на лицо женского пола, имеют место субстантивированные номинации, образованные безаффиксным способом от прилагательных: *die Kleine – klein, die Fremde – fremd, die Wilde – wild*, наречий: *die Angestellte – angestellt / малышка – маленький, чужачка – чужой, дикарка – дикий*.

Для немецкого языка характерны сложные слова, образованные при помощи соединительных элементов (*Fugenelemente*) *-n, -en*: *frauenlos, Blumenfrau*, которые возможны только для существительных, имеющих соответствующее множественное число: *die Frau – die Frauen, die Blume – die Blumen*.

Однако наиболее распространенным соединительным элементом при образовании сложных существительных, называющих лица женского пола, является *-s*, например, в случаях: 1) если существительное получает окончание *-s* в родительном падеже или имеет форму множественного числа с *-s* [Hentschel 2020: 131]: *Geschäftsführerin (des Geschäfts)*; 2) если сложное существительное образовано при помощи инфинитива глагола и существительного [Schlücker 2012: 8]: *Lebensgefährtin (Leben-s-gefährtin)*. В примерах *Beziehungsarbeit* и *Schönheitswahn* соединительный элемент *-s* не может служить соединительной морфемой так, как он не образует ни множественного числа (*die Beziehung – die Beziehungss*), ни родительного падежа (*die Schönheit – der Schönheits*) с окончанием *-s* и используется только для словообразования [Hentschel 2020: 34–38]. В приведенных выше примерах в русском языке *женоненавистник* (*жен* + *о* + *ненавистник*) и *женоподобный* (*жен* + *о* + *подобный*) наблюдается соединение элементов сложных слов посредством интерфикса *-о-*.

В немецком языке наименования лиц, включая профессиональные и должностные обозначения, имеют мужской род: *der Koch, der Bürger, der Kunde, der Polizist, der Professor* и др. Для обозначения женщин используется суффикс *-in*, при помощи которого образуются номинации лица женского пола, в ряде случаев сопровождающиеся умляутом: *Köchin, Bürgerin, Kundin, Polizistin, Professorin*. Этот тип словообразования упоминается как *Motion* (движение, изменение по родам) или чаще как мовирование (от лат. *movēre* – изменять, двигать) [Pusch 1984: 8] – термин получил распространение лишь в XX веке, хотя был известен с XVI века [Doleschal 2002: 43].

Кроме того, в последнее время появляется новая терминология в области номинации женских профессий, ранее не свойственных женщинам. В качестве примера можно привести авиакомпанию *Deutsche Lufthansa AG* – национального авиаперевозчика Германии, в которой около 6% составляют женщины, и эта цифра неуклонно растет. Кроме того, *Lufthansa* предложила новое слово для растущего числа женщин-капитанов – “*Kapitänin*” (слово женского рода, образованное от немецкого “*Kapitän*”, означающего «капитан»). Новая терминология была одобрена Ассоциацией немецкого языка [Мамиконян 2022].

Наиболее продуктивным способом словообразования как в немецком, так и в русском языках [Телия 2002; Неупокоева 2018; Новикова 2006; Мейрманова 1990; Doleschal 1992; Hentschel 2020; Kargl 1997; Wittemöller 1988 и др.] является мовирование. Под мовированием понимается эксплицитная деривация существительных другого рода от основы, которая называет лицо или животное [Fleischer W, цит. по: Неупокоева 2018: 369].

Мовирование следует рассматривать в историческом аспекте, так как данный способ образования женских наименований имел место еще в древневерхненемецком языке и совпадал по своим временным рамкам с распространением христианства, потерей женщинами власти и самостоятельности [Hellinger 1990: 76–79]. Различают несколько видов мовирования: 1) мовирование мужского рода (*Maskulinmovierung*);

2) мовирование женского рода (*Femininmovierung*) [Kargl 1997: 39];
3) супплетивное мовирование (*suppletive Movierung*) – к корню слова присоединяется как женский, так и мужской суффикс; последовательность деривации не может быть установлена [Doleschal 1992: 17]. Мовирование служит средством словообразования для обозначения живых существ в зависимости от их биологического пола. При этом мотивирующее слово семантически специализирует признак мужского или женского пола [Неупокоева 2018: 41]. Следует отметить, что в данном случае проблематична производность для группы существительных, обозначающих личность, образованных из первичных лексем с использованием морфем, указывающих на пол. Так, морфема *-in* обычно используется для получения женской формы от мужской основной формы. Такого рода преобразование характерно для обозначения должностей и званий: *Student – Studentin, Schüler – Schülerin, Präsident – Präsidentin* и т. д.

При мовировании существительные женского рода подвергаются двойной суффиксации (*Doppelsuffigierung*) [Hellinger 1990: 75]: *spielen – der Spiel-er – die Spiel-er-in*. В немецком языке имеют место случаи, когда производящая основа оканчивается на двойной *-er* (*Plünd(e)rer*) [Online-Wörterbuch PONS], при образовании мовированной формы происходит гаплогогия (*Plünderin*) или элизия (*Plünderin*). По данным поисковой системы Google, существительное *die Plünderin* встречается реже (результатов: примерно 149), чем *die Plünderin* (результатов: примерно 20 600).

Кроме того, встречаются редкие случаи обратного мовирования, когда женское начало становится мужским, например, *die Hexe – der Hexer, die Witwe – der Witwer* (непродуктивный вид мовирования). К данной категории также можно отнести типичное для женской профессии существительное *die Sekretärin*, являющееся производным наименованием в мужском роде от *der Sekretär* и отличающееся от него по значению [Wittmöller 1988: 86]. Существительное *der Sekretär* обозначает лиц мужского пола, знающих грамоту [Kluge 2011: 668].

В отличие от существительных мужского рода, которые могут указывать как на мужчину, так и на женщину, существительные женского рода, образованные путем мовирования, относятся только к женщинам. Так, например, в формулировке *die Anzahl der Ausländer in Deutschland* существительное *Ausländer* обозначает людей обоих полов; *die Anzahl der Ausländerinnen in Deutschland* – указывает только на тех людей, кто относится к женскому полу. В прошлом, как и в настоящее время, этот факт неоднократно приводил к оживленным дискуссиям и обвинениям в том, что немецкий, как и другие языки, которые также имеют мужской род, сексистский. Однако в следующем предложении: *Die Anzahl der Studenten ist in den Ingenieurwissenschaften höher als die der Studentinnen* четко показана разница между мужским и женским полом (*Studenten* – муж., *Studentinnen* – жен.) [Hentschel 2020: 69–70]. Эти две возможные интерпретации свидетельствуют о том, что женщины не всегда понимают, имеют ли речь о них или нет.

Помимо мовирования на *-in*, существуют также суффиксы, заимствованные из других языков и относящиеся к мало-/непродуктивным суффиксам: *-esse*, *-ette*, *-euse*, *-iere*, например, *Stewardesse* (от англ. *Steward*; более современный вариант на сегодня: *Flugbegleiterin*), а также: *Bachelorette* (англ.), *Garderobiere*, *Friseuse* (фр. от *Friseur*), *Coiffeuse* (швейц.). Однако эти суффиксы редки и используются только с иностранными или заимствованными словами. Более продуктивным, хоть и редким, является суффикс *-ine* (например, *Blondine*, *Cousine*), который также можно найти в недавно образованном слове *Schlumpfine*, называющем женщину-смурфа (героиня одноименного комикса). У. Долешал относит сюда также «составной» суффикс *-essin/-issin*: *Prinz – Prinzessin*, *Abt – Äbtissin* [Doleschal 1992: 27–28]. Проблема заключается в том, что мужская и женская формы никоим образом не считаются равными друг другу, например, наименование *Steward* обозначает обслуживающий персонал на воздушном судне и на корабле, тогда как женская форма *Stewardesse* называет сотрудницу, работающую только на воздушном судне [Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache 2015: 1023].

Женские формы могут использоваться только для обозначения лиц женского пола, в то время как мужские формы обозначают как женщин, так и мужчин.

Что касается юридических и административных текстов, то теперь во всех немецкоязычных странах есть рекомендации и инструкции, которые призваны обеспечить гендерное равенство в использовании языка. Помимо разделения понятий с указанием женщин и мужчин (*Bürgerinnen und Bürger, die Bürgerin – гражданка, der Bürger – гражданин*), используются слова *Person (die Ansprechperson – представитель), Mitglied (das Fakultätsmitglied – представитель, член факультета)*, а также причастия во множественном числе, например, *die Studierenden – учащиеся*. В отличие от существительных, причастия, как и прилагательные, не имеют фиксированного рода, даже если они субстантивированы: *der Abgeordnete, die Abgeordnete*. Поскольку в немецком языке пол не может быть выражен во множественном числе, по такой форме, как *die Studierenden*, нельзя сказать, была ли она в единственном числе образована от *eine Studierende* или *ein Studierender*; на самом деле она гендерно-нейтральна.

Мовирование для обозначения лица женского пола возможно также со следующими суффиксами: 1) суффикс *-ler*: *Sportler – Sportlerin*; 2) суффикс *-ner*: *Oberprimaner – Oberprimanerin*; 3) суффикс *-ar*: *Archivar – Archivarin*; 4) суффикс *-at*: *Soldat – Soldatin*; 5) суффикс *-ier*: *Offizier – Offizierin*; 6) суффиксы *-ateur, -eur; -ator, -or*: *Masseur – Masseurin* (продуктивная форма с суффиксом *-in* вытесняет мовированное иностранное слово), *Animator – Animatorin, Professor – Professorin, Installateur – Installateurin* (супплетивное мовирование); 7) суффикс *-ling*: *Flüchtling – Fluchtlingin* [Hentschel 2020: 75–76, 84, 86, 118].

В ряде случаев мовирование сопровождается: 1) изменением гласного звука в корне слова; 2) наличием умляута у женских наименований, имеющих односложную производящую основу или оканчивающихся на безударный *-e*: *der Koch – die Köchin, die Schwede – die Schwedin, der Schwabe – die Schwäbin* (гласный *-e* в конце производного слова выпадает). Имеют место также

номинации, которые не являются мовированными существительными, поскольку в роли действующих лиц могут выступать только женщины: *die Wöchnerin, die Kindbetterin* (роженица). На данных примерах можно заметить нарушение характерной для образования женских наименований деривационной последовательности, т. е. перехода формы мужского рода в форму женского рода.

Суффикс *-in* является одним из самых продуктивных суффиксов, используемых при образовании женских наименований, и выполняет следующие функции: 1) на грамматическом уровне служит для изменения рода существительного – от мужского к женскому; 2) на семантическом уровне – специфицирует значение ‘лицо женского пола’. Отношения между суффиксом *-in* и производящей основой реализуются по отношению к лицу женского пола: 1) выполняющему деятельность (*Übersetzerin – übersetzen*); 2) упоминающемуся в рамках этнической, национальной, религиозной принадлежности (*Japanerin – Japan*); 3) имеющему родственные или супружеские отношения с лицом мужского пола: *Martina Müllerin, die Frau des Künstlers Müller*.

Кроме того, ряд женских имен собственных можно рассматривать как результат мовирования: *Martin – Martina, Daniel – Daniela, Alexandr – Alexandrina*.

Существительные *der Abgeordnete/die Abgeordnete* относятся к группе гендерно-нейтральных существительных, имеющих во множественном числе одинаковую форму (*die Abgeordneten*) и принадлежащих к наименованиям, которые специфицируют признак пола на грамматическом уровне. Так, предложение *Die Abgeordneten tanzten mit ihren Frauen* воспринимается окружающими более естественно, чем *Die Abgeordneten tanzten mit ihren Männern*. Даже если речь идет о существительных, предположительно нейтральных в гендерном отношении, люди склонны думать о мужчинах, а не о женщинах [Hentschel 2013: 150–151].

При наименовании лиц имеют место стратегии спецификации и нейтрализации признака пола, реализующиеся с помощью различных языковых

средств, выбор которых обусловлен той или иной коммуникативной ситуацией или типом текста. В рамках стратегии спецификации на первый план выступает идея пола, которая становится важной составляющей в значении номинации лица. Следовательно, можно сделать вывод о наличии в немецком языке определенной системы формальных показателей (лексико-семантического, грамматического и словообразовательного) для определения признака пола в номинации лиц.

Спецификация женского пола посредством лексико-семантических средств осуществляется за счет употребления лексических единиц, в значении которых заключен семантический признак «женский пол». Лингвисты [Hellinger 1990; Kargl 1997] выделяют три вида лексической спецификации признака пола: 1) лексемы, морфологический анализ которых не дает информации о поле обозначаемого лица (например: *Frau, Dame*); 2) лексемы, функционирующие в языке для обозначения конкретного пола и выступающие в качестве полуаффиксов (*-frau, -dame, -mädchen*); 3) адъективные уточнители в качестве лексико-семантического признака пола (*weiblich, mädchenhaft, damenhaft, frauenhaft*). Сигнализация признака женского пола субстантивированных прилагательных и причастий с дифференцированным родом осуществляется в единственном числе за счет грамматического артикля, в то время как во множественном числе эти номинации не могут дифференцировать признак пола (например: *die Bekannte, die Fremde*). Спецификацией признака пола могут служить словообразовательные элементы в номинации лиц. В номинациях лица женского пола такой словообразовательной морфемой является суффикс *-in* в единственном числе и *-innen* во множественном числе: *die Köchin – die Köchinnen*.

Рассмотрим особенности способов выражения феминной идентичности в русском языке. Обозначение женщин в русском языке отличается отсутствием общих правил и разнообразием способов выражения. К феминитивам, словам с показателем женственности, относятся единицы речи, имеющие определенные суффиксы (например: *ученица, королева*), либо лексические обозначения

женщин (например: *сестра, тетя*). В русском языке имеют место два типа наименований, как правило, указывающих на профессии: обозначения, используемые только для называния женщин (*балерина, телефонистка*), и номинации, общие для женщин и мужчин (*врач, космонавт*).

Особенностью словообразовательной категории феминитивности являются словообразовательные типы со славянскими суффиксами: *-к(а)*: *альпенистка, крестьянка, дворянка, декабристка*; *-ниц(а)*: *учительница, грешница*; *-ин(я)*: *княгиня, богиня*; *-иц(а)*: *сплетница, работница, разбойница*; *-ј(а)*: *бегунья, болтунья, ведунья*, *-щиц(а)*: *вышивальщица, крановщица, помещица*; *-их(а)*: *повариха, портниха*, с заимствованными суффиксами: *-есс(а)*: *стюардесса, баронесса*; *-ш(а)*: *кастеляниша, геймерша, вампирша*; *-ис(а)*: *актриса*.

Всем славянским языкам свойственно разграничение наименований лиц по полу [Гузаерова 2019: 106].

Совершив экскурс в историю, отметим, что ситуация с феминитивами до XIX века была стабильной. Вторая волна феминитивов в русском языке (конец XIX века – начало XX века) стала отражением новой реальности и способствовала появлению слов типа *авиатриса* (женщина-летчик) [Епишкин 2010] и *пианистка*. Женщины массово начинают осваивать новые специальности и профессии, что вызывает необходимость как-то называть женщин-работниц. Начиная с 1930-х годов феминитивы в официальном стиле уступают место мужскому варианту, превращающемуся в нейтральный, что объясняется бюрократизацией и установками общества. Феминитивы сохраняются только там, где есть необходимость выделить профессию как женскую: *кружевница, кастеляниша* [Пиперски 2019].

Исторический аспект феминитивов в русском языке вызывает у исследователей некоторые разногласия. Так, Н. А. Янко-Триницкая считает, что в русском языке имела место тенденция называть женщину отдельным словом женского рода, и она сохранялась вплоть до начала XX века, тогда как называть женщину словом мужского рода является относительно новым и активно развивающимся явлением [Янко-Триницкая 1966: 167–168]. Однако еще в

середине XIX века возникает необходимость обобщения значения слов мужского рода. Лингвистическая категория рода [Голованова 2013] претерпевает изменения, что отражается на словах мужского и женского рода. Слова мужского рода приобретают черты «всеобщего», слова женского рода получили черты «иног», маркированного по отношению к мужскому роду как нечто добавочное, что особенно прослеживается при наименовании профессий [Голованова 2008]. Активное присутствие женщин в жизни общества и производственной сфере стало причиной называть женщину в ее новой функции.

Особенностью языка XX–XXI вв. можно считать использование слов мужского рода в случае общего наименования лиц мужского и женского пола, которое проявляется в неразделении их в ряде областей, например, в профессии, сфере занятости или социальной деятельности: *ученый, стилист, водитель, терапевт, педагог, мастер спорта, гинеколог*. К исключениям относятся некоторые наименования, которые традиционно предполагают действующим лицом женщину: *кормилица, няня, швея, повитуха*. Необходимо отметить, что называние женщин является одной из нестабильных составляющих самого языка.

Достаточно распространенный в наше время суффикс *-ш(a)* в составе существительных женского рода в русский язык был заимствован из немецкого языка (*-sche*) в начале XVIII века в качестве обозначения жен некоторых лиц мужского пола: *генеральша* (возможно из нем. *Generalsche*) [ЭОСРЯ]. Вследствие того, что в настоящее время роль женщины не определяется статусом профессии ее мужа, данное словообразовательное значение потеряло свою актуальность [Гузаерова 2019: 106–109]. Со временем суффикс получил модификационное значение (указывал на лицо женского пола) и присоединился к уже имевшим место в языке средствам выражения данной словообразовательной семантики.

В XIX–XX вв. феминитивы на *-ш(a)* применялись для обозначения новых женских профессий: *авиаторша*. В русском языке применяются все доступные

способы обозначить и показать новые позиции женщины в обществе, что прослеживается на примерах новообразованных отдельных слов женского рода и в попытке придать общее значение словам мужского рода.

Следует отметить, что носитель языка ощущает стилистическую сниженность как суффикса *-ш(a)*, так и суффиксов *-к(a)*, *-иц(a)*, *-их(a)*. К стилистически сниженным существительным, связанным с родом деятельности и не соответствующим нормам русского языка, можно отнести следующие наименования профессий: *автор – авторша, президент – президентша, премьер-министр – премьер-министерка; посол – посллица, послуха, посолка* (из комментариев СМИ).

Почти каждый суффикс может выражать по несколько значений, например, *-иха*: *мельничиха* (жена мельника, устаревшее), *ткачиха* (женщина-ткач), также придавая слову стилистическую окраску – *чувиха* (девушка, женщина) [Фуфаева 2020]. В последнем примере мы можем наблюдать сниженное значение слова, на которое оказывает влияние не только суффикс *-иха*, но и корень слова *чув-* (ср.: *чувак*).

Можно выделить несколько закономерностей в области названий профессий, которые могут быть как нормативными, так и нарушениями или окказионализмами: 1) основы на *-тель* и *-ник* могут получать или менять суффикс *-(ни)ца*: *учитель – учительница, художник – художница* (норма языка); 2) основы на *-ф* и *-г* используются с суффиксом *-иня*: *философ – философиня, психолог – психологиня* (нарушение нормы языка); 3) основы на согласные *-т* и *-д* добавляют суффикс *-ка*: *студент – студентка* (норма языка), *искусствовед – искусствоведка, премьер – премьерка* (нарушение нормы); 4) с основой на *-р* используется суффикс *-ша*: *мэр – мэриша*, либо *-ка*: *коллекционер – коллекционерка* (нарушение нормы).

В следующем примере предлагаются существительные, использование которых по отношению к лицу женского пола для русского языка нетипично, что демонстрирует эмоциональное состояние рассказчика и его отношение к упомянутой личности (*разоблачитель – разоблачителька, борец – борциня*):

Честно говоря, даже представить не могла, что разоблачителька и борциня с лицемерием настолько лицемерна [Захарова 2022]. Согласно данным поисковых систем Google и Яндекс, существительные *разоблачителька* и *борциня* имеют одноразовое употребление, что говорит об их окказиональном статусе – попытке автора при помощи существующих в русском языке словообразовательных моделей и с учетом контекста использовать данные существительные как лексические средства выразительности.

В последнее время достаточно спорным вопросом является утверждение о том, что появившаяся в языке потребность подчеркивать женский пол лиц, занимающих руководящие должности, и женщин-специалистов вызвана стремлением женщин к языковой саморепрезентации (ранее *княгиня* (женщина), сегодня *президент* или *президентка*). Однако два последних примера имеют существенную разницу, существительное *президент* по отношению к женщине воспринимается обществом положительно и не вызывает отрицательных эмоций, оно нейтрально и может использоваться для указания на статус как мужчины, так и женщины. Существительное *президентка* в настоящее время показывает, скорее, негативное отношение к называемому лицу – женщине, занимающей пост главы какой-либо корпорации, государства и др., хотя в начале XX века существительное *президентка* обозначало «особу, председательствующую в каком-либо обществе» [Чудинов 2010] и имело положительную коннотацию. Женщина себя на сегодняшний день *президенткой* не называет, ее так могут называть другие люди, не расположенные по отношению к ней.

За гендерное маркирование в русском языке отвечает номинативная система, имеющая в своем составе существительные, словосочетания существительных с прилагательными, субстантивированные прилагательные [Зиновьева 2017: 38]. Номинативные лексические единицы подразделяются на гендерно-нейтральные, имеющие общечеловеческое значение без учета референта, и гендерно-маркированные номинации лица – одушевленные

существительные, имеющие женское и мужское начало [Зиновьева 2018: 92–93].

Первичные персонифицированные номинации выполняют роль гендерного маркера и расширяют значение интересующей нас семантической зоны «женщина». В классификации гендерных маркеров И. В. Зыкова предлагает структурный и семантический подход. Структурный подход отличается наличием гендерно-маркированных лексем, обозначающих мужчин и женщин (формальное маркирование), семантический подход рассматривает слова, отражающие качество, состояние, признак, роль мужчины и женщины (семантическое маркирование) [Зыкова 2002: 31]. В русском языке следует выделить существительные по признаку женского пола: *девочка, девушка, женщина, баба, леди, дама*. С точки зрения родственных связей, к данной категории относятся существительные, обозначающие: 1) кровное родство: *мать, дочь, сестра, бабушка, внучка, тетя, племянница*; 2) некровное родство: *жена, теща, свекровь, невестка, сноха и др.*

В отношении агентивных лексем С. В. Силинский и И. В. Зыкова предлагают разделение агентивных существительных на гендерно-маркированные номинации по профессиональному признаку (*санитарка, горничная*) и объединение наименований лица в категорию «деятель» без какого-либо упоминания их профессиональной деятельности (*воровка, собеседница*) [Зыкова 2002: 166; Силинский 1995: 96]. Агентивные существительные женского рода чаще заменяются существительными мужского рода, которые выступают в качестве общего названия лица (*доктор, редактор, эксперт, специалист, тренер*). В литературном языке используются слова и грамматические формы разговорной речи как стилистические средства для придания иронического, шутливого, пренебрежительного и т. п. оттенка. В таких случаях род примыкающего глагола указывает на гендерную принадлежность, за исключением названия лиц по месту жительства и национальности (*швейцарка, россиянка, парижанка*). В качестве гендерных номинаций при обозначении лиц женского пола агентивные существительные и

субстантивированные прилагательные могут получать маркированность при помощи суффиксального способа (*ученица, студентка, аспирантка*).

Согласно И. В. Зыковой, к гендерно-маркированным единицам по семантическому принципу относят номинации, способные актуализировать функции, качество, состояние, роль женщины [Зыкова 2002: 33]. Для номинации женщины могут быть использованы такие лексические единицы, как *подруга, избранница, спутница, любовница* и др. Гендерно-маркированные семантические единицы способны выражать в женских номинациях экспрессивно-оценочную коннотацию (*стерва, прекрасное создание, роковая красotka, лгунья, мымра, белоручка, боевая подруга* и др.).

В русском языке в предложении прилагательные могут занимать атрибутивную и предикативную синтаксические позиции. При существительном атрибут обозначает постоянный признак, не существующий отдельно от определяемого предмета (*милая девушка*). Прилагательное в позиции предиката в составе именного глагольного сказуемого, выражающего временный признак явления или предмета, имеет более выраженное коммуникативное значение, связанное с передачей информации и оценки третьего лица (*дама была высокомерна*).

Многофункциональность прилагательных объясняется размытостью сферы их значений, достаточно часто объединяющих значения признака предмета и значение авторской оценки предмета, которая способна реализовываться в контексте высказывания и менять оценочную коннотацию [Манзуллина 2005: 138–139]. В русском языке происходит согласование существительного и прилагательного в роде, числе и падеже: *хорошая хозяйка, милым девочкам, роковой красотке* и др.

В русском языке распространены относительные, качественные и притяжательные прилагательные (*дочерин*). Однако в сочетании с номинациями лица чаще используются качественные прилагательные, которые обозначают качества, приписываемые человеком кому-то или чему-то, содержащие элемент субъективности и обозначающие параметрические характеристики (*легкий,*

тяжелый, маленький, большой), экономические, моральные, эстетические и прочие оценки (*выгодный, порядочный, красивый*). В русском языке прилагательные обладают способностью к субстантивации и сохраняют гендерную маркированность (*суженая*).

Наряду с гендерно-маркированными существительными и субстантивированными прилагательными, в качестве гендерных маркеров используются различные виды местоимений, часть которых выражает грамматические значения, что свойственно категории существительного (число, падеж). Местоимения с принадлежностью к третьему лицу (*он, она, оно*) являются субститутами названий одушевленных существей, что позволяет им выступать в качестве гендерных маркеров. Личное местоимение *я* демонстрирует принадлежность к первому лицу единственного числа, притяжательное местоимение *мой* активно используется в женских автореферентных высказываниях, которые отражают собственное представление о гендерной идентичности.

Личное местоимение *ты* относится ко второму лицу единственного числа, притяжательное местоимение *твоя* востребовано в качестве обращения автора к условному адресату женского пола в упреках, советах, наставлениях. Личные местоимения *мы* и *вы* – первое и второе лицо множественного числа в сочетании с формальными гендерными номинациями (*девушки, женщины*) могут также выступать маркерами гендерных групп. Использование в речи личных и притяжательных местоимений множественного числа (*мы, наши, ваши* и др.) в сочетании с существительным *женщина* указывает на гендерную группу в целом, что способствует приобретению высказыванием обобщенного характера и возникновению впечатления солидарности между членами одной гендерной группы или авторов с женской читательской аудиторией.

Определительные местоимения указывают на обобщенный признак явления или предмета (*каждый, другой, любой, самый, весь, всякий*) и используются для создания чувства причастности к общему мнению гендерной группы: *каждая барышня, самая красивая девушка* и др.

Гендерная маркированность отрицательных (*ничей, никакой и др.*), неопределенных (*некто, кто-либо, несколько, чей-нибудь, кое-что и др.*), взаимных (*друг другу и др.*), определительных (*каждый и др.*), количественных (*сколько, несколько, столько, сколько-нибудь и др.*), неопределенных (*кто-то, кто-нибудь и др.*), указательных (*этот, та, тот и др.*), относительных (*какой, который, чей и др.*) местоимений может проявляться в общем контексте высказываний. Некоторые из перечисленных выше местоимений могут иметь гендерную маркированность посредством согласования с существительными в роде и позволяют без уточнения лица женского пола представить эту гендерную группу в речи: *чья-то подруга, та (милая) женщина, ничья тётя, какая-то соседка.*

Словообразовательная функция языковых единиц направлена на образование новых слов. В немецком языке она находит отражение в суффиксации, полуаффиксации, аббревиации и словосложении, для русского языка характерно использование суффиксации и падежных окончаний субстантивированных прилагательных и наречий. Прагматическая функция реализуется посредством языковых средств, которые говорящий использует для привлечения понимания, сопереживания или получения какого-либо практического результата со стороны адресата.

1.3. Особенности организации женского нарратива с позиций гендерологии

Организация и построение нарративного пространства текста подвергается влиянию со стороны лингвистических и экстралингвистических факторов, одним из которых является гендерный подход, затрагивающий говорящую личность и заложенное в ее языке видение мира, отношение к окружающим и др.

В нарративе литературных произведений посредством лексических и стилистических средств создается эффект полного погружения читателя в

сферу памяти повествователя, дается установка на достоверность излагаемых событий. Повествователь в нарративе может проявляться как персонифицированный рассказчик, принадлежащий миру текста, и как рассказчик, повествующий о третьем лице или лицах, как неперсонифицированный нарратор, прагматически не мотивированный повествователь. Гендерный аспект женского нарратива отражается в грамматических, лексических и стилистических средствах языка.

Маркеры феминности могут иметь место на всех уровнях художественной коммуникации и демонстрировать свою системную, типологическую природу за счет разноплановости стилистической природы произведений, принадлежности авторов произведений к разным поколениям.

1.3.1. Нарратив в языковой картине мира женщины

Объектом данного исследования является проза, где автором литературного произведения выступает женщина, которая раскрывает свое собственное феминное миропонимание, затрагивает жизненно важные, порой понятные только ей проблемы. Отметим, что к женской прозе нельзя отнести все написанные женщиной тексты, поскольку быть женщиной недостаточно, чтобы писать женскую литературу, которая в большинстве случаев ориентирована на читательниц.

В свою очередь, женскую литературу необходимо отличать от женского писательства, которое представляет литературу, написанную женщинами. Одним из основных показателей критериев женственности в женском нарративе является само восприятие текста читателем-женщиной. Успешность такого рода литературных произведений напрямую зависит от того, насколько автор-женщина идентифицировала себя с персонажем-женщиной и показала женскую природу.

К проблеме гендерно-маркированной литературы обращается А. С. Афанасьев и понимает под ней произведения, созданные авторами-

женщинами, затрагивающие на содержательном уровне женскую проблематику [Афанасьев 2022: 13].

С учетом того, что в дальнейшем в нашей работе будут затрагиваться две различные лингвокультуры (немецкая и русская), уточним, что повествование в женской прозе передается через гендерный фильтр разных лингвокультур. Эта особенность будет прослеживаться посредством анализа грамматических, лексических, стилистических средств, композиционно-речевых форм, характеризующих выбранное речевое коммуникативное поведение женской языковой личности.

Женский нарратив является формой репрезентации феминного нарратора, повествующего об упорядоченных реальных или вымышленных событиях, существенных для женской модели восприятия окружающей действительности. Необходимо уточнить, что действующим лицом в женском тексте выступает *нарратор-женщина* – феминный нарратор, женщина, играющая роль аукториального, персонального или нейтрального рассказчика, ведущая повествование о произошедших событиях в ее жизни или жизни других. Для нарратора-женщины, в отличие от нарратора-мужчины, основными проблемами являются семейные ценности, восприятие своей социальной роли (в ряде случаев новой для нее), репрезентация женской субъективности, трагический опыт, поиск себя и своей новой женской идентичности.

Опираясь на утверждение Цв. Тодорова относительно двух разновидностей коммуникативной организации субъективного повествования [Тодоров 1975: 75], можно предположить, что женщина в нарративе может выступать как рассказчик, излагающий информацию о себе («рассказ о себе»), быть в роли одного из действующих лиц нарратива (отожествление «я» персонажа-рассказчика с настоящим субъектом повествования) или не фигурировать в рассказе как персонаж нарратива («рассказ о других»).

Помимо привычной феминной картины мира, у женщины появляется желание показать себя с другой стороны – *я другая, я хочу быть другой и я могу быть другой*, что уже было замечено в ряде исследований.

Так, участие женщины в повествовании рассматривается с позиции гендерлекта [Буркова 2017; Кубасов 2018; Шаров 2012]. Проблема женского дискурса затрагивалась Н. Д. Арутюновой [1990]; С. Ю. Воробьевой [2015], С. В. Журавлевой [2010], Н. Н. Мироновой [1997], М. Stubbs [1983]. О. Л. Филатова предлагает определение женского дискурса как сложного социокультурного феномена с гендерным аспектом женской языковой личности [Филатова 2012: 6].

В области литературоведения Т. Н. Бруева и Г. Ш. Хусаинова репрезентируют гендерную картину мира в современной русской литературе и ее связь с феноменом «женского письма» [2016]. Имплицитное выражение гендерной идентичности автора рассматривалось Л. А. Кесслер [2018]. Женская субъективность, женская проза исследуются в работе Е. Челпановой [2018]. Одним из последних трудов в этой области исследования является работа А. С. Афанасьева, касающаяся стратегий гендерных репрезентаций [Афанасьев 2022].

В основу оценки женщины как говорящего субъекта положены следующие критерии: 1) использование фразовых структур, посредством которых становится возможным проанализировать ее отношение к миру; 2) выявление особенностей ситуации общения (степень полноты воспринимаемой информации); 3) наличие установки на коммуникативность (стратегии и тактики, применяемые для проявления интереса у читателя); 4) языковые средства (лексика, стилистика).

Остановимся более подробно на нарративных стратегиях и тактиках, посредством которых может быть проанализирована женская картина мира. Нарративные стратегии представляют собой своего рода общение имплицитного автора с читателем, посредством которого автор доносит свой замысел, выражает представление о картине мира, заинтересовывает читателя. Нарратор-женщина стремится продемонстрировать окружающим свою феминную модель мира и прибегает к различным стратегиям в зависимости от своих целей и задач. Феминный нарратор склонен к глубокому анализу своих

поступков и поступков других, он хочет быть интересным и иметь возможность высказать свое мнение в отношении третьих лиц. Для реализации каждой из выбранных стратегий он выбирает тактики, представляющие собой своего рода совокупность способов и приемов, необходимых для достижения своих целей. Тактики, в свою очередь, реализуются за счет лексических и стилистических средств.

Таким образом, нарратив женщины в женской прозе можно исследовать с позиции коммуникативного поведения и языковых средств его реализации в рамках монологического жанра. С целью выявления особенностей нарратива представительниц двух разных лингвокультур с позиции функционально-прагматического аспекта, в практической части нашего исследования актуально проанализировать феминный нарратор по отношению к событийному содержанию нарратива и рассмотреть основные стратегии и тактики, реализующиеся в немецко- и русскоязычных художественных произведениях.

1.3.2. Функционально-прагматический подход к организации женского нарратива

Произошедший в гуманитарных науках поворот в исследовании нарратива способствовал активному развитию в теории повествования таких направлений, как анализ дискурса, теория повествовательных уровней, прагматический и функциональный подходы в изучении текста.

Нарратив в литературном тексте характеризуется фикциональностью, т. е. наличием вымысла и фиктивности изображаемого в тексте мира [Шмид 2008: 22]. Литературный текст автора-женщины, помимо присутствия эстетической ценности, смысловой и структурной завершенности и коммуникативной направленности, отличается своей особенной феминной картиной мира – системой представлений о реальности в рамках женского начала (качество жизни, потребность заботы о ком-то, зависимость от кого-то или чего-то, человечность в общем понимании).

Нарративность репрезентируется повествовательной перспективой, выявленностью повествователя, разделением субъектов порождения и восприятия речи [Куликова, Микалаускайте 2020: 404]. Наше исследование коммуникативных особенностей нарративных текстов нарраторов-женщин проводится в рамках функционально-прагматического подхода в лингвистике.

Прежде всего, обратимся к функциональному подходу, который подразделяется на внутрифункциональный (структурно-функциональный) и внешнефункциональный (собственно функциональный). Внутрифункциональный подход исследует: 1) языковые категории как совокупность, группу, класс языковых единиц, объединяемых общим свойством или признаком; 2) языковую систему в целом; 3) текст как развернутую линейную систему языковых знаков. Внешнефункциональный подход рассматривает соотношение языковых единиц или их группировки разных видов с объектами внешнеязыковой среды [Сусов 1986: 132].

К. Бюлер также обращает внимание на функции языка и выделяет: 1) функцию выражения (экспрессивную – соотносимую с говорящим); 2) функцию обращения (апеллятивную – соотносимую со слушающим); 3) функцию сообщения (репрезентативную – соотносимую с предметом речи). Это позволяет отправителю сообщения выразить себя, апеллировать к получателю и репрезентировать предмет коммуникации [Бюлер 1993: 6–9].

Использование внутрифункционального подхода в рассмотрении женского нарратива позволит проанализировать поступки нарратора-женщины с точки зрения их значимости для хода действия. Функция, выделяемая аналитически, не зависит от персонажа и средства, она неизменный постоянный элемент сюжета, тогда как персонажи и средства – переменные. Данная проблема затрагивалась Р. Бартом, который рассматривал функцию в рамках некоего элемента в тексте (слово-знак-текст), определял ее как «способность вступать в коррелятивные связи с другими элементами или со всем произведением в целом» и выделял отсутствие случайных элементов в повествовании [Барт 2000: 200–201].

Рассматривая функции в рамках нашего исследования, уточним, что основные функции определяют сюжетное направление, дают персонажу (герою), в нашем случае феминному нарратору, возможность выбора через создание или разрешение напряженной ситуации. Катализаторы выступают во временной функции, им не свойственно вносить какие-либо существенные изменения в ситуацию, они заполняют пространство между узлами и создают в тексте своеобразные зоны безопасности и спокойствия, сообщая о том, каким образом было совершено то или иное действие, необходимое нарратору-женщине для реализации поставленной цели.

Теория внешнефункционального подхода позволит сфокусировать внимание на связи нарративного текста автора-женщины со средой. Под функцией понимается коммуникативная направленность речевого действия, которое определяет роль и задачу высказывания, способствующую выполнению цели [Микалаускайте 2019: 46]. Следовательно, в задачу феминного нарратора входит не только хранение полученной из внешних источников информации, но и ее осмысление, понимание и интерпретация в рамках своей феминной модели мира.

Нарратив с позиции организации и передачи прошлого опыта выполняет следующие функции: информирующую, темпоральную, идеологическую, упорядочивающую, трансформирующую, отвлекающую внимание, развлекающую [Олешков 2010: 49]. Это позволяет нам утверждать, что женский нарратив выполняет целый комплекс различных функций, каждая из которых является своего рода инструментом для реализации поставленной цели. Особенность женского нарратива заключается в умении его нарратора верно оценивать ситуацию и использовать те средства, которые позволят ему не только обратить на себя и свою проблему внимание третьего лица, но и показать свое внутреннее душевное состояние.

И. С. Веселова предлагает разделить общие функции на следующие группы с учетом их социальной, психологической и коммуникативной направленности. К социальным функциям она относит идентификационную

(рассказчик определяет себя как члена определенного социума), дидактическую (рассказчик как член общества обучает последователей этике и системе ценностей), регулятивную (транслирует опыт). Психологические функции подразделяются И. С. Веселовой на психотерапевтическую (устраняет из эмоционального состояния человека отрицательные переживания) и прогностическую (функция слухов и толков, которая реализуется в действиях). Коммуникативные функции представлены развлекательной (фатической и контактоустанавливающей) и информационной функциями [Веселова 2006].

Функции с социальной, психологической и коммуникативной направленностью наиболее точно соотносятся с особой женской природой, заложенной изначально в женщине, для которой остро необходимо находиться социуме, иметь свой внутренний субъективный мир и быть в курсе всего происходящего, что помогает ей ощущать себя значимой и необходимой в обществе.

Трансформирующая функция позволяет нарративу переписывать реальность по собственным моделям, положительно влияя на одни элементы и нанося ущерб другим элементам [Prince 1988, цит. по: Трубина 2002: 15].

Считаем, что особенной отличительной чертой феминного нарратива является его способность демонстрировать некую последовательность произошедших событий и открывать, придумывать возможный ход событий в будущем. Это указывает на умение нарратора-женщины осуществлять связь между тем, что есть, и человеческой устремленностью к тому, что возможно или может произойти. Феминный нарратор умеет делать это на уровне интуиции, которая заложена природой в женщине в большей степени, чем в мужчине.

Женский нарратив не просто фиксирует и перечисляет произошедшие события и констатирует факты, он организует их в связное повествование, объясняет и формирует из них смысловое целое, демонстрирует феминную картину мира.

Нарратив собирает разрозненные события и ситуации в одну обозначенную структуру через упорядочивание возможной реальности и связывает в единое целое. Он способен трансформировать и переписать реальность, что открывает еще одну возможную функцию нарратива – функцию фиксации, заключающуюся в запоминании событий [Трубина 2002: 16], и дает представление о том, как протекает человеческая жизнь во времени.

Извлекая определенные отрезки из потока времени, нарратор-женщина раскрывает их последовательность, смысл, причины и следствия, объясняя с позиции своего внутреннего женского восприятия.

В теории нарративности функционально-прагматический подход (*прагматика* – от греч. ‘дело’, ‘действие’, ‘польза’) основывается на нарративных текстах и внутритекстовой коммуникации в рамках дискурсивного анализа. Проблемы дискурса в нарратологии занимались как зарубежные [ван Дейк 2000; Рикёр 2000; Фуко 1996], так и отечественные исследователи [Бахтин 1986; Максимова 2005; Саморукова 2002; Тюпа 2001].

Внутритекстовая коммуникация вызывает интерес у сторонников дискурсивного анализа, что способствовало выделению различных видов дискурса (дискурса персонажей и дискурса текста, дискурса о дискурсе, дискурса в дискурсе). Теоретическим основанием такого вывода послужило утверждение о том, что при условии уникальности актов общения любое коммуникативное воздействие опирается на принципы и продуктивные дискурсивные образцы, существующие в данной культурной общности.

М. М. Бахтин был первым, кто обратил внимание на речевые жанры как на высказывания, обладающие относительными и определенными устойчивыми типичными формами построения целого [Бахтин 1979: 257]. Характер интенции (точка зрения, мнение, мировоззрение и др.) адресата и адресанта влияет на выбор ими речевых жанров и построения речевого целого.

В сферу научных интересов исследователей, занимающихся вопросами прагматики, входит анализ целей явных и скрытых высказываний, взаимодействие коммуницирующих сторон. Такое взаимодействие

складывается из внутренней установки говорящего и готовности слушающего помочь в достижении истинного смысла, а также из изучения типов коммуникативного поведения, основанного на речевых тактиках и стратегиях, способствующих эффективному общению. Прагматика имеет отношение как к интерпретации высказываний, так и к выбору их формы [Гак 2000: 54–55], что определяет позицию говорящего посредством выбора формы и позицию слушающего, интерпретирующего высказывания.

Одним из важных условий прагматического аспекта является понимание говорящим своего места в коммуникативном процессе. Кроме того, представители разных народов организуют вокруг себя пространство, разделяя его на «свое» и «чужое», подчеркивая тем самым стратификацию общества и наличие в нем определенных единиц нормы речевого поведения [Кронгауз 2004: 167].

Таким образом, прагматика имеет место на 1) морфологическом уровне, передаваемом через формы слова; 2) синтаксическом уровне, отраженном в модели предложения, конструкции подчинения и сочинения; 3) лексическом уровне, выражающемся посредством слов с оценочной окраской, синонимов, эвфемизмов, жаргонизмов, терминов и т. п.

В ходе коммуникативного процесса одним из важных аспектов является отношение говорящего и слушающего к предмету речи, которое проявляется в оценке содержания с позиции одобрения, недоверия, восхищения и др., что особенно ярко отражено в женском нарративе. Женская языковая личность в своем высказывании может использовать различные метаязыковые комментарии (*как бы это сказать, выражаясь фигурально* и т. п.), что указывает на ее непосредственное отношение к собеседнику и к используемому собеседником слову [Вепова 2002: 74–76]. В свой дискурс женщина может включать крылатые слова, цитаты, реминисценции, что позволяет судить о ее определенном культурном багаже, а также свидетельствует о ее моральной оценке адресата.

В речевых актах феминного нарратора могут быть заложены пожелания, просьбы, обещания, угрозы, сочувствия и т. п., однако только с учетом понимания происходящего становится возможным адекватное восприятие некоторых высказываний или их правильная оценка.

Существуют универсальные постулаты общения, влияющие на осуществление речевых актов: 1) категория количества (высказывание содержит не больше и не меньше информации, чем того требует ситуация); 2) категория качества (высказывание должно быть истинным); 3) категория отношения (не следует отклоняться от темы); 4) категория способа (необходимо ясно и кратко излагать суть проблемы) [Grice 1985].

По отношению к смысловым сферам прагматические оттенки высказываний Б. Ю. Норман предлагает распределить по трем смысловым сферам: 1) объективная модальность – дает возможность соотнести содержание высказывания к действительности (противопоставление по реальности и ирреальности, разграничение желательности, необходимости, возможности и т. п.); 2) субъективная модальность – определяет отношение говорящего к обсуждаемой проблеме, рассматривает содержание высказывания с точки зрения оценочной составляющей «хорошо – плохо», что в оттенках отношения может выражаться в типах «восторг», «сожаление», «возмущение», «ирония» и т. д.; 3) фатика (от фатической функции языка) – связана с установлением и поддержкой речевого акта (в узком смысле) и прилагаемыми речевыми усилиями, направленными на регулирование межличностных отношений (в широком смысле) [Норман 2009: 23].

Что касается модели коммуникации, наблюдаемой в литературных произведениях (процесс чтения и размышления над прочитанным), то можно предложить для анализа женского нарратива модель Ю. М. Лотмана, который выделял «Я – Я»-процесс (трансформация, ведущая к перестройке самого Я) и «Я – ОН»-процесс (обеспечивает передачу определенного объема информации) [Лотман 2000: 165]. Данная модель будет использована нами в ходе анализа женского нарратива.

Личность говорящего («кто») и личность слушающего («кому») в речевом общении выполняют условия речевого акта и внутренне связаны с объяснениями «где» и «когда». Обстоятельства, в свою очередь, предполагают цели («зачем») и определенные причины общения («почему»), что находит воплощение в жанрово-стилевом многообразии речи («как»).

Таким образом, функционально-прагматический подход к организации женского нарратива заключается в правильном понимании интенций нарратора, поступающего тем или иным образом согласно своей собственной сформированной феминной картине мира. Повествовательная перспектива феминного нарратора зависит от реализуемых им коммуникативных задач.

Выводы по первой главе

Нарратив понимается нами как повествование о произошедших ранее событиях. Он придает действиям человека смысл, связывая кажущиеся независимыми элементы существования в единой целое; распределяет происходящие с человеком события во времени, выстраивает их в единый образ или сюжет. Как повествование нарратив состоит из ситуаций, расположенных в хронологическом порядке, что дает возможность читателю или слушателю композиционно упорядочить элементы опыта в соответствии с прагматическими установками автора.

К нарративу можно отнести любой текст с учетом совокупности его структурных единиц, которыми могут быть «сферы действия», или функции. Нарратив отличается наличием соотнесенности определенных элементов (субъект/объект, адресант/адресат, противник/помощник).

Следовательно, лингвистическими признаками нарратива являются композиционно-речевые формы, в которых имеют место придаточные предложения, соответствующие временной организации события; повествование, отнесенное к прошедшему времени; проблемная ситуация и структурные компоненты (время, место, действующие лица); авторское

отношение к происходящему; разрешение осложнения и завершение повествования (кода).

Нарратив может выступать как дискурсивная единица текстопорождения или рассматриваться в качестве единицы текста. Соотнесенность нарратива с жанром литературного произведения свидетельствует о его литературности и, следовательно, его фикциональности. Основными критериями нарратива являются выявленность повествователя, разделение субъектов порождения и восприятия речи, наличие повествовательной перспективы.

Коммуникативный аспект нарратива прослеживается не только в естественной коммуникации, но и в литературных произведениях, что послужило толчком к изучению литературного нарратива, в котором действующее лицо воспринимается читателем через внутреннее восприятие автора, представляющего определенную лингвокультуру.

Особенности нарративов позволяют считать их уникальным материалом для изучения идентичности, что дает возможность проанализировать их в гендерном аспекте языка. Роль языковых средств, используемых для конструирования гендерной идентичности, проявляется через способы словообразования номинаций лиц женского пола, такие, как суффиксация, аббревиация, аффиксация и словосложение в немецком языке и суффиксация и падежные окончания субстантивированных прилагательных – в русском языке.

Гендерный подход находит отражение в связи языка и пола, что проявляется в конфликтах между грамматическими и прагматическими соответствиями в обозначении лиц женского пола в немецком языке. Однако эти конфликты практически не оказывают влияния на понимание того, что речь идет о женщине. В русском языке такой особенности не наблюдается вследствие того, что все слова, называющие женщину, имеют женский род, за исключением случаев, когда наименования лиц мужского пола переносятся на лица женского пола без каких-либо изменений и воспринимаются обществом как данность.

Источниками имплицитной гендерной информации могут быть единицы всех уровней языка. Специфика гендерной идентификации проявляется в лексико-семантических средствах за счет использования лексических единиц, в которых заложен семантический признак пола.

Женский нарратив имеет ряд отличий от общепринятого понятия нарратива и проявляется в когнитивном, психологическом, коммуникативном и языковом аспектах, что объясняется мировосприятием окружающей действительности. В зависимости от культурной составляющей, степени проблематичности излагаемой ситуации и желания женщины допускать собеседника в свое личное пространство женский нарратив отличается экспрессивностью окраски и эмоциональностью его передачи.

Женщина повествует об упорядоченных, произошедших или выдуманных событиях со своей личной позиции или передает мнение третьего лица (лиц), с которым она может быть полностью согласна либо выражать свою собственную точку зрения. Особенности женского нарратива отражаются в лингвистических средствах, используемых в коммуникативных стратегиях в немецко- и русскоязычных литературных произведениях.

Женский нарратив в исследовании представлен повествованием от лица женщины в художественных произведениях XXI века. Нарратор-женщина вступает в диалог с читателем в качестве рассказчика от первого лица и повествует о себе либо о третьем лице (лицах), что позволяет ей смотреть на проблему через собственное мировосприятие.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ЖЕНСКОМ НАРРАТИВЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

2.1. Основные стратегии и тактики, реализующиеся в немецкоязычных художественных произведениях

Современная нарратология выделяет образ имплицитного автора, который в ходе восприятия текста создается читателем, присутствует в произведении независимо от желания писателя, создается сознанием читателя и физически не совпадает с самим автором. Имплицитный автор вместе с имплицитным читателем (абстрактный адресат, потенциальный читатель текста) отвечает за установление и обеспечение художественной коммуникации.

Нарратор может изображаться автором двумя способами –эксплицитным – основанным на самопрезентации нарратора через повествующее «я» или назывании своего имени, и имплицитным – не требующим подробного самоописания и может быть выражено в употреблении местоимений и форме глагола первого лица.

Речевое поведение нарратора может быть спроецировано на внутритекстовую фигуру читающего или слушающего нарратора, причем сам процесс рассказывания представляет собой коммуникативное событие и связывает автора и адресата нарративного дискурса, т. е. имплицитные инстанции выходят на первый план повествования.

Нарративные стратегии представляют собой стратегии, целью которых является ретрансляция событийного опыта, который рассказчик стремится передать читателю, т. е. происходит коммуникация между рассказчиком и читателем. Следовательно, имеют место определенные речевые тактики, применяемые для изложения происходящих событий с целью достижения поставленной цели.

С учетом полученных результатов исследования предлагаем разделить нарративные стратегии в зависимости от их позиции по отношению к адресату, а именно: нарративные стратегии, направленные на отношение нарратора к себе – Я – Я₁ (Я – персонаж, он же нарратор) и Я – ТЫ (ТЫ – коллективный адресат (читатель)), на отношение к другим – Я – ОН (Я – персонаж, он же нарратор, ОН – другие персонажи) и отношение автора (нарратора) к коллективному адресату (читателю) – Я – ТЫ (Я – автор, он же нарратор, ТЫ – коллективный адресат (читатель)).

Рассмотрим нарративные стратегии на примере художественных произведений немецкоязычных авторов: У. Дреснер «Женщина стареет» (Ulrike Draesner „Eine Frau wird älter“ (2018)); Э. Хайденрайх «Мужчины в пальто из верблюжьей шерсти» (Elke Heidenreich „Männer in Kamelhaarmänteln“ (2020)); Э. Хайденрайх «Колонии любви» (Elke Heidenreich „Kolonien der Liebe“ (2005)); К. Гир «Я сказала правду» (Kerstin Gier „Für jede Lösung ein Problem“ (2007)), «Непристойное предложение» („Ein unmoralisches Sonderangebot“ (2014)). В анализируемых произведениях наблюдается внутренняя фокализация, повествование ведется с точки зрения персонализированного повествователя.

С целью показать удивительный, глубокий по переживаниям и эмоционально насыщенный внутренний мир женщины к анализу привлекаются разноплановые произведения – от интеллектуальной, нелинейной прозы до массовой, беллетристической литературы. Женщина может быть разной по мировосприятию, поведению, социальным потребностям, она индивидуальна во всем.

Несмотря на то, что в ряде произведений авторы рассказывают истории своих семей и свои собственные истории, относим эти произведения к фиктивной автобиографии, так как в них непременно присутствует доля вымысла.

2.1.1. Нарративные стратегии, направленные на отношение персонажа/нарратора к себе (Я – Я₁) и коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ)

Важной составляющей нарративных стратегий является то, что они несут отпечаток личности человека и имеют индивидуальную окраску. Говоря о проблеме нарративных стратегий нарратора-женщины, следует обратить внимание на выбор ее манеры поведения, речевых и неречевых средств, используемых с целью наиболее «удобным» образом решить коммуникативную задачу, стоящую перед ней.

Нарратив отличается перволичной повествовательной формой. Нарратор выбирает интересующие его конкретные факты, проблемы, явления из объективно существующего мира и создает виртуальную картину мира, что позволяет ему вести диалог с читателем. Нарратор повествует о себе («рассказ о себе») и о третьем лице (лицах) – «рассказ о других». Здесь следует отметить наличие личностного нарратива как повествования человека, не просто дающего определенную оценку того, что его окружает, а принимающего непосредственное участие в нем – нарратор сам часть действительности.

Лингвостилистический анализ нарративных блоков позволил выявить ряд индексов, указывающих на виды стратегий. В качестве стратегий, направленных на внутреннего адресата, выделяем стратегии *самопрезентации*, *интроспекции*, *ретроспекции*, *пересмотра*. Между тем, следует отметить комплексные стратегии, содержащие отличительные признаки двух стратегий. Так, нами были отмечены такие комплексные стратегии, как *стратегии ретроспекции и самопрезентации*, *ретроспекции и пересмотра*, *пересмотра и ретроспекции*, *интроспекции и ретроспекции*.

Рассмотрим *стратегию самопрезентации* как определенного рода попытку создать у других людей определенное представление о себе, т. е. это социально обусловленное речевое поведение.

„Mein Sternzeichen ist Jungfrau, und wir Jungfrauen sind pragmatische, ordentliche und zuverlässige Menschen. Wenn wir Probleme haben, behalten wir einen kühlen Kopf und gehen die Lösung systematisch an. In der Regel haben wir daher unser Leben viel besser im Griff als sensible Fische, vorsichtige Krebse oder unentschlossene Waagen, um nur ein paar Beispiele zu nennen.

Bevor wir Jungfrauen also „Selbstmord“ als die beste Lösung eines Problems ansehen, muss wirklich eine Menge schief laufen in unserem Leben. Damit will ich nur klarstellen, dass wir nicht gleich bei der erstbesten Gelegenheit die Flinte ins Korn schmeißen. Ich hatte meine Probleme, ordentlich wie ich war, in drei übergeordnete Bereiche unterteilt. 1. Liebesleben 2. Arbeitsleben 3. Sonstiges Leben“ [Gier 2007: 28].

«По гороскопу я Дева. Мы, Девы, люди прагматичные, аккуратные и надежные. Если мы сталкиваемся с проблемой, то подходим к ее решению рассудительно и взвешиваем все ходы. Как правило, мы намного лучше контролируем ход собственной жизни, чем впечатлительные Рыбы, осторожные Раки, нерешительные Весы и так далее.

Таким образом, очень многое в нашей жизни должно зайти в тупик, прежде чем мы, Девы, придем к выводу, что лучшим решением проблемы станет самоубийство. Говорю это для того, чтобы пояснить: мы отнюдь не склонны пасовать перед трудностями и опускать руки при первой же неудаче. Поэтому я с присущей мне аккуратностью разделила все свои проблемы на три категории. 1. Личная жизнь. 2. Профессиональная сфера. 3. Другое.» (перевод М. Наумовой).

Приведенный пример демонстрирует совмещение внешней и внутренней повествовательной перспективы, что можно считать важнейшим индексом стратегии самопрезентации, наряду с автореферентными высказываниями.

Основополагающей временной формой стратегии самопрезентации выступает презенс, который мы наблюдаем в большинстве предложений: *Mein Sternzeichen ist, wir Jungfrauen sind, wir Probleme haben, behalten wir, gehen die*

Lösung systematisch an, in der Regel haben wir, wir Jungfrauen ... ansehen, muss ... schief laufen, will ich ... klarstellen, wir ... schmeißen.

В предложенном нарративном блоке на стратегию самопрезентации указывают также автореферентные высказывания: *wir Jungfrauen sind pragmatische, ordentliche und zuverlässige Menschen*. Стратегия самопрезентации имеет двоякую направленность: и Я – Я₁ и Я – ТЫ. Так, указание на знак Зодиака и употребление личного местоимения во множественном лице – свидетельство некоторой дистанции по отношению к себе (не Я – Я₁, а Я – ТЫ). Характеристика знака зодиака – это внешняя повествовательная перспектива, скрытая цитата, передача типичного описания представителей данного знака зодиака в СМИ.

Лингвистические средства повторяемости (*mein Sternzeichen ist Jungfrau, bevor wir Jungfrauen, Probleme haben, meine Probleme*), обобщения (*wir Jungfrauen*), кавычки („Selbstmord“) также свидетельствуют о взгляде со стороны. Однако в переводе отсутствуют кавычки: «...лучшим решением проблемы станет самоубийство».

Damit will ich nur klarstellen – явно выражено повествующее «я». В русском переводе это показано еще более явно: *Говорю это для того, чтобы пояснить:...*, – что является ориентацией на другого (ТЫ). Здесь заслуживают внимания пояснения рассказчика, как и для чего он что-то рассказывает, они характерны для аукториальной повествовательной перспективы. В последних двух предложениях – персональный рассказчик.

Положительное отношение к нарратору складывается из его внутренних положительных качеств, ошутима и самоирония. Исходя из вышесказанного, можно говорить о реализации данной стратегии посредством *тактики противопоставления*.

Тактика сравнения является типичной характеристикой знака зодиака и характера рассказчика. Главное языковое средство – противопоставление местоимений множественного (*wir*) и единственного числа (*ich*).

Нарратор обобщает людей, родившихся под знаком Девы, через личное местоимение «*wir – мы*», дает им личностную характеристику при помощи перечисления качественных прилагательных с положительной оценкой: *pragmatisch* (прагматичный), *ordentlich* (аккуратный), *zuverlässig* (надежный). Фразеологизмы *einen kühlen Kopf behalten* – сохранять хладнокровие, *etwas im Griff haben* – держать под контролем, *(nicht) die Flinte ins Korn schmeißen* – не сдаваться, не пасовать – свидетельствуют о наличии у человека выдержки, самообладания и спокойствия при любых обстоятельствах. Выражения *die Lösung angehen* – взвешивать решение, *die Lösung ansehen* – принимать решение демонстрируют процесс формулирования суждения по какой-либо проблеме или вопросу. Вводная конструкция *in der Regel* указывает на то, что соответствующее действие является для кого-либо обычным, установившимся. Размышляя о собственных внутренних качествах, нарратор противопоставляет себя другим знакам Зодиака – *sensible Fische*, *vorsichtige Krebse oder unentschlossene Waagen* (оценочные прилагательные: *sensible* – впечатлительный, *vorsichtig* – осторожный, *unentschlossen* – нерешительный).

Пример демонстрирует наличие имплицитного нарратора, пол которого не представляет возможным выявить при помощи грамматических и лексических средств.

Экспрессия наблюдается в достаточно частом использовании фразеологизмов как способе повышения эмоциональности высказывания и как очень удобном средстве компрессии информации – нарратор скорее человек-дела, нежели человек-слова.

Имплицитный нарратор, иронично и грустно рассуждающий о своем малопривлекательном внешнем виде, использует **стратегии самопрезентации** и **ретроспекции**, которые образуют комплексную стратегию. Стратегии имеют направленность Я-Я₁ вследствие того, что героиня погружена в размышления о себе самой (частое использование личного местоимения *ich* «я», притяжательных местоимений *mein* «мой» – „*mein Gesicht*“, „*auf meiner Stirn*“).

„Im Spiegel auf der Innenseite der Schranktür **betrachtete** ich missmutig mein Gesicht. Im Großen und Ganzen **sah** ich mit dreiunddreißig nicht anders aus **als** mit dreiundzwanzig. **Aber** diese drei Querfalten auf meiner Stirn, die **waren** vor zehn Jahren noch nicht da **gewesen**. Wahrscheinlich **hatte** ich sie beim Grübeln vor diesem Kleiderschrank **bekommen**. Diese ewige Kleiderfrage war aber auch wirklich zum Stirnrunzeln. Ich musste mir unbedingt eine Antifaltencreme zulegen. Allerdings **würde** die Anschaffung einer Antifaltencreme, die wirklich gegen Falten half, uns **endgültig** in den finanziellen Ruin **treiben**. Von neuen Klamotten ganz zu schweigen“ [Gier 2014: 12–13].

«Я уныло рассматривала свое отражение в зеркале на внутренней стороне дверцы шкафа. В общем и целом, сказать, что мое лицо в тридцать три года сильно отличалось от него же, но в двадцать три, было, конечно, нельзя. И все же десять лет назад на лбу не было этих трех морщинок. Вероятно, они появились вследствие воскресных размышлений перед платяным шкафом. Во всяком случае, постоянное решение вопроса, что надеть, сыграло здесь не последнюю роль. Непременно надо будет приобрести крем от морщин. Впрочем, приобретение крема, который действительно помогал бы от морщин, скорее всего разорит нас. О новых шмотках даже и думать не следовало» (перевод Ю. Семина).

Стратегии реализуются рядом тактик, которые определяют действия и реакцию нарратора на определенные обстоятельства в конкретной ситуации.

Так, **тактика размышления** показывает, что нарратор сталкивается с понятной всем представительницам женского пола проблемой – выбора воскресного наряда. Общеупотребительное выражение в русском переводе «вечный вопрос», в данном случае по отношению к одежде, используется для выражения актуальных и имеющих большое значение вопросов (гиперболизированная экспрессия: *ewige Kleiderfrage* – вечный вопрос, что надеть). Модальные слова *wirklich* – действительно, реально (модальность действительности) демонстрируют, что с точки зрения говорящего содержание высказывания соответствует объективной реальности; *allerdings* –

действительно, во всяком случае; *unbedingt* – обязательно, непременно подчеркивают часть высказывания, указывают на действия, происходящие при любых обстоятельствах, независимо ни от чего. Модальные слова отражают особенности интерпретационной деятельности сознания нарратора и демонстрируют модальность предположения как один из признаков КРФ размышления, для которого характерны эмоциональность и субъективность. В переводе на русский язык размышление прослеживается через использование вводных слов *конечно, вероятно, во всяком случае, впрочем*.

Обстоятельство образа действия в виде парного устойчивого словесного комплекса *im Großen und Ganzen*, переведенного на русский язык как «в общем и целом», служит для выражения субъективного отношения нарратора.

Разговорная лексика (*neue*) *Klamotten* – (новые) тряпки передает эмоциональное состояние нарратора, вероятно, легкое раздражение или разочарование. Ироничное размышление относительно причины изменения во внешности, а именно появление морщин – *beim Grübeln vor diesem Kleiderschrank* – размышления перед платяным шкафом – показывает продолжительное и не приносящее удовлетворения героине действие, забирающее время и силы.

Следующий пример представлен определительным придаточным предложением со стилистической фигурой проlepsis, что указывает на предположение нарратора: *Aber diese drei Querfalten auf meiner Stirn, die waren vor zehn Jahren noch nicht da gewesen* – И все же десять лет назад на лбу не было этих трех морщинок.

Еще один пример с кондиционалис 1 имеет значение предположения: *Allerdings würde die Anschaffung einer Antifaltencreme, ..., uns endgültig in den finanziellen Ruin treiben* – Впрочем, приобретение крема, ..., скорее всего разорит нас (устойчивое выражение: *in den Ruin treiben* – разорить).

В комплексной стратегии наряду со стратегией самопрезентации присутствует также стратегия ретроспекции, которая представлена тактикой противопоставления: нарратор делает сравнение не в пользу себя настоящей –

sah ich mit dreiunddreißig nicht anders aus als mit dreiundzwanzig (союз *als* используется для сравнения). Союз *aber* выражает отношение противопоставления тому, о чем говорилось ранее: ***Aber diese drei Querfalten auf meiner Stirn.*** Нарратора беспокоят не столько морщины на ее лице, ставшие уже заметными вследствие возрастных изменений, сколько тревожное внутреннее состояние, позволившее женщине обратить на них внимание.

Наличие в предложении плюсквамперфекта (*hatte ... bekommen, waren ... gewesen*) может свидетельствовать о *стратегии ретроспекции*, представленной ***тактикой размышления*** с использованием модального слова *wahrscheinlich* – *вероятно, должно быть* – выражающего нереальность происходящего. Разница во времени свершающихся событий передается, как было указано выше, через плюсквамперфект (случилось раньше) и претерит (случилось позже: *betrachtete, sah, war*).

Один из основных индексов *стратегии ретроспекции* – относительное употребление временных форм, а именно предшествование одного действия другому. В немецком языке для выражения этого значения имеются специальные грамматические средства – *Perfekt* и *Plusquamperfekt* – при употреблении вместе с временными формами *Präsens* и *Präteritum*. В данном случае предшествование выражено формой плюсквамперфекта на фоне повествовательного претерита. Время предшествующего действия конкретизируется при помощи лексических средств *vor zehn Jahren, dreiunddreißig, dreiundzwanzig*.

Пример с использованием в предложении модального глагола *müssen* (необходимо что-либо сделать) представлен с разницей во времени – прошедшего для немецкого языка и будущего для русского языка: ***Ich musste mir unbedingt eine Antifaltencreme zulegen*** – ***Непременно надо будет приобрести крем от морщин*** («надо» используется как разговорный вариант). В немецком языке используется повествовательный претерит, т. е. для персонажа это не прошедшее, а настоящее, что можно рассматривать как внутреннее обращение к самой себе (Я – Я₁).

Особое место в нарративе занимают неприятные моменты, переживаемые нарратором, а именно: отражение в зеркале далеко немолодого лица, наличие морщин, отсутствие финансовой возможности поддерживать себя в форме, что заставляет нарратора противопоставлять себя настоящей – себе в прошлом. Все это повлияло на самооценку и нашло отражение в использовании эмоционально-оценочной лексики, разговорной лексики, иронии.

Описание внутреннего мира нарратора, его эмоциональное, физическое состояние, интеллектуальные способности и др., оцениваемые им самим, отражаются в *стратегии интроспекции*.

„Wie soll ich damit umgehen, nein: gut zurechtkommen? Ich fühle mich dabei lächerlich. Mich bedrückt, was mir widerfährt. Zugleich will ich mir diesen Schuh nicht anziehen. Da ich keinen Verhaltenscode entdecken kann, der mir passt, muss ich ihn erfinden. Das ist sehr viel leichter gedacht als getan. Wie sagt man auf Englisch: I am at a loss. Ich weiß nicht weiter. Aber auch: Ich gehe verloren; etwas ist mir geht verloren. Ich brauche nicht danach zu suchen, denn nicht, was war, muss wiederhergestellt werden. Ich brauche etwas Anderes: mich selbst in meiner neuen Form“ [Draesner 2018: 15–16].

«Как мне быть с этим? Привыкнуть? Я чувствую себя нелепо из-за этого. Я подавлена тем, что со мной происходит. В то же время я не хочу с этим соглашаться. Поскольку я не могу найти подходящую мне манеру поведения, мне приходится ее изобретать. Это гораздо легче придумать, чем осуществить. Как говорят англичане: я в растерянности. Не знаю, что делать дальше. К тому же: я потерялась; что-то потеряно для меня. Мне не нужно искать ушедшее, потому что к тому, что было, не нужно возвращаться. Мне нужно нечто другое – я сама в своей новой форме» (перевод наш. – Я. З.).

В анализируемом примере мы наблюдаем внутренний монолог как один из главных индексов стратегии интроспекции, к которым можно также отнести и модальные глаголы. Отличительной особенностью внутреннего монолога является презенс в немецком языке и форма настоящего времени в русском.

Внутренний монолог обычно очень эмоционален как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Говорящему нет необходимости подробно и логично строить фразы, поэтому используются эллиптические, вопросительные предложения, уточнения: (*Wie soll ich damit umgehen, nein: gut zurechtkommen?*), происходит поиск и выбор наиболее подходящего слова или выражения (*Wie sagt man auf Englisch: I am at a loss. Ich weiß nicht weiter. Aber auch: Ich gehe verloren; etwas ist mir geht verloren.*), прослеживается нарушение синтаксической структуры предложения (*etwas ist mir geht verloren*).

Презенс здесь не выражает действие, так как действия нет, а есть размышление и выражение эмоций.

В стратегии интроспекции используются презенс, предназначенный для выражения действия, происходящего сейчас или планируемого в будущем, и модальные глаголы (*Wie soll ich..., Zugleich will ich..., Da ich ... entdecken kann, der mir passt, muss ich...*), указывающие на отношение нарратора к происходящему. Модальные глаголы выражают дебитивную модальность, к которой относится модальность необходимости (*müssen*) и долженствования (*sollen*), и потенциальную модальность, представленную модальностью возможности (*können*). Модальные глаголы здесь служат для передачи смятения героини и ее стремления найти решение.

Стратегия интроспекции в анализируемом примере представлена **тактикой размышления**: нарратор находится в растерянности и использует глаголы, выражающие чувства (*sich fühlen – чувствовать, bedrücken – угнетать, тяготить, verloren gehen – теряться*) и процесс мышления (*denken – думать, полагать, erfinden – изобретать, придумывать*). Нарратор приходит к умозаключению – *Ich brauche etwas Anderes: mich selbst in meiner neuen Form*; использует короткие предложения: *Ich weiß nicht weiter*, риторический вопрос: *Wie soll ich damit umgehen, nein: gut zurechtkommen?*; вводит идиому на английском языке как поиск лучшего самовыражения: *I am at a loss* (*быть в нерешительности; не знать, что делать*), идиому *leichter gedacht als getan* – *проще подумать, чем сделать* (аналогия к идиоме *leichter gesagt als getan*);

использует лексические повторы: *ich gehe verloren ... mir geht verloren, ich brauche ... ich brauche.*

Размышление нарратора по поводу своей манеры поведения находим в придаточном предложении с союзом *da* (*так как, потому что*) со значением причины: ***Da ich keinen Verhaltenscode entdecken kann, der mir passt, muss ich ihn erfinden*** (*da* подчеркивает то, что причина известна собеседнику). Пример показывает, что нарратору сложно сконцентрироваться на излагаемой мысли, он торопится. Имеют место сопоставления: чувства – *Ich fühle mich dabei lächerlich*; сейчас и потом – *Ich brauche etwas Anderes: mich selbst in meiner neuen Form*; действия – *viel leichter gedacht als getan*.

Для обобщения информации нарратор использует фразу *Wie sagt man auf Englisch*, в русском переводе как собирательное выражение: *Как говорят англичане*. С целью расширения информационного поля нарратор вводит новое предложение с противительного союза *aber* и наречия *auch*: ***Aber auch*** (*да и, но и, к тому же*): *Ich gehe verloren...* и через знак двоеточия добавляет недостающее сообщение.

Сочинительный союз *denn* (*так как, потому что*) указывает на причину сожаления о прошедших событиях: ***denn nicht, was war...***

Перечисленные критерии демонстрируют эмоциональное состояние нарратора, его желание выразить собственную точку зрения на проблему и показывают направленность Я-Я₁. В нарративе прослеживается акцентирование внимания читателя на духовном кризисе, который может быть и в молодом, и в зрелом возрасте.

Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий комплексную стратегию.

„Jetzt waren wir annähernd zehn Jahre verheiratet, und es verging immer noch kein Tag, an dem ich nicht darüber staunte, dass dieser wunderschöne, perfekte und kluge Mann ausgerechnet mich, Olivia Przbylla mit den klodeckelgroßen, erdigen Händen und den Blumenkohlhaaren geheiratet hatte. Es war ein Wunder – mein ganz persönliches Wunder. Konnte ich wirklich das Risiko eingehen und ihn sechs Monate lang mit einer Frau wie Evelyn zusammen wohnen lassen? Würde er dann nicht mit

der Nase darauf gestoßen, wie wenig perfekt ich eigentlich war?» [Gier 2014: 95–96].

«Мы были женаты уже десять лет, но не проходило дня, чтобы я не задумалась, почему этот красивый, выдающийся, умный мужчина женился на мне, Оливии, с дурацкой фамилией Прибилла, с огромными руками, вечно испачканными землей, и прической, похожей на кочан цветной капусты. Это было чудо – лично мне явившееся с небес чудо. Имела ли я право пойти на риск и позволить ему прожить целых шесть месяцев с такой женщиной, как Эвелин? Не осознает ли он за это время, как мало я подхожу ему, как мало я привлекательна?» (перевод Ю. Семина).

Эксплицитный нарратор (на что указывает женское имя собственное *Olivia*) использует **стратегии интроспекции** и **ретроспекции** (комплексная стратегия). Женщина пытается найти у себя положительные качества, позволившие привлечь внимание ее красавца-мужа к ней – девушке с непримечательной внешностью. Здесь прослеживается некоторое эмоциональное дистанцирование нарратора по отношению к себе, что проявляется через личное местоимение *mich* и имя собственное *Olivia Przbylla: Mann ausgerechnet mich, Olivia Przbylla ... geheiratet hatte* – *мужчина женился на мне, Оливии, с дурацкой фамилией Прибилла*.

В анализируемом примере **стратегия ретроспекции** поддерживается временными формами, указывающими на события в прошлом: претерит: *es verging...*; плюсквамперфект: *...geheiratet hatte* и кондиционалис 2: *würde ... gestoßen: Würde er dann nicht mit der Nase darauf gestoßen* (опущен вспомогательный глагол *sein (würde gestoßen sein)*). В переводе на русский язык в данном предложении используется будущее время (*Не осознает ли он за это время*) с уточнением временных рамок события – «за это время».

Следующий пример демонстрирует повторяющееся событие в прошлом: *es verging immer noch kein Tag – но не проходило дня*. Наречие времени *jetzt* и претерит демонстрируют временную дистанцию от того, что было когда-то, до настоящего момента: *Jetzt waren wir annähernd zehn Jahre verheiratet – Мы*

были женаты уже десять лет. В русском языке эту функцию выполняет наречие «уже», указывающее на уже завершённое действие.

Комплексная стратегия представлена **тактикой размышления** – демонстрирующей погружение рассказчика в собственные мысли; нарратор ставит под сомнение свою совместимость с мужем, руководствуясь разницей в их внешних данных.

Нарратор на протяжении многих лет (*zehn Jahre*) задаётся вопросом странного, на её взгляд, выбора третьего лица (мужа) – его женитьбы на ней, он – *dieser wunderschöne, perfekte und kluge Mann* (положительная оценка: *wunderschön* – красивый, *perfekt* – выдающийся, *klug* – умный). Лексический повтор *ein Wunder – mein ganz persönliches Wunder* демонстрирует наивысшую похвалу третьего лица. В отличие от своего мужа, нарратор – полная его противоположность, она – *Olivia Przbilla mit den klodeckelgroßen, erdigen Händen und den Blumenkohlhaaren* (отрицательная оценка, самоирония: *klodeckelgroß* – огромный, *erdig* – испачканный землёй), сравнение (ирония) – *die Blumenkohlhaare (die Blume + der Kohl + das Haar)* – причёска, похожая на кочан цветной капусты. Имеют место риторические вопросы, сложные предложения (*und es verging..., dass dieser wunderschöne, perfekte und kluge Mann...*) и модальные слова, выражающие субъективную оценку (*wirklich – действительно, реально, eigentlich – собственно, по сути*).

Для **тактики размышления** типичны риторические вопросы: *Konnte ich wirklich das Risiko eingehen und ihn sechs Monate lang mit einer Frau wie Evelyn zusammen wohnen lassen? Würde er dann nicht mit der Nase darauf gestoßen, wie wenig perfekt ich eigentlich war?*

Дополнительное придаточное предложение относится к словам в главном предложении со значением мысли и чувства, что уточняет смысл высказывания: *..., dass dieser wunderschöne, perfekte und kluge Mann ... geheiratet hatte.*

В предложенном примере демонстрируется эмоциональное состояние женщины, сомневающейся в прочности своих семейных отношений, вину за

происходящее она ищет в своей, по ее мнению, непривлекательной внешности, что достаточно типично в подобных случаях.

Следующий нарратив в виде внутреннего диалога как средства реализации **стратегий интроспекции** и **ретроспекции** (комплексная стратегия) представлен эксплицитным нарратором, вспоминая о своей юности. Нарратор обращается к себе самой по прошествии многих лет и ведет диалог взрослого человека с юной девочкой, которой еще предстоит пережить все этапы взросления и становления личности. Внутренний диалог представляет собой внутреннее общение человека с самим собой и является одним из основных способов рефлексии, размышления, думания.

*„Es sind mehr als sechzig Jahre vergangen **seitdem**, und ich sehe auf Dich zurück mit Wehmut: Wie hast Du Dich gequält, gesucht, gefragt! Wie schwer hast Du die Liebe, hast Du alles genommen! Du warst kein lustiges Mädchen. Du **warst gerade ein Jahr zuvor aus dem Elternhaus weggelaufen**, bei Pflegeeltern schließlich mehr gestrandet als gelandet, und über Deine Pubertät und Dein Erwachsenwerden kann ich **heute** gar nicht lachen. Ich sehe so viel Kummer“ [Draesner 2018: 19].*

«С тех пор прошло более шестидесяти лет, а я с грустью оглядываюсь на тебя: как ты себя мучала, искала, спрашивала! Какой тяжелой была для тебя любовь, тебе все было тяжело! Ты не была веселой девочкой. За год до этого ты сбежала из родительского дома, оказалась еще в более затруднительной ситуации у приемных родителей, и сегодня я совсем не могу смеяться над твоим пубертатным периодом и твоим взрослением. Я вижу столько печалей» (перевод наш. – Я. З.).

Нарратив имеет направленность Я-Я₁, что выражается в обращении к себе посредством личного местоимения *du* «ты», возвратного местоимения *Dich* – *Wie hast Du Dich gequält*, притяжательного местоимения *dein* «твой» – *Deine Pubertät und Dein Erwachsenwerden*. Такое обращение указывает на определенную дистанцию, которая выражается в разных временных плоскостях (нарратор сравнивает себя в настоящем времени с собой в прошлом).

Нарратив содержит следующие формы выражения времени, позволяющие проследить происходящие действия в разных временных плоскостях: плюсквамперфект – *Du warst ... weggelaufen*; претерит – *Du warst kein ...*; перфект – *Es sind mehr als ... vergangen*; презенс – *Ich sehe so...*. Наличие разных временных пространств является одним из признаков **стратегии ретроспекции**. Сюда также можно отнести выражение *gerade ein Jahr zuvor*, используемое в конструкции с плюсквамперфектом и в переводе на русский язык имеющее значение *за год до этого*, показывающее отдаленность одного события от другого. Наречие времени *seitdem* (*с тех пор*) указывает на ранее названное время: *Es sind mehr als sechzig Jahre vergangen seitdem, ...*. В то же время наречие времени *heute* (*сегодня*) служит для регламентации текущего отрезка времени: *Dein Erwachsenwerden kann ich heute gar nicht lachen*.

Мысленное возвращение нарратора в прошлое, сохранившееся в памяти как воспоминание о юной девушке с ее радостями и печалью, заставляет нарратора размышлять.

Нарратор вспоминает о разных этапах в своей жизни – *die Liebe* – любовь, *die Pflegeeltern* – приемные родители, *die Pubertät* – пубертатный период, *das Erwachsenwerden* – взросление, что указывает на то, что стратегия интроспекции представлена **тактикой размышления**. Перечисление жизненных этапов передает эмоциональное состояние нарратора, пытающегося упорядочить свои мысли и чувства – *gequält, gesucht, gefragt*.

Следующие существительные указывают на отрицательно окрашенные эмоции нарратора и, возможно, его депрессивное состояние: *Wehmut* – грусть, уныние, тоска; *Kummer* – печаль, тоска. Восклицательные предложения демонстрируют чувства и эмоции нарратора – *Wie schwer hast Du die Liebe, hast Du alles genommen!*

Пол нарратора в анализируемом нарративе прослеживается лексически – *Du warst kein lustiges Mädchen* (*Mädchen* – девочка).

Нарратор мысленно возвращается в прошлое, вспоминает события, сохранившиеся в памяти и в силу сложившихся обстоятельств возникшие

вновь. Интроспекция прослеживается в углубленном изучении нарратором своих образов, мыслей, чувств и переживаний, ретроспекция – в сравнении себя в прошлом с собой в настоящем.

Стратегия ретроспекции используется нарратором в обращении к людям и событиям, оставшимся в воспоминаниях, которые по ряду возникших обстоятельств возникают в памяти женщины. Ностальгия чаще всего свойственна нарратору, в жизни которого идет что-то не так в настоящем, поэтому он обращается к добрым временам из прошлого.

„Ich hasste vielleicht mein Leben, aber ich liebte meinen Job. Ich freute mich jeden Tag auf meine Arbeit. Sehr untypisch für einen Depressiven. Dass ich die geborene Liebesromanautorin war, stellte ich im ersten Semester meines Germanistik-Studiums fest. ... Statt einer Hausarbeit über «Die Stellung und Bedeutung so genannter Schundromane in der Literatur» schrieb ich einen eigenen Arztroman. ...

Meine Familie war ziemlich schockiert, dass ich das Studium an den Nagel hängte, um mich fortan unter den Pseudonymen Juliane Mark und Diane Dollar ganz und gar dem Schreiben von Liebesromanen zu widmen. Aber das war mir egal. Ich hatte etwas gefunden, das mir Spaß machte und das ich wirklich gut konnte – warum sollte ich also weiter studieren? Es war allerdings kein leichter Job. ... Ich lebte bereits seit zehn Jahren vom Schreiben, und es machte mir immer noch Spaß“ [Gier 2007: 46–47].

«Может, я и ненавидела свою жизнь, зато любила свою работу. Каждый день я просто нарадоваться ей не могла. Очень нетипично для страдающего депрессией человека. То, что я прирожденный автор любовных романов, я поняла еще в первом семестре обучения на факультете германистики. ... Вместо того чтобы выполнять домашнюю работу под названием «Место и значение так называемого бульварного романа в литературе», я написала свой собственный роман. ...

Моя семья была шокирована, когда я бросила учебу и всю себя посвятила написанию любовных романов под псевдонимами Джулиана Марк и Дайана

Доллар. Но мне до этого не было никакого дела. Я нашла то, что мне доставляло удовольствие и с чем я неплохо справлялась, – так зачем мне было продолжать учебу? Работа эта была непростая. ... Я уже десять лет зарабатывала себе на жизнь писательством, и мое занятие доставляло мне массу удовольствия» (перевод М. Наумовой).

Данный пример относим к **стратегии ретроспекции**, на что указывает итеративный претерит, обозначающий повторяющееся действие в прошлом: *Ich freute mich jeden Tag* – Каждый день я просто нарядоваться ей не могла. Темпоральный индекс *jeden Tag* подчеркивает повторяемость действия.

Достаточно часто стратегия ретроспекции реализуется плюсквамперфектом, имеющим значение предшествования в прошедшем времени: *Ich hatte etwas gefunden*. В русском переводе (Я нашла то, что...) это значение не было передано, совершенный вид глагола здесь указывает на завершенность, но не на предшествование. Плюсквамперфект в русском языке можно было бы передать только лексическими средствами (типа «уже», «до этого» и т. п.). Ретроспекцию также демонстрирует автореферентное высказывание в прошедшем времени (*Dass ich die geborene Liebesromanautorin war*), которое на русский язык передается через настоящее время: *То, что я прирожденный автор любовных романов...*

Нельзя утверждать, что данный отрывок является внутренним монологом, для которого обычно используется настоящее время, характерна обрывочность, бессвязность и незавершенность предложения. Однако некоторые признаки внутреннего монолога здесь присутствуют – вопросительное предложение, эллипсис, лексика с модальным значением: ... *warum sollte ich also weiter studieren? Es war allerdings* (значение уступки) *kein leichter Job*.

Анализируемый пример можно отнести к переходным формам, что свойственно современной литературе и дает право утверждать, что стратегия ретроспекции представлена **тактикой размышления**. Модальные слова *vielleicht* – возможно, может быть, *wirklich* – действительно, реально, *allerdings* – разумеется, однако представляют модальность предположения, что

также является одним из признаков КРФ размышления. Рассуждая относительно сложившихся жизненных обстоятельств, нарратор использует: 1) придаточные дополнения: *Dass ich die geborene Liebesromanautorin war, stellte ich...*; 2) придаточные причины: *Meine Familie war ziemlich schockiert, dass ich das Studium an den Nagel hängte*; 3) целевые инфинитивные конструкции: *...um mich fortan unter den Pseudonymen Juliane Mark und Diane Dollar ganz und gar dem Schreiben von Liebesromanen zu widmen*; 4) риторический вопрос: *warum sollte ich also weiter studieren?*

Персонализированный нарратор представляет себя как личность, определившуюся со своим профессиональным направлением. Пол нарратора проявляется грамматически через суффикс *-in* (существительное женского рода *die Liebesromanautorin* образовано путем мовирования от существительного мужского рода *der Liebesromanautor*).

Прагматическое воздействие на читателя осуществляется путем описания личности, осознавшей, что профессиональное самоопределение должно быть самостоятельным, осознанным и добровольным, что будет залогом успешного профессионального роста и общественного признания и выражено комплексными стратегиями.

Данный нарратив является типичным примером, содержащим признаки двух стратегий – *стратегий ретроспекции* и *самопрезентации*, что позволит нам назвать такие виды стратегий комплексными.

„Ich habe lange gebraucht, um bei Kleidern eine Art eigenen Stil zu finden, einfach, klar, keine Rüschen, keine Schleifen, keine weiten Röcke. Ich erinnere mich an den ersten und ich glaube auch einzigen Auftritt von Jil Sander in einer Talkshow, die ich moderierte, es muss Anfang der 80er Jahre gewesen sein. ... Jeder Mensch muss sich kleiden, aber nicht jeder muss sich darum kümmern, was Mode ist. Ich trage manche Sachen dreißig Jahre und mehr, es ist mir egal, ob sie modisch sind oder nicht, solange sie mir passen, stehen, Freude machen. Aber manchmal reißt es mich natürlich auch ...“ [Heidenreich 2020: 13].

«Мне потребовалось много времени, чтобы найти какой-то свой стиль в платьях, простых, понятных, без излишеств, без оборок и широких юбок. Я помню первое и, думаю, единственное появление Жиль Сандер на ток-шоу, которое я вела, кажется, в начале 80-х. ... Всем нужно одеваться, но не всем нужно заботиться о моде. Некоторые вещи я ношу по тридцать и более лет, мне все равно, модные они или нет, главное, чтобы они мне подходили, мне шли, радовали меня. Но иногда и меня заносит...» (перевод наш. – Я. З.)

Начало нарратива представляет собой наиболее явный пример ретроспекции: *Ich habe lange gebraucht*, ... Начальный перфект употреблен в относительном временном значении предшествования по отношению к действиям, выраженным в презенсе. В русском языке это значение может быть лишь приблизительно передано лексическими средствами (*Мне потребовалось много времени*). Значение предшествования в немецком тексте выражено более отчетливо за счет использования специальной грамматической формы, причем глагол *brauchen* в перфекте обычно употребляется редко. В данном случае перфект этого глагола подчеркивает, что выработка своего стиля нарратором стоил ему усилий.

Глагол «*sich erinnern* – вспоминать, напоминать себе» имеет соответствие в русском переводе *помнить*, однако немецкий глагол более точно передает предшествование, чем русский. Обстоятельство времени *Anfang der 80er Jahre* в сочетании с модальным глаголом и инфинитивом 2 также указывают на план прошедшего времени: *es muss Anfang der 80er Jahre gewesen sein*.

Переход к обобщающему (*Jeder Mensch muss sich kleiden*), а затем к квалифицирующему презенсу (*Ich trage manche Sachen dreißig Jahre und mehr*) означает смену повествовательной стратегии от ретроспекции к самопрезентации. Квалифицирующий презенс, т. е. презенс статальных глаголов (*glauben*), в отличие от глаголов действия (*tragen*), в сочетании с местоимением первого лица можно рассматривать как один из индексов, указывающих на *стратегию самопрезентации*.

Анализируемая стратегия реализована нарративом с эксплицитным положительно относящимся к жизни нарратором – женщиной, поднимающей женскую проблему – как выглядеть модно, быть одетой уместно и чувствовать себя комфортно. Нарратор идентифицирует себя как лицо женского пола через одежду, типичную для гардероба женщины. Грамматически пол нарратора не выражен, однако при описании модных тенденций акцент делается на лексику, относящуюся к сугубо женским элементам одежды и предметам гардероба (*Schleifen* – оборки, банты, *Röcke* – юбки), что позволяет утверждать, что нарратор – женщина. Соответственно, можем предположить, что данная стратегия представлена *тактикой отождествления* и *тактикой рефлексивного воспоминания*.

Мысленное возвращение нарратора в юность, вероятно, связано с воспоминанием себя счастливым, успешным и полным энергии человеком. *Стратегия ретроспекции* реализуется *тактикой рефлексивного воспоминания*: обстоятельство времени *Anfang der 80er Jahre* (в начале 80-х), упоминание немецкого модельера и дизайнера одежды *Jil Sander* (Жиль Сандер), *dreißig Jahre und mehr* (тридцать и более лет) указывают на события и их временные рамки.

Стратегия самопрезентации осуществляется *тактикой противопоставления*: героиня находится перед выбором – оставаться «как все» или попытаться выделиться из общей массы модников и модниц. Отрицание *kein* свидетельствует об отказе или неприятии общепринятых элементов в женской одежде – *keine Rüschen, keine Schleifen, keine weiten Röcke*. Противопоставление выражено также неопределенным местоимением *jeder* в первой части предложения и *nicht jeder* – во второй части: *Jeder Mensch muss sich kleiden, aber nicht jeder muss sich darum kümmern, was Mode ist*. Вопросы моды не обязательно должны волновать всех, это сугубо личное предпочтение. Устойчивое выражение *es ist mir egal* – мне все равно выражает безразличие к вопросам моды, основные критерии – эстетичность, чувство комфорта и удовлетворения (*sie mir passen, stehen, Freude machen*).

Прагматическое воздействие на читателя заключается в апеллировании к опыту нарратора, который демонстрирует собственную позицию, аргументированно обосновывает свое отношение к вопросам моды и выражает уверенность в том, что с такими проблемами сталкивается практически каждая женщина. Это позволяет читателю вжиться в атмосферу описываемой эпохи в произведении, к которой нарратор имел отношение, к ее обычаям и нравам.

В анализируемом примере нарратор также использует комплексную стратегию – *стратегию ретроспекции* и *стратегию самопрезентации*.

„*Ich hatte nie vorgehabt, mit dreißig noch Single zu sein. Eigentlich hatte ich das ganz anders geplamt: Mit spätestens achtundzwanzig wollte ich mit dem Mann meiner Träume verheiratet sein, mit neunundzwanzig das erste Kind bekommen und mindestens einen Apfelbaum gepflanzt haben. Stattdessen heirateten fast alle meine Schwestern, Cousins, Cousinen und Freunde. Sogar Klaus Köhler und Britt Emke. Sie bekamen Kinder, bauten Häuser und pflanzten Apfelbäume, während ich in Cafés durch Hintertüren verschwand*“ [Gier 2007: 32].

«Я совершенно не собиралась до тридцати лет оставаться в одиночестве. Свою жизнь я планировала иначе: самое позднее, к двадцати восьми годам я хотела быть замужем за мужчиной моей мечты, а к двадцати девяти родить первого ребенка и посадить как минимум одну яблоню. А вместо этого вышли замуж почти все мои сестры, кузины и подруги, а почти все кузены и друзья женились. Даже Клаус Колер и Бритта Эмке. Они рожали детей, строили дома и сажали яблони, пока я улепетывала из кафе через черный ход» (перевод М. Наумовой).

Пример представлен эксплицитным нарратором от первого лица, узнаваемым читателем как ведущая рассуждение женщина, для которой изначально наличие ребенка и мужа были обязательны: *wollte ich mit dem Mann meiner Träume verheiratet sein, ... das erste Kind bekommen*.

Для *стратегии ретроспекции* характерно использование плюсквамперфекта (*Ich hatte nie vorgehabt*) как временной формы со значением предшествования. В анализируемом примере мы также наблюдаем присутствие

модального глагола с инфинитивом 2 (инфинитив 2 тоже указывает на предшествование): *wollte ich das erste Kind bekommen und mindestens einen Apfelbaum gepflanzt haben*. Претерит указывает на несобственно-прямую речь. Основное значение претерита – повествовательный претерит.

В данном случае мы наблюдаем упорядоченное действие – *bekommen, bauen, pflanzen* (*Sie bekamen Kinder, bauten Häuser und pflanzten Apfelbäume*), что говорит об умении нарратора заранее продумывать последовательность своих действий.

Глагол *vorhaben* в русском переводе используется в значении «собираться» и усиливается наречием «совершенно», что указывает на *тактику размышления*. В русском варианте выпущен перевод наречия *eigentlich* (*на самом деле, собственно*), в немецком варианте мы наблюдаем обратную картину с существительным *das (Leben)*: *das ganz anders*, которое при переводе на русский язык присутствует: *Свою жизнь я планировала иначе*. Наречие *mindestens* (*по крайней мере, хотя бы*) свидетельствует о желании нарратора взвешенно подходить к вопросам поиска правильного решения.

Стратегия самопрезентации представлена *тактикой противопоставления*: союз *während* (*в то время как, пока*) и наречие *stattdessen* (*вместо, вместо этого*) выражают противопоставление в действиях нарратора по отношению к другим членам семьи в упоминаемый период времени. В переводе на русский язык используется наречие «пока», что указывает на действие, которое длится в течение какого-то периода времени до какого-то события: *пока я улпетывала из кафе через черный ход*. В переводе обращает на себя внимание глагол «улпетывать» вместо нейтрального «*verschwand*». Вместе со стереотипом о жизненном успехе прослеживается самоирония – *mit dem Mann meiner Träume*.

Главное противопоставление: мечты, планы и реальность. Нарратор противопоставляет свою жизнь – жизни своих родственников и друзей – это сравнение усиливает противопоставление.

Наличие далеко идущих планов (*mit spätestens achtundzwanzig... mit neunundzwanzig... mit dreißig...*) не вызывает положительных эмоций у женщины, она высказывает сожаление о неудавшейся личной жизни, что еще раз доказывает – даже любое хорошо запланированное действие не может гарантированно осуществиться в полной мере, и все может решить случай.

Нарратор рассуждает о происходящем скорее с позиции неудовлетворенного сложившейся жизнью человека. Умение планировать свою жизнь не означает, что планы будут приведены в действие. Стереотипное утверждение по отношению к мужчине «построить дом, посадить дерево, вырастить сына» в данном примере иронично женщина применяет к себе самой, т. е. берет на себя мужские функции – она должна приложить усилия для достижения цели.

Следующий пример представлен *стратегий ретроспекции*, которая, в отличие от приведенных выше примеров, касается тяжелых периодов в жизни нарратора.

„Aber es war Irma gewesen. Ich wußte es ja auch. Irma war auf den Speicher des Hauses Gerswidastraße 89 gegangen, in dem sie mit ihrer Mutter lebte, war durch ein Speicherfenster geklettert und in die Tiefe gesprungen, fünf Stockwerke eines Altbaus aus dem vorigen Jahrhundert sind hoch genug, um ein solches Vorhaben gelingen zu lassen. Sie hatte keinen Brief hinterlassen, kein Tagebuch, nichts. Ich bin nicht zur Beerdigung gegangen, und Irmas Mutter habe ich nur noch einmal von weitem gesehen, zwei Jahre später. Sie trug keinen Hut und kein geblümtes Kleid“ [Heidenreich 2005: 19].

«Но это была Ирма. И я это знала. Ирма пошла на чердак дома 89 по Герсвидаштрассе, где они жили с матерью, выбралась через окно на карниз и прыгнула в бездну, пяти этажей старого дома постройки прошлого века было достаточно, чтобы такая задумка полностью удалась. Она не оставила ни письма, ни дневника, ничего. Я не пошла на похороны, а мать Ирмы я увидела только раз, издалека, спустя два года. На ней не было ни шляпки, ни платья в цветочек» (перевод В. Поздняк).

В анализируемом примере имплицитный нарратор использует **стратегию ретроспекции**, в которой представляет обзор событий прошлого, вспоминает трагические страницы своей жизни – ранний уход друзей, опустошение, первую большую потерю. Ретроспекция основана на способности памяти человека удерживать сообщенное ранее и соединять его с сообщаемым в данном отрезке повествования. В нарративе используется плюсквамперфект (*war ... gegangen, war ... geklettert ... gesprungen, hatte ... hinterlassen*). Плюсквамперфект выражает предшествование по отношению к другому действию, имеющему место в прошлом: *Irma war auf den Speicher des Hauses Gerswidastraße 89 gegangen, in dem sie mit ihrer Mutter lebte,...* (плюсквамперфект + претерит). Далее использование перфекта и претерита также демонстрируют разновременность описываемых событий (*Irmas Mutter habe ich ... gesehen* (перфект) и *Sie trug keinen Hut ...* (претерит)) – действие, представленное претеритом, происходило раньше, чем действие, представленное перфектом.

Выражение *zwei Jahre später* (спустя два года – предлог «спустя») показывает прошествие определенного времени между описываемыми событиями (произошедшей трагедией и встречей нарратора с матерью подруги). Еще одним примером демонстрации удаленности во времени является выражение *aus dem vorigen Jahrhundert* ((*постройки*) *прошлого века*).

Нарратор впервые сталкивается с невозполнимой потерей близкого человека, тяжело переживает и прокручивает в памяти события, порядок их следования и внутренние переживания. Нарратор использует **стратегию ретроспекции**, представленную **тактикой рефлексии воспоминания**: 1) действия погибшей героини: *auf den Speicher des Hauses gehen* – *пойти на чердак, durch ein Speicherfenster klettern* – *выбраться через окно на карниз, in die Tiefe springen* – *прыгнуть в бездну, keinen Brief, kein Tagebuch hinterlassen* – *не оставить ни письма, ни дневника*; 2) реакция нарратора: *nicht zur Beerdigung gehen* – *не пойти на похороны* (страх, потеря, нежелание принимать случившиеся как факт); 3) реакция матери погибшей девочки: *keinen Hut und*

kein geblühtes Kleid tragen – не носить ни шляпку, ни платья в цветочек (вина, потеря интереса к жизни).

В анализируемом нарративе прослеживается переключение одного временного плана на другой. Так, плюсквамперфект используется для выражения действия, которое предшествует в прошлом другому действию, т. е. имеет относительное временное значение: *Aber es war Irma gewesen*. Претерит служит для обозначения действия в прошлом, которое никак не связано с настоящим моментом: *Ich wußte es ja auch*. В нарративе действие выражается перфектом, показывающим ситуации в прошлом и сохранившиеся к моменту речи: *Ich bin nicht zur Beerdigung gegangen*.

Тактика размышления представлена целевой инфинитивной конструкцией: ... *um ein solches Vorhaben gelingen zu lassen*. Оттеночная частица *aber* выражает то, что не соответствует ожиданию: *Aber es war Irma gewesen*. В русском переводе *aber* используется в значении «но», также находится в начале предложения и вводит мысль о противопоставлении высказыванию, имевшего место ранее. Глагол *wissen* (в значении: *знать что-то вообще*) используется как указание на собственный опыт или сообщение извне: *Ich wußte es ja auch*.

Таким образом, ретроспекция является грамматической категорией текста, относит читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации и может проявляться как уже изложенная и как необходимая для связи событий предшествующая информация, что свидетельствует о перестановке временных планов повествования.

Еще один пример комплексной стратегии (**стратегии ретроспекции и пересмотра**), которую использует эксплицитный нарратор от первого лица. Женщина сталкивается с проблемой возраста, который для нее важен наличием ключевых событий. Задача нарратора заключается в создании и выделении собственного образа, поиске точек соприкосновения с остальными героями повествовательной истории в разные временные периоды.

„50 wird man, wie man sagt, »ganz von selbst«, und **doch** kam alles anders als gedacht. Ich war 37 geworden, hatte geheiratet, ich war 40 geworden, wir hatten gefeiert, ich war 47, wir versorgten ein dreijähriges Kind, ich wurde 49 und machte kein Geheimnis daraus, ich arbeitete, es ging mir gut. Kaum sah ich mich um, wurde ich 50, ich feierte diesen Geburtstag, nicht wir, kaum hatte ich mich umgesehen, bestand meine Familie nur mehr aus mir und meinem Kind“ [Draesner 2018: 7–8].

«Стукнуло 50, как говорится, «само собой», и все ведь получилось не так, как ожидалось. Мне исполнилось 37, я вышла замуж, мне исполнилось 40, мы устроили вечеринку, мне было 47, у нас был трехлетний ребенок, мне было 49, и я не скрывала этого, я работала, у меня все было хорошо. Едва я оглянулась, мне исполнилось 50, я праздновала этот день рождения, а не мы. Я оглянулась снова, моя семья – только я и мой ребенок» (перевод наш. – Я. З.).

Стратегия ретроспекции имеет выраженный переход от позднего временного плана к более раннему и прослеживается через плюсквамперфект. Время описания событий в тексте обеспечивается грамматическими формами глагола (пассив состояния: *war ... geworden*; плюсквамперфект: *hatte geheiratet*; претерит: *versorgte, machte, ging*), числовыми указателями возраста по возрастающей (37, 40, 47, 49, 50). Синтаксический повтор *kaum sah ich mich um* (претерит) ... *kaum hatte ich mich umgesehen* (плюсквамперфект) передает разницу во временном пространстве. Претерит используется для указания на прошедшие события или действия, не связанные с настоящим моментом, плюсквамперфект – для выражения предпрошедшего (случилось до/ранее какого-то другого действия) или давнопрошедшего времени.

Информация, предоставляемая нарратором, не зависит от чьего-либо суждения, она достоверна, актуальна и проверяема. Нарратор использует **стратегию ретроспекции**, которая реализована **тактикой рефлексивного воспоминания**. Нарратор констатирует факты из своей жизни, не давая им оценку. В нарративе наблюдается потребность нарратора в выделении самого себя как значимого действующего лица, что проявляется в использовании лексического и синтаксического повтора личного местоимения *ich* – *Ich war 37*

geworden, ich war 40 geworden. Перечисление возрастных данных (37, 40, 47, 49) и связанных с ними событий (замужество, юбилей, ребенок, работа) указывает на степень их важности в жизни нарратора.

Стратегия пересмотра представлена посредством **тактики сравнения**: нарратор размышляет над тем, что жизнь проходит быстро и не всегда складывается так, как было запланировано: *kam alles anders als gedacht* (союз *als* служит для сравнения действий). Нарратор истолковывает свой юбилей как особый жизненный рубеж, который предполагает, что человек уже может подводить некий жизненный итог. Модальное слово *kaum* – *едва, чуть, еле* выражает сомнение в возможности, допустимости чего-либо, кратковременность действия. Оттеночная частица *doch* (в данном случае: *ведь, же*) выражает усиление того, о чем сообщается ранее. Следующий пример демонстрирует противопоставление себя (*ich*) другим (*wir*) посредством личных местоимений: *ich feierte diesen Geburtstag, nicht wir.*

Нарратор оценивает и комментирует свое отношение к понятию возраста, который не скрывает от окружающих и в котором себя превосходно ощущает. Что касается фокализации нарратива, то она фиксированная. Грамматически и лексически в тексте пол нарратора не выражен и узнаваем только из контекста, сообщать о факте замужества и наличии ребенка будет скорее женщина, нежели мужчина. В русской лингвокультуре назвать свое вступление в брак замужеством может только женщина, то есть гендерная семантика выражается лексически, что прослеживается за счет тонкостей перевода.

Анализируя степень развернутости/сжатости нарратива, можно сделать вывод, что в данном примере есть: 1) форма речевой организации – монологическая, представленная логичным и связанным изложением мыслей, информативная, оценочная; 2) речевой объем – развернутый; 3) присутствует правильное лексико-грамматическое оформление; 4) использование повтора личного местоимения *ich* свидетельствует об эмоциональном состоянии повествователя.

Женщина называет свои возрастные параметры, касающиеся создания семьи и рождения ребенка. Создание семьи уже в зрелом возрасте объясняется социальными приоритетами, расставляемыми женщинами в Германии – сначала карьера, затем семья.

Эксплицитный нарратор использует **стратегию пересмотра**, размышляя о забвении прошлых обид, признании и принятии возникших сложностей, желании вернуть то, что еще осталось в рамках семейных отношений. Нарратор приходит к пониманию необходимости пересмотра поведения третьего лица ради самого себя, защищаясь от разрушения своего внутреннего эмоционального состояния. Любой исход событий, положительный или отрицательный, будет лучше, чем пребывание в неизвестности.

*„Ich ließ mich in Stephans Büro auf der Gästecouch nieder und starrte auf den langsam kreisenden Ventilator an der Decke. Die Gedanken in meinem Kopf rotierten ebenfalls. Warum kam Stephan **denn** nicht endlich? Ich **hatte** ihm so viel **zu sagen**. **Jetzt**, wo ich **demnächst** als Moderatorin Geld verdienen und unsere Gärtnerei mit einer Fernsehshow **versorgen würde**, da brauchten wir diese blöde Million **doch eigentlich gar nicht mehr**. Wir **konnten** die Brocken hinschmeißen und unsere Ehe retten. Und unsere Ehre, **oder** was davon noch übrig war. Es war allerhöchste Zeit. **Wenn** wir **nur wollten, konnten** wir den kläglichen Rest des Sommers **wieder wie normale Menschen verbringen**“ [Gier 2014: 311–312].*

«Я зашла в кабинет Штефана, уселась на старый гостевой диван и уставилась на медленно вращающийся вентилятор под потолком. Почему же Штефана до сих пор нет? Мне так много нужно было ему сказать. Теперь, когда у меня все так удачно сложилось с новым проектом на телевидении и я могла сама начать хорошо зарабатывать, мы уже не нуждались так остро в этом миллионе. Мы могли бы попытаться склеить черепки и спасти нашу семью. И нашу честь или хотя бы ее остатки. Это был самый подходящий момент. Если бы мы захотели, то могли бы провести остаток лета, как нормальные люди» (перевод Ю. Семина).

В данном примере наблюдаются несколько видов модальности, как показатель отношения ведущего повествование к объективной действительности. Нарратор является действующим лицом коммуникативного процесса и оценивает реальность события при помощи модальных глаголов: *Wir konnten die Brocken hinschmeißen und unsere Ehe retten. ..., konnten wir den kläglichen Rest des Sommers wieder wie normale Menschen verbringen.* Здесь посредством модального глагола *können* выражается возможность, вызванная объективными условиями (потенциальная модальность). Следующий пример содержит глагол *wollen*, выражающий волю или желание нарратора в прошлом (интенциональная модальность): *Wenn wir nur wollten,...* с оттеночной частицей *nur* (только, лишь), подчеркивающей необходимость приложения усилий для выполнения действия.

Сочетание глагола *haben* + *zu* + *инфинитив* относится к синтаксическим средствам выражения модальности, имеет значение долженствования, соответствует глаголам *sollen* или *müssen* + *инфинитив* и выражает модальные отношения между субъектом и действием (дебитивная модальность): *Ich hatte ihm so viel zu sagen.*

Конструкция *würde* + *инфинитив* является типичным примером для выражения нереального желания, условия или возможности (гипотетическая модальность): *Jetzt, wo ich demnächst als Moderatorin Geld verdienen und unsere Gärtnerei mit einer Fernsehshow versorgen würde.* Претерит конъюнктива демонстрирует будущее или настоящее время, что усиливается наречием *demnächst* (в скором времени, вскоре). Однако в переводе на русский язык в анализируемом предложении используется прошедшее время, и информация подается как свершившееся событие: *Теперь, когда у меня все так удачно сложилось с новым проектом ...*

Оттеночные частицы (*denn, doch, gar, nur*) и модальные слова (подведение итога, обобщение: *eigentlich – собственно, вообще; ebenfalls – точно также, аналогично*) выражают модальное и эмоциональное значение, служат для

оценки содержания синтаксического отношения со стороны рассказчика и оказывают влияние на все предложение в целом.

Наречие *wieder* (опять, снова, вновь) поясняет глагол, обозначающий признак действия: ... *konnten wir den kläglichen Rest des Sommers wieder wie normale Menschen verbringen*. Должно быть выполнено какое-то условие, чтобы действие было пересмотрено еще раз.

Союз *oder* (или, либо) в большинстве случаев выражает значение выбора между двумя возможностями, иногда взаимоисключающими: *Und unsere Ehre, oder was davon noch übrig war – И нашу честь или хотя бы ее остатки*. В данном случае союз *oder* используется с целью пояснения происходящего или дополнения недостающей информации.

Нарратор приходит к определенным выводам по поводу сложившейся непростой ситуации в семье и, как итог: *Wir konnten die Brocken hinschmeißen und unsere Ehe retten*, что говорит о наличии **тактики размышления**, реализующей **стратегию пересмотра**.

Мы наблюдаем нарратора, настроенного на диалог с третьим лицом: *Ich hatte ihm so viel zu sagen*. В анализируемом примере имеет место лексика, указывающая на процесс обдумывания: *die Gedanken rotieren im Kopf* – **мысли крутятся в голове**.

Во внутреннем монологе нарратор использует оценочную лексику: *blöd* – дурацкий, *kläglich* – жалкий, ничтожный (отрицательная оценка), *normal* – нормальный, обычный; *allerhöchst* – самый подходящий (положительная оценка).

Еще одним признаком тактики рассуждения можно считать придаточное предложение условия, выражающее предпосылку, необходимую для осуществления действия в главном предложении: *Wenn wir nur wollten, ... – Если бы мы захотели, ...*

Наличие риторического вопроса свидетельствует о неких вопросах, которые нарратор не может напрямую задать третьему лицу, и сам рассуждает о причинах случившегося: *Warum kam Stephan denn nicht endlich?*

Нарратор отождествляет себя и своего супруга с «нормальными людьми», у которых есть устоявшаяся норма поведения, и которые живут обычной, повседневной жизнью: *konnten wir den kläglichen Rest des Sommers wieder wie normale Menschen verbringen*. Попытка выявления нарратором в третьем лице важных и преимущественных свойств, свидетельствует о том, что *стратегия пересмотра* реализуется через *тактику сравнения*.

Нарратор стремится исправить испорченные ранее отношения и показывает свое желание простить обидчика. Выявить пол нарратора грамматически возможно по окончанию *-in* в названии профессии – *Moderatorin* (мовирование).

Временной формой стратегии пересмотра в данном случае выступает претерит, показывающий прошедшее действие или событие: *Ich ließ mich in Stephans Büro ... nieder*.

Стратегия пересмотра в предложенном примере демонстрирует отношения внутри семьи, отношения между супругами. Инициатором сохранения семьи выступает нарратор, предлагающий оставить все недопонимания и отказаться от финансовой поддержки извне ради сохранения семьи.

В следующем примере комплексную стратегию (*стратегии пересмотра и ретроспекции*) применяет имплицитный нарратор, рассуждающий об отношениях внутри семьи – родителей между собой и детей по отношению к матери. Нарратор выделяет члена семьи, по отношению к которому у него создаются противоречивые чувства. С одной стороны, этим близким человеком является мать, несмотря на все ее странности в поведении, с другой стороны – дети нуждаются в ней и надеются на то, что она пересмотрела свое отношение ко всем ним.

„Nach etwas mehr als zehn Minuten sah ich meinen Vater und meine Mutter oben am Waldrand, sie hatten sich eingehakt und gingen langsam, und fast schien es, als legte meine Mutter ihren Kopf an seine Schulter, aber vielleicht hielt sie ihn auch nur schief. Ich hatte das Gefühl, als wären wir jetzt zwar gerettet, aber wenn es

anders gekommen wäre, wäre es auch kein Untergang gewesen. Es war kein Glücksgefühl, keine Erleichterung, eher so eine Art Einmünden in einen vertrauten Hafen. Später am Abend saßen wir alle zusammen im Wohnzimmer, sogar Bella kam heim und setzte sich zu uns. Mutter war blaß und sanft wie jemand, der nach einer Krankheit zum erstenmal wieder aufsteht“ [Heidenreich 2005: 32–33].

«Спустя десять с чем-то минут я опять увидела отца и мать на опушке леса, они медленно шли под руку, и мне показалось, будто мать положила голову отцу на плечо, но, может быть, она ее просто криво держала. У меня было такое чувство, будто мы все были теперь спасены, но если бы случилось по-иному, тоже ничего страшного бы не произошло. Не было никакого ощущения счастья, никакого облегчения, скорее, что-то типа возвращения в привычную гавань. Позже, вечером мы сидели вместе в гостиной, даже Белла вернулась домой и села вместе с нами. Мать выглядела бледной и слабой, как человек, который после длительной болезни впервые встал с постели» (перевод В. Поздняк).

В примере используется плюсквамперфект конъюнктива, сохраняющего значение прошедшего времени и выражающего нереальную возможность или пожелание (гипотетическая модальность): *Ich hatte das Gefühl, als wären wir jetzt zwar gerettet, aber wenn es anders gekommen wäre, wäre es auch kein Untergang gewesen.* Нереальное сравнение содержится в придаточном предложении с союзами *als* (как будто) и *aber wenn* (но если бы), что свидетельствует о попытке нарратора переосмыслить события из своей жизни, что он и делает, используя *стратегию пересмотра*.

Наречие *wieder* (опять, снова, вновь) демонстрирует действие, происходящее ранее и в силу определенных событий повторяющееся, указывает на действие, выраженное смысловым глаголом: *wie jemand, der nach einer Krankheit zum erstenmal wieder aufsteht* – как человек, который после длительной болезни впервые встал с постели. Наречие в русском переводе отсутствует.

Наречие *anders* (иной, другой) обозначает какое-либо отличие от чего-либо: *aber wenn es anders gekommen wäre – но если бы случилось по-иному.*

Комплексная стратегия реализуется посредством **тактики сравнения**, которая имеет следующие индексы: нарратор метафорично сравнивает свой дом с гаванью – *eher so eine Art Einmünden in einen vertrauten Hafen*. Наречие *eher* в значении «скорее», «вероятней» используется как сопоставительное слово в предложении со сравнительным оборотом. Противительный союз *aber* выражает противопоставление: *aber wenn es anders gekommen wäre, ...* Еще один пример сравнения как выражения того, что кто-то обладает каким-либо качеством в одинаковой мере с кем-то: *wie jemand, der ...*

В нарративном блоке действие выражено плюсквамперфектом: *sie hatten sich eingehakt* и претеритом: *Später am Abend saßen wir ..., sogar Bella kam heim und setzte sich zu uns*, – что указывает на применение нарратором **стратегии ретроспекции**.

Временное расстояние между событиями передается через наречия времени: *jetzt (меперь, сейчас) als wären wir jetzt zwar gerettet – будто мы все были меперь спасены; später am Abend saßen wir alle zusammen – Позже, вечером мы сидели вместе.*

Модальное слово *vielleicht* – «возможно, может быть» является признаком **тактики размышления** и реализует модальность предположения (гипотетическая модальность). Перечисление также можно отнести к **тактике размышления**: *Es war kein Glücksgefühl, keine Erleichterung.*

Нарратив демонстрирует внешнюю фокализацию, направленную на третье лицо – мать. Выявить пол нарратора ни грамматически, ни лексически не представляется возможным.

Нарратив представлен в форме внутреннего связанного и логичного монолога и отличается следующими формами выражения времени: претерит – *Nach etwas mehr als zehn Minuten sah ich meinen Vater und meine Mutter*; плюсквамперфект – *sie hatten sich eingehakt*; плюсквамперфект конъюнктив – *wäre es auch kein Untergang gewesen.*

Прагматическое воздействие стратегии пересмотра заключается в способности одних людей сострадать другим людям, мотивацией для которых становится помощь другому человеку с целью преодоления сложных жизненных моментов, а также прогнозирование того, что поведение взрослых в подобных ситуациях является моделью будущего поведения детей.

Таким образом, нами были выявлены следующие нарративные стратегии, показывающие отношения персонажа/нарратора (Я – Я₁) и коллективного адресата/читателя (Я – ТЫ): *стратегия самопрезентации* (тактики: *размышления, противопоставления*), *интроспекции* (тактики: *размышления*), *ретроспекции* (тактики: *рефлексирующего воспоминания, противопоставления, размышления*), *пересмотра* (тактики: *сравнения размышления*).

В ходе исследования нами обнаружены также комплексные стратегии, включающие по две разноплановые стратегии: *стратегии самопрезентации и ретроспекции, стратегии интроспекции и ретроспекции, стратегии ретроспекции и пересмотра*.

2.1.2. Нарративные стратегии, направленные на отношение персонажа/нарратора к другим персонажам (Я – ОН)

Отношения между нарратором и окружающими его героями репрезентируются в *стратегиях эмпатии и дистанцирования*, характеризующих действующих лиц в нарративе с положительной и отрицательной стороны, что может служить показателем двух разных человеческих сущностей.

Эксплицитный нарратор сопереживает текущему эмоциональному состоянию третьего лица – подруге. Личное доверие, признаками которого являются откровенность и готовность делиться секретной, интимной информацией, свидетельствует об использовании нарратором *стратегий эмпатии и ретроспекции* (комплексная стратегия). В анализируемом примере в качестве лица, которому можно доверять, выступает подруга нарратора.

„Irma war meine erste richtige Freundin. Irma **war** aus Tübingen in unsere Stadt **gekommen** und in meiner Klasse **gelandet**, bei diesen dummen reichen Mädchen und den häßlichen alten Lehrerinnen, die uns mit Linealen auf die Arme schlugen und von ihren Verlobten träumten, die allesamt im Krieg **gefallen waren**. Irma setzte sich neben mich, und wir verstanden uns vom ersten Tag an. Wir konnten über alles miteinander reden, über das Leben und die Liebe, über Gedichte und Katzen, über die Schule und das Alterwerden und warum man einen Busen haben mußte und über die Träume, die wir für unser Leben hatten“ [Heidenreich 2005: 13].

«Ирма была моя первая настоящая подруга. Ирма переехала в наш город из Тюбингена и попала в мой класс, к этим глупым богатым девочкам и отвратительным старым учительницам, которые били нас линейкой по рукам и мечтали о своих женихах, которые все как один погибли на войне. Ирма села рядом со мной, и мы с первого взгляда поняли друг друга. Мы могли говорить друг с другом обо всем на свете: о жизни и о любви, о стихах и кошках, о школе и старости, и почему нужно хотеть, чтобы выросла грудь, и о мечтах, которые мы связывали с нашей будущей жизнью» (перевод В. Поздняк).

В *стратегии эмпатии* прослеживается направленность Я – ОН и демонстрируется потребность девочки-подростка (Я) в ровеснике-собеседнике (ОН), разделяющем ее интересы. Эмпатия выражается в использовании прилагательных с семантикой положительной оценки: *meine erste richtige Freundin* – моя первая настоящая подруга; глаголах, указывающих на возможные совместные действия: *über alles mit einander reden* (*über alles* – гиперболизация); в переводе на русский язык – *говорить друг с другом обо всем на свете* (*обо всем на свете* – гиперболизация). Статальный глагол демонстрирует способность человека рассуждать, время начала действия конкретизируется выражением *vom ersten Tag an* (*с первого дня*): *wir verstanden uns vom ersten Tag an* – мы с первого взгляда поняли друг друга, в русском языке время действия сокращено до «с первого взгляда».

Нарратив содержит следующие формы выражения времени: претерит – *die uns mit Linealen auf die Arme schlugen*; плюсквамперфект: *Irma war aus Tübingen*

in unsere Stadt gekommen und in meiner Klasse gelandet, ... die allesamt im Krieg gefallen waren – что говорит об использовании нарратором в анализируемом примере еще одной стратегии – *стратегии ретроспекции*.

В анализируемом примере нарратив является внутренним монологом со связанной и логично изложенной формой организации, что свидетельствует о реализации *стратегии ретроспекции тактикой размышления*.

Стратегия эмпатии реализована посредством *тактики размышления* – в нарративе присутствует лексика, относящаяся к отрицательной оценке умственной деятельности (*dumm – глупый*), положительной оценке внутренней характеристики человека (*richtig – настоящий*), внешним характеристикам человека (*häßlich – уродливый, отвратительный*). На тактику рассуждения также указывают перечисления в виде абстрактных (*Leben, Liebe*) и конкретных (*Gedichte, Katzen, Schule*) существительных и предлога *über* с сочинительным союзом *und*, демонстрирующих синтаксический повтор: *über ... und ...*.

В данном примере *стратегия эмпатии* осуществляется *тактикой отождествления* – нарратор указывает на действия и эмоции, направленные на выстраивание доверительных отношений между девочками-подростками: сидят за одной партой в школе (*Irma setzte sich neben mich*), впечатление от первого знакомства (*wir verstanden uns vom ersten Tag an*), возможность говорить о многих вещах (*Wir konnten über alles miteinander reden*). Так, местоимение «*wir – мы*» демонстрирует множество, к которому нарратор относит себя вместе с другими. Притяжательное местоимение показывает, кому принадлежит предмет, в данном случае, нарратору и еще кому-то: «*unser – наш, наше*» *in unsere Stadt – в нашем городе, wir für unser Leben – для нашей жизни*.

Проблема, затрагиваемая в нарративе, касается вопроса доверительных отношений в подростковом возрасте – периоде кризиса ребенка, когда важно не столько мнение взрослого человека, сколько мнение ровесника. Девочки-подростки жили в собственном мире, проявляли интерес к одним вещам, поддерживали друг друга, противопоставляли себя другим.

В следующем примере имплицитный нарратор использует *стратегию эмпатии*; нарратор нуждается в заботе, понимании, чувстве защищенности, что и нашло отражение в отношениях дочери (нарратора) и отца, который вызывает только теплые чувства, он – связующее звено между детьми и матерью. Пол нарратора ни грамматически, ни лексически не прослеживается, понимается только из общего контекста литературного произведения.

*„Niemand **mußte** hungern zu Hause, es gab reichlich, **aber**, wie gesagt, es schmeckte alles nicht. Sonntags kochte manchmal unser Vater, **dann** sah die Sache schon ganz anders aus. Er machte zwar eine Riesensauerei in der Küche, spritzte alles voll Fett und brachte es fertig, sämtliche Töpfe für einen einfachen Eintopf zu benutzen, weil er alles extra andünstete und anbriet und vor- und nachkochte und was weiß ich, aber es schmeckte, und es war so scharf gewürzt, daß sogar **wir Kinder** Bier zum Essen trinken **durften**, anders kriegte man das gar nicht runter, und meine Mutter jammerte und sagte: «Paul, das war das letzte Mal, daß ich dich in meine Küche gelassen habe, **wenn ich so wirtschaften würde wie du, kämen wir ins Armenhaus**»“ [Heidenreich 2005: 23].*

«Умереть дома с голоду было невозможно: всего вдосталь, но, как уже говорилось, абсолютно невкусно приготовлено. По воскресеньям иногда готовил отец, это было совсем другое дело. Он устраивал в кухне грандиозное свинство: брызгал во все стороны жиром и умудрялся использовать все кастрюли для приготовления одного-единственного блюда, потому что он все отдельно тушил, и жарил, и парил, и доваривал, и не знаю, что еще делал, но получалось вкусно, хотя он чересчур увлекался специями, так что даже нам, детям, приходилось запивать еду пивом, иначе ничего не удавалось проглотить, а моя мать сокрушалась и говорила: “Пауль, это было в последний раз, когда я допустила тебя в свою кухню, если я буду хозяйничать, как ты, мы попадем в приют для бедных”» (перевод В. Поздняк).

Тактика отождествления, представляющая стратегию эмпатии, заключается в признании каких-либо явлений, идей или объектов тождественными. Нарратор рассказывает о своем отце и его кулинарных

талантах в юмористической форме – *Er machte zwar eine Riesensauerei in der Küche (eine Riesensauerei machen – устраивать грандиозное свинство)*. Разговорное выражение *eine Riesensauerei machen* характеризует его как человека, не умеющего что-то делать аккуратно. Личное местоимение «*wir – мы*» обобщает действующих лиц: *wir Kinder – мы дети*.

Тактика размышления прослеживается в повторе сочинительного союза *und*: *er alles extra andünstete und anbriet und vor- und nachkochte und was weiß ich*; перечислении глаголов, обозначающих технологию приготовления пищи (глаголы действия: *andünsten, anbraten, vorkochen, nachkochen*), которые демонстрируют последовательность действий и логику.

Нарратив представлен в монологической форме, здесь также имеет место и прямая речь, выражающая отношение третьего лица к происходящему. В нашем случае мать – еще один человек, оценивающий ситуацию – *wenn ich so wirtschaften würde wie du, kämen wir ins Armenhaus*. Мать сравнивает свое умение готовить с умением мужа, предупреждает, что он делает это в последний раз (*das letzte Mal*), хотя все понимают, что так не будет – *Sonntags kochte manchmal unser Vater* (наречие *sonntags* – по воскресеньям указывает на регулярность действия). Использование конъюнктива служит для выражения нереального условия – семье не грозит оказаться в приюте для бедных (*ins Armenhaus kommen*), а то, что готовит мать, есть невозможно – *es schmeckte alles nicht*. Здесь наблюдаются причинно-следственные отношения для понимания и предсказания событий и лексика, относящаяся к сфере эмоций.

Вводная конструкция *wie gesagt* ('как уже сказано') свидетельствует о связи мыслей и последовательности изложения. Придаточное причины с союзом *dass* указывает на действия или факты, необходимые для понимания значения главного предложения – *es war so scharf gewürzt, daß sogar wir Kinder Bier zum Essen trinken durften*. Наречие *anders* ('иначе, по-другому') противопоставляет предшествующую информацию имеющийся.

Прагматическое воздействие на читателя заключается в намерении нарратора показать влияние семейных отношений на воспитание детей,

которые требуют постоянного внимания, заботы и остро реагируют на разногласия между родителями.

Проанализируем *стратегии дистанцирования* и *ретроспекции*, используемые героиней, выросшей в проблемной семье с неласковой матерью и равнодушным отцом.

„Ich wäre damals meine Mutter sehr gern irgendwie losgeworden. Sie hatte immer schlechte Laune und so eine Art, mir mit nassem Spuckefinger Flecken im Gesicht wegzuwischen, mir beim Waschen zuzusehen und mit mir in einer Sprache zu reden, als wäre ich der Hofhund: «Los, hopp, jetzt aber, ab in dein Zimmer, ich will nichts mehr hören, noch ein Wort, Sonja, und es knallt.» Wenn mich damals jemand fragte: «Was willst du denn mal werden, Sonja?», antwortete ich meist: «Waisenkind», und wirklich war das mein größter Wunsch. Ich las alle Bücher, die vom Schicksal der Waisenkinder handelten und beneidete Waisenkinder glühend. Natürlich gab es da zunächst durchweinte Nächte und Qualen des Herzens, aber ich stellte doch rasch fest, daß es später im Leben kaum jemandem so gut ging wie gerade diesen als Kind so unglücklichen Waisen“ [Heidenreich 2005: 7].

«В то время я бы с удовольствием отделалась от своей матери. У нее всегда было плохое настроение и манера мокрым наклюявленным пальцем вытирать пятнышки на моем лице, разглядывать меня, когда я мылась, и разговаривать со мной так, как будто я дворовая собака: «Брысь, немедленно в свою комнату, не хочу ничего слушать, еще одно слово, Соня, и я тебе задам». Если бы меня тогда кто-нибудь спросил: «Кем бы ты хотела стать, Соня?» – я бы ответила: «Сиротой», – и действительно это было мое самое большое желание. Я прочитала все книги, где речь шла о судьбах сирот, и отчаянно завидовала им. Конечно, и тут не обходилось без ночных слез и сердечных мук, но я быстро пришла к выводу, что в дальнейшем едва ли кому больше везло в жизни, чем этим несчастным в детские годы сироткам» [перевод В. Поздняк].

Пол нарратора в тексте грамматически не выражен и узнаваем в тексте по женскому имени собственному: *noch ein Wort, Sonja, und es knallt*, что говорит об эксплицитном нарраторе.

Нарратив показан с нескольких позиций. На первое место выступает нарратив девочки-ребенка (Я) (акториальный нарратор), которая конфликтует с третьим лицом – матерью (ОН); неопределенное лицо, выраженное неопределенным местоимением *jemand* (ОН) (*кто-то, кто-нибудь*), кто мог бы потенциально задать вопрос нарратору: *Wenn mich damals jemand fragte – Если бы меня тогда кто-нибудь спросил.*

Глагол действия *loswerden* – «освободиться, отделаться, избавиться» демонстрирует внутреннее стремление нарратора иметь некую дистанцию по отношению к третьему лицу: *Ich wäre damals meine Mutter sehr gern irgendwie losgeworden – В то время я бы с удовольствием отделалась от своей матери.* Выражение *sehr gern* (с удовольствием) указывает на степень желания нарратора выйти из-под контроля матери. Нереальное желание в немецком языке показано через плюсквамперфект конъюнктив – *wäre ... loswerden*, в русском – будущее время и частица «бы»: *я бы ... отделалась.*

На стратегию дистанцирования указывает разговорная лексика с отрицательной окраской: *Los, horr – Пошел! Брысь!*; критика третьего лица и выражение несогласия с его действиями.

Тактика несогласия демонстрирует, что нарратор отказывается понимать мать и упрекает ее в недолжном отношении к ребенку, что проявляется в следующем оскорбительном сравнении: *als wäre ich der Hofhund – как будто я дворовая собака.*

В нарративе наблюдается частое использование существительного *das Waisenkind* – сирота, которое нарратор примеряет по отношению к себе – отказаться от семьи и остаться сиротой (*beneidete Waisenkinder glühend – отчаянно завидовать сиротам*), что также подчеркивает желание нарратора отдалиться от семьи.

Тактика обвинения показывает, как реализуется *стратегия дистанцирования* – в данном примере наблюдается захват инициативы третьим лицом – матерью (*und mit mir in einer Sprache zu reden, als wäre ich der Hofhund*) и подавление желаний ребенка (*will nichts mehr hören*). В качестве демонстрации поведения матери нарратор вводит прямую речь от лица раздраженной матери (*Los, hopp, jetzt aber, ab in dein Zimmer, ...*), угрожающей расправой, заставляющей ребенка замолчать (*noch ein Wort, Sonja, und es knallt*).

Стратегия дистанцирования представлена **тактикой критики**: девочка-ребенок не находит в матери поддержки и доверительных отношений: *immer schlechte Laune* – всегда плохое настроение. Наречие *immer* – всегда, постоянно подчеркивает неоднократность и продолжительность действия.

В нарративе противопоставляется позиция сильного по отношению к слабому, который, как следствие, отвергает присутствие властного человека в своей жизни.

Время действия в нарративе показано посредством грамматических форм глаголов (*Sie hatte ..., jemand fragte ..., ich las... usw.*), наречий времени (*damals* – тогда, в то время, на тот момент, *jetzt* – сейчас), наречий последовательности действий (*zunächst* – сначала, прежде всего, *später* – позже). В переводе на русский язык используются лексические средства *в то время, тогда, в дальнейшем, в детские годы, что, в общем, дает основание утверждать, что* нарратор использует **стратегию ретроспекции**.

Стратегия ретроспекции реализуется через **тактику интерпретации**: нарратор сопоставляет свою жизнь и жизнь выдуманных книжных героинь. Исходя из полученной информации, нарратор приходит к выводу, что сиротам в жизни везет больше (сказка о Золушке). Идею о счастливой жизни сирот нарратор черпает из книг (*Ich las alle Bücher, die vom Schicksal der Waisenkinder ...*), которые заставляют его испытывать сильные чувства – *durchweinte Nächte und Qualen des Herzens* (словосочетание ‘сердечные муки’ в переносном значении выражает душевные чувства, настроения и переживания человека).

В нарративе имеет место языковая единица, указывающая на женский пол – *die Mutter*. Существительное *die Mutter* появилось в древневерхненемецком языке в VIII веке и использовалось в значении ‘родившая женщина, родитель женского пола’ [Kluge 2011: 494–495]. Слово имеет суффикс *-ter*, который служит обозначением родства [DWDS], относится к женскому роду по биологическому полу и называет женщину: 1) родившую одного ребенка или более; 2) воспитывающую одного ребенка или более в роли матери; 3) в некоторых случаях представительницу женского монашеского ордена, титул настоятельницы монастыря [Duden].

Говоря о степени развернутости или сжатости нарративной структуры, можно отметить, что в анализируемом нарративе форма речевой организации – монологическая с элементами внутреннего диалога и прямой речи третьего лица (матери). Вид монолога – повествование (логичное и связанное изложение мыслей), вид коммуникативной функции – оценочная. Речевой объем нарратива – развернутый (нет сокращений, отсутствуют эллиптические предложения), наблюдается правильное лексико-грамматическое оформление.

Как указывалось выше, коммуникативный фактор в предложении определяется порядком слов, за счет которого устанавливается главная познавательная задача. Реализация смысла предложения в немецком языке осуществляется за счет четкого установления порядка слов, который может служить средством оформления определенной грамматической категории и, соответственно, обеспечивать смысловую связь между соседними высказываниями, частями высказываний и указывать на эмоциональный характер высказывания.

В анализируемом примере наблюдается прямой порядок слов, что говорит о попытке нарратора быть объективным (наличие знаний об объекте). В конструкциях с прямой речью авторские слова занимают препозицию и являются продолжением авторской мысли. Эмоциональная составляющая нарратива автора прослеживается в использовании сослагательного наклонения для выражения невыполняемого желания, возможности, нереального условия:

Ich wäre ... losgeworden, ... wäre ich der Hofhund (сравнение с дворовой собакой).

Коммуникативная составляющая нарратива проявляется в использовании лексических повторов, способствующих эмоциональному напряжению повествования: *ich wäre damals ... wenn mich damals ..., antwortete ich meist: «Waisenkind», ... die vom Schicksal der Waisenkinder ... beneidete Waisenkinder glühend; noch ein Wort, Sonja ... Sonja.*

Прагматическое воздействие на читателя осуществляется в оценке поведения родителей по отношению к ребенку, который, вероятно, запомнит чувство неприязни к нему на всю последующую жизнь.

Эксплицитный нарратор, рассуждающий о близком человеке, вероятно, о супруге, использует *стратегии дистанцирования и ретроспекции*. Антипатия нарратора к третьему лицу проявляется в оценивании его действий, которых от него не ожидали и последствия которых ставятся ему в вину.

„Ich hatte den ganzen Tag hämmernde Kopfschmerzen. Mein Gespräch mit Stephan vom Morgen ging mir nicht mehr aus dem Kopf. Dass er versucht hatte, mir an allem die Schuld zu geben, fand ich ungeheuer feige. Sicher, die Gärtnerei war mein Lebenstraum gewesen, das war richtig, aber er hatte mich glauben lassen, dass er diesen Traum mit mir teilte.

Dass er unsere Zeit hier als verschwendet betrachtete, kränkte mich sehr. Im Laufe der Zeit waren immer mehr Kunden gekommen, und immer weniger hatten nach den billigen Begonien verlangt, ganz genau, wie ich es mir erhofft hatte. Wir waren auf dem richtigen Weg.

Aber das Wort «wir» schien mir jetzt nicht mehr angebracht zu sein. Stephan wollte etwas ganz anderes vom Leben als ich, und was er wollte, erschien mir unendlich oberflächlich: Luxusauto, Luxusreisen, Luxusklamotten“ [Gier 2014: 355].

«Целый день меня мучили приступы мигрени. Разговор со Штефаном никак не шел из головы. То, что он попытался сделать меня виноватой, было довольно подло с его стороны. То, что питомник был моей мечтой и я была

инициатором ее воплощения в жизнь, правда. Но Штефан обещал разделить со мной всю ответственность.

Было очень больно от того, что время, проведенное нами здесь, он рассматривал как потерянное. **Со временем** к нам приходило все больше клиентов и все меньшее количество из них разменивалось на дешевые бегонии, а обращало внимание на более серьезные растения. Мы были на правильном пути.

Вот только слово «мы», **по-моему**, уже не годилось. Штефан хотел от жизни чего-то иного. Но то, чего хотел он, казалось мне бесконечно далеким: шикарный автомобиль, роскошные путешествия, дорогие тряпки» (перевод Ю. Семина).

Стратегия дистанцирования реализуется за счет противопоставления нарратором своих желаний и действий (Я) желаниям и действиям других (ОН): ... *wollte etwas ganz anderes vom Leben als ich, und was er wollte*, оценки происходящего как «правильно – неправильно»: *erschien mir unendlich oberflächlich* – казалось мне бесконечно далеким.

Противопоставление также выражает союз *aber*: *Aber das Wort «wir» schien mir ...*

Нарратор разочарован в некогда близком ему человеке, что прослеживается в **тактике обвинения**. В нарративе присутствуют выражения, передающие чувство неудовлетворенности и осуждения поступков героя: *Dass er versucht hatte, mir an allem die Schuld zu geben* (устойчивое выражение: *j-m die Schuld geben* – винить кого-то). Использование глагола *lassen* демонстрирует упрек нарратора (*j-n etw. glauben lassen* – заставлять думать, навязывать мысль, заверять) и обиду – *er unsere Zeit hier als verschwendet betrachtete* (устойчивое выражение: *Zeit verschwenden* – тратить время зря). Все вышеуказанные обстоятельства приводят к эмоциональному истощению нарратора: *fand ich ungeheuer feige* (гиперболизированная экспрессия: *ungeheuer feige* – чудовищное предательство; *unendlich oberflächlich* – бесконечно далекий), *kränkte mich sehr* (*kränken* – обидеть, оскорбить).

Стратегия дистанцирования представлена **тактикой несогласия**: нарратор сопоставляет свои профессиональные амбиции – мечту о собственном деле – с желаниями героя, которые считает мелкими. По его мнению, хорошо – *mein Lebenstraum* (моя мечта всей жизни) – *die Gärtnerei* (менлица); *die Begonien* (бегонии) – *immer mehr Kunden* (все больше клиентов), плохо – *Stephan wollte etwas ganz anderes vom Leben als ich* (сравнение своих желаний с желаниями третьего лица), желания третьего лица – *Luxusauto* – шикарный автомобиль, *Luxusreisen* – роскошные путешествия, *Luxusklamotten* – дорогие тряпки.

В анализируемом примере также наблюдается **стратегия ретроспекции**, реализующаяся за счет использования плюсквамперфекта, претерита и языковых единиц, указывающих на время и продолжительность действия (*den ganzen Tag* – целый день, *vom Morgen* – с утра, *im Laufe der Zeit* – со временем).

Тактика размышления прослеживается через вводные слова, употребляемые нарратором: *sicher* – безусловно, *ganz genau* – правда, точно; в переводе на русский язык – «по-моему», что подчеркивает повествующее «я».

Антипатия к представляемому лицу заключается в противопоставлении того, что от него ожидалось, тому, что в конечном итоге произошло, и разных взглядов на материальные и духовные приоритеты, задающие цели в жизни человека и определяющие пути их достижения.

Еще один пример **стратегий дистанцирования** и **ретроспекции** демонстрирует чувство неприязни эксплицитного нарратора по отношению к представляемому персонажу, которое обусловлено отсутствием у третьего лица желания работать и поддерживать чистоту и порядок, что стало причиной его перехода из статуса жениха в статус бывшего жениха.

„Ulrich war mein **Exfreund**, der, wegen dem ich **unter anderem** das *Milchkännchen* von Oma Thaler an die Badezimmertür **gepfeffert hatte**. Ulrich schaffte es immer, mich auf die Palme zu bringen, schon durch seine ganz spezielle Art, einfach nichts zu tun. **Während** unserer **dreijährigen** Beziehung hatte Ulrich eigentlich immer nur herumgelegen, auf dem Teppich, auf dem Sofa, in der

Badewanne, im Bett. Und alles, was Ulrich gehörte oder was er benutzte, lag ebenfalls herum“ [Gier 2007: 32–33].

«Ульрих – мой **бывший жених**, из-за которого я, в числе прочего, расколошматила о дверь ванной молочник бабушки Талер. Ульриху всегда удавалось привести меня в бешенство присущим ему одному особенным способом, который состоял в том, чтобы ничего не делать. **На протяжении нашего трехлетнего романа** Ульрих только и делал, что лежал: на ковре, на диване, в ванне, в кровати. Все, что принадлежало Ульриху или чем он пользовался, тоже лежало где попало» (перевод М. Наумовой).

Номинация *der Exfreund* с приставкой *ex-* показывает отдаление и используется в значении «бывший», в переводе на русский язык – «бывший жених».

Стратегия дистанцирования транслируется через **тактику обвинения**: гиперболизированная экспрессия свидетельствует об эмоциональном состоянии нарратора, гнев (идиома: *auf die Palme bringen* – доводить до белого коленья). Следствием сложившейся ситуации (иронично: *einfach nichts zu tun* – просто ничего не делать) являются действия нарратора (разговорная лексика: *pfeffern* – швырять, в переводе на русский язык «расколошматить»).

Плюсквамперфект (*gepfeffert hatte*), претерит (*gehörte*) и лексические средства (*Während unserer dreijährigen Beziehung* – **На протяжении нашего трехлетнего романа**) указывают на **стратегию ретроспекции**, которая реализуется **тактикой размышления** с использованием перечисления (*auf dem Teppich, auf dem Sofa, in der Badewanne, im Bett*), вводной конструкции *unter anderem* – «в числе прочего».

Антипатия нарратора основана на разочаровании, отсутствии взаимопонимания и общих интересов, обиде, нежелании подстраиваться под правила другого человека и отражена в гиперболизированной экспрессии, иронии, лексике, относящейся к эмоциональной сфере человека.

Отношения персонажа/нарратора с другими персонажами (Я – ОН) находят отражение в стратегиях эмпатии (тактики: *размышления*,

отождествления), дистанцирования (тактики: *обвинения, критики, несогласия, интерпретации*). Стратегии эмпатии и дистанцирования демонстрируют разнополярность отношений нарратора к третьему лицу (лицам), его чувства и восприятие других зависят от их поступков, моральных качеств и ожиданий самого нарратора. В ходе исследования выявлены также комплексные стратегии: *стратегии эмпатии и ретроспекции, стратегии дистанцирования и ретроспекции*.

2.1.3. Нарративные стратегии, направленные на отношение автора/нарратора к коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ)

К данным стратегиям можно, прежде всего, отнести стратегию саспенса, направленную на создание напряжения и читательского ожидания.

Стратегия саспенса используется имплицитным нарратором, пытающимся понять причину пристального внимания третьего лица к незначительной проблеме. В данном случае заинтригованы как нарратор, который задается вопросом странного поведения героя – чем больше внимания к проблеме, тем это подозрительно для окружающих, так и сам герой, который всеми средствами доказывает, что об этом ничего не знает и старается вызвать к себе чувство жалости. Читатель также проявляет интерес к вопросам, что случилось на самом деле.

*„Stephan meinte, bei mir **wäre** das aber etwas ganz anderes, weil ich schließlich auch ständig irgendwo gegen rannte. Sein blauer Fleck hingegen sei entstanden, ohne dass er sich irgendwo **gestoßen habe**, und das sei bedenklich. Mehr als bedenklich. Stephan fasste sich an die Kehle. Die fühle sich schon seit einiger Zeit so zugeschnürt an, erläuterte er mir mit Grabesstimme. Irgendwas stimme mit seinen Drüsen nicht. Und der blaue Fleck, der einfach so aus dem Nichts aufgetaucht war, sei ein Zeichen für eine gravierende Fehlfunktion im Körper. **Der Anfang vom Ende sozusagen**. Glücklicherweise sagte der Arzt, dem er am nächsten Morgen seinen blauen Fleck präsentierte, **die einzige Fehlfunktion in Stephans Körper beträfe sein***

Erinnerungsvermögen, da er sich nun mal nicht mehr erinnern könne, wann und wie er sich den blauen Fleck zugezogen hatte. Aber anstatt erleichtert zu sein, dem Tod noch mal von der Schippe gesprungen zu sein, machte sich Stephan nun Gedanken darüber, dass er Alzheimer haben könne.

Also frage ich Sie: Wer von beiden war hier bekloppt, er oder ich?» [Gier 2014: 79–80].

«Штефан полагает, что со мной все обстоит совсем по-другому, потому что я постоянно где-то обо что-то ударяюсь. У него же синяк вскочил без видимой на то причины. И этот факт его очень озадачил. Более чем. Штефан изрядно испугался. После беседы с синяком в ванной он сообщил мне гробовым голосом, что у него что-то определенно не так с сосудами. Если на теле из ниоткуда возникает синяк, то это знак серьезного сбоя в организме. Так сказать, начало конца. К счастью, врач, к которому Штефан обратился на следующий день, сообщил ему, что если в его организме и появился какой-то сбой, то это сбой памяти. Потому что Штефану ну никак не удастся вспомнить, где и когда он получил свой злополучный синяк. Однако вместо того, чтобы с облегчением вздохнуть и отбросить мысли о скорой кончине подалее, Штефан теперь озабочен, а не посетила ли его болезнь Альцгеймера. Вот я и спрашиваю вас: кто из нас двоих более сумасшедший, мой муж или я?» [перевод Ю. Семина].

*Стратегия саспенса строится на передаче нарратором мнения третьего лица, для чего грамматически используется презенс (*und das sei bedenklich*), претерит (*die einzige Fehlfunktion in Stephans Körper beträfe ...*), перфект (*dass er sich irgendwo gestoßen habe*), плюсквамперфект конъюнктив (*wie er sich den blauen Fleck zugezogen hatte*) в косвенной речи. Нарратор передает речь третьего лица, что не может служить гарантией правильного понимания происходящего.*

Индексом саспенса может служить также аллюзия как намек на исторические события, общеизвестные факты, литературные произведения и т. п., что само по себе не раскрывает полного смысла высказывания и,

соответственно, является своего рода загадкой. Так, в нарративе наблюдается аллюзия на выражение, ставшее популярным в наполеоновскую эпоху, когда стал очевиден ее закат – *Der Anfang vom Ende* (‘начало конца’).

Союз *oder* (или, либо) выражает выбор (альтернативу) между двумя возможностями, иногда взаимоисключающими друг друга: *Wer von beiden war hier bekloppt, er oder ich?* – Кто из нас двоих более сумасшедший, мой муж или я?

Стратегия *suspense* осуществляется **тактикой интерпретации**: нарратор с тонким чувством юмора рассуждает о фобии мужчин перед коварным недугом – синяком, появившимся без видимых причин – *Sein blauer Fleck hingegen sei entstanden*. Нарратор показывает степень возрастания страха – наличие синяка заставляет мужчину задуматься, о чем он сам говорит (выражается в употреблении конъюнктива в косвенной речи – *das sei bedenklich*).

Следующий этап нагнетания страха показан через степень сравнения прилагательных с употреблением союза *als* и наречия *viel* в сравнительной степени (*viel – mehr*), т. е. герой больше, чем задумался (*mehr als bedenklich*). Чувство страха прослеживается в речи героя: во фразеологизме *sich an die Kehle fassen* (‘испугаться’, дословно – ‘схватиться за горло’) персонаж показан человеком с высоким уровнем тревожности. Обращение к доктору стало для третьего лица своего рода преодолением себя и собственных страхов: *der Arzt, dem er am nächsten Morgen seinen blauen Fleck präsentierte*. Использование глагола *präsentieren* (‘предъявлять, представлять, презентовать’) по отношению к травме (*der blaue Fleck – синяк*) демонстрирует ироническое отношение нарратора к проблеме героя.

Тактика размышления демонстрирует реализацию *стратегии suspense*: нарратор пытается разобраться в проявлении третьим лицом слишком пристального внимания к здоровью: *Irgendwas stimme mit seinen Drüsen nicht* (проблемы с сосудами), *ein Zeichen für eine gravierende Fehlfunktion im Körper* (серьезный сбой в организме), *er Alzheimer haben könne* (вероятно развивается

болезнь Альцгеймера). Нарратор анализирует действия персонажа и задается риторическим вопросом, кто из них более сумасшедший: *Wer von beiden war hier bekloppt, er oder ich?* Процесс размышления, восстановления в памяти чего-либо прослеживается через использование следующих слов и выражений: *bedenklich sein* ('быть задумчивым, обеспокоенным'), *sich Gedanken machen über Akk.* ('задуматься над чем-то, беспокоиться'), *sich erinnern* ('вспоминать'). Желание нарратора вступить в диалог с другим персонажем (не мужем) отражается в следующей фразе: *Also frage ich Sie – Vom я и спрашиваю вас.*

Вводное слово *sozusagen* ('так сказать, можно сказать') употребляется при желании нарратора смягчить резкость, подчеркнуть значение произносимого или показать неуверенность говорящего, подыскивающего подходящее выражение.

Пол нарратора в тексте грамматически и лексически не прослеживается, и его понимание возможно только через общее содержание литературного произведения.

Происходящие события показывают умение третьего лица манипулировать и переключать внимание с одной проблемы на другую так, чтобы это вызвало у нарратора скорее недоумение, чем обозначило истинную причину такого поведения.

В анализируемом нарративе мы наблюдаем большое количество примеров с использованием косвенной речи. Нарратор сохраняет эмоциональную окраску, лексические и синтаксические особенности высказывания третьего лица и соединяет со своей речью, чтобы показать своего героя изнутри, дать услышать его внутренний голос.

Нарратор анализирует несколько нетипичное поведение хорошо знакомого человека, пытающегося за своим чрезмерным вниманием к совершенно обычным вещам скрыть то, что нежелательно знать другим. Как следствие, это вызывает недоумение у нарратора и может привести к нежелательным результатам.

В следующем примере имплицитный нарратор, размышляющий о мире моды, которая не оставляет практически ни одну женщину равнодушной, использует *стратегию саспенса*. Мир моды – это всегда интрига, как и выглядеть модно – интрига того, будет ли образ принят обществом или вызовет споры.

„Nie werde ich begreifen, warum wunderschöne Frauen, die in wunderschönen Filmen wunderschöne Kleider tragen, im Privatleben in geradezu absurd grausigen Klamotten rumlaufen. Nie sieht man Scheußlicheres als auf den roten Teppichen, Plunder, Plüschgewitter, Schleifen, Schnörkel, die ganze Geschmacklosigkeit oder Armseligkeit von Frauen, die in ihren Filmen, in ihren Rollen perfekt angezogen werden und privat nicht mehr wissen: Wer bin ich eigentlich? ... Mode sagt auch viel aus über die Zeit, in der wir leben – wenn die Säume fallen und die Röcke kurz werden, sagt man, fallen auch die Kurse. Und Walter Benjamin sagt: «Wer die Mode zu lesen versteht, kann lesen, was kommt.» Und das wissen wir ja auch: Der Teufel trägt Prada“ [Heidenreich 2020: 15–16].

«Я никогда не пойму, почему прекрасные женщины, которые носят прекрасные платья в прекрасных фильмах, напяливают жутчайшие тряпки в обычной жизни. Нет ничего более безобразного, чем видеть на красных дорожках – барахло, плюшевый ужас, банты, чрезмерные украшения, всю безвкусицу и убожество женщин, идеально одетых в фильмах, в ролях и уже про себя не знающих: Кто же я на самом деле? ... Мода также многое говорит о времени, в котором мы живем: считается, что если подгибы уменьшаются, а юбки становятся короче, валютные курсы тоже падают. А Вальтер Беньямин утверждает: «Если вы умеете читать моду, вы можете предвидеть то, что будет». И это мы тоже знаем: дьявол носит Прада» [перевод наш – Я.З.].

Индексами стратегии саспенса можно считать риторические вопросы, направленные на себя: *Wer bin ich eigentlich?* – *Кто же я на самом деле?* и аллюзии. В данном случае стилистический прием заключается в намеке на церемонию награждения – *auf den roten Teppichen* (на красных дорожках) – и на

художественный фильм режиссера Дэвида Френкеля «Дьявол носит Prada» (2006), поднимающий проблему всеобщей зависимости от моды – *Der Teufel trägt Prada*.

Нарратор устанавливает сходство двух женских образов – красавиц на съемочной площадке и «серых мышек» в обычной жизни, что свидетельствует о наличии **тактики сравнения**, которая показывает, как реализуется *стратегия саспенса*.

Лексический повтор прилагательного *wunderschön* ('удивительно красивый, восхитительный, прекрасный'), показывающего превосходную степень выражения красоты, относится к трем составляющим *Frauen* (женщины), *Kleider* (одежда), *Filme* (фильмы) и противопоставляется прилагательным *absurd* ('абсурдный, несуразный') и *grausig* ('ужасный, страшный, чудовищный'), которые выражают крайнюю степень неприятия. В нарративе имеется еще одно противопоставление: *die Kleider* (платья) – *die Klamotten* (тряпки). Перечисление не самых удачных и даже неуместных деталей женского туалета (*Plunder, Plüschgewitter, Schleifen, Schnörkel*) демонстрирует плохой вкус женщин (оценочная лексика: *Scheußlicheres* – безобразное, *Geschmacklosigkeit* – безвкусица, *Armseligkeit* – убожество), что нарратор не приемлет и не может объяснить – отрицание действительности: *Nie werde ich begreifen* (я никогда не пойму).

Стратегия саспенса представлена также **тактикой интерпретации**: нарратор предлагает обращать внимание на капризы моды, которая может помочь в составлении прогноза роста или падения валютного курса: *wenn die Säume fallen und die Röcke kurz werden, sagt man, fallen auch die Kurse*. Нарратор ссылается на Вальтера Беньямина – немецкого философа, литературного критика и переводчика, который утверждает, что умение разбираться в моде имеет свои плюсы – умозаключение: *Wer die Mode zu lesen versteht, kann lesen, was kommt*.

На мыслительные процессы, направленные нарратором на раскрытие сущности происходящего, указывает использование отрицания со статальными

глаголами: *Nie werde ich begreifen* – Я никогда не пойму, *nicht mehr wissen* – больше не знать.

Нарратор размышляет о третьих лицах – женщинах, с которыми он не знаком лично, выражает свое мнение субъективно. Выявить пол нарратора грамматически или лексически не представляется возможным, однако пристальное внимание к вопросам моды и резкая критика в адрес женщин, страдающих плохим вкусом, позволяют предположить, что нарратор женщина, либо понять его половую принадлежность из содержания литературного произведения.

Языковые средства дали возможность оценить отношение нарратора к умению женщин-актрис сохранять интригу своего появления на красной дорожке; актрисы сами до последнего момента остаются в неведении, как будут приняты зрителем и сохранят ли у него завоеванную ранее симпатию.

Нарратор поднимает проблему внешнего вида женщины, в большинстве случаев диктуемого модой как одного из главных критериев восприятия людей друг другом. Вопрос, почему образ на экране не совпадает с образом в жизни, все еще остается открытым. Вероятно, женщина не хочет быть похожей на ту, чей образ она воплощала, либо стремилась показать, что она совершенного другая и имеет право на принятие собственного решения, пусть даже порой ошибочного.

Стратегия саспенса реализуется посредством *тактик рассуждения, интерпретации, сравнения* и выражает ожидание и даже некое беспокойство читателя относительно происходящих событий в нарративе. Причиной тревожных чувств может быть нетипичное поведение хорошо знакомого человека, несовпадение ожидаемого с действительностью, непонимание причин того, что происходит, и неумение их объяснить.

В ходе исследования нами выявлено, что для номинаций женского рода в немецком и русском языке (со ссылкой на перевод) в большинстве случаев характерен суффиксальный способ образования, осуществляемый за счет присоединения суффиксов женственности к существительным мужского рода.

Однако в русском языке это вызывает ряд противоречий, связанных с неприятием носителями языка тех или иных вариантов феминности в литературном языке, тогда как в разговорном они приемлемы и выражают отношение говорящего к упоминаемому лицу.

В немецком языке наблюдаются словосложение, что не столь часто встречается в русском языке. В русском языке также имеется показатель времени, который дает возможность выявить лицо женского пола через предикат в прошедшем времени, что нетипично для немецкого языка. К показателям рода в русском языке можно отнести местоимения, указывающие на половой признак человека. Как в немецком, так и в русском языке присутствует ряд существительных, относящихся только к женскому полу.

Таким образом, нарратор-женщина в разных культурах представлена с разных точек зрения, что позволило выявить сходства и различия в ее языковом, функциональном и прагматическом аспектах.

2.2. Основные стратегии и тактики, реализующиеся в русскоязычных художественных произведениях

В ходе исследования немецкоязычных произведений нами были выявлены стратегии *самопрезентации, эмпатии, дистанцирования, интроспекции, ретроспекции, пересмотра и саспенса*, которые мы используем для анализа русскоязычных произведений, объясняя тем, что чувства у всех людей одинаковы, хотя эмоции могут быть разными. Эмоции носят ситуативный характер; чувства, в отличие от эмоций, обладают относительной устойчивостью и постоянством, что указывает на универсальность стратегий.

Для рассмотрения нарративных стратегий обратимся к литературным произведениям русскоязычных авторов-женщин: А. Вечериной «Исповедь мотылька» (2021); М. М. Степановой «Памяти памяти. Романс» (2017); Т. А. Черемновой «Трава, пробившая асфальт» (2011); Е. С. Чижовой «Время женщин» (2009), «Город, написанный по памяти» (2019), в которых

наблюдается внутренняя фокализация, повествование ведется с точки зрения персонализированного повествователя.

2.2.1. Нарративные стратегии, направленные на отношение персонажа/нарратора к себе (Я – Я₁) и коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ)

Отношение нарратора к себе и коллективному адресату/читателю отражается в стратегии самопрезентации (тактики *размышления, отождествления, противопоставления*), интроспекции (тактика *размышления*), ретроспекции (тактики *рефлексикующего воспоминания, интерпретации*), пересмотра (тактики *сравнения, размышления*). Здесь также имеются комплексные стратегии: *самопрезентации и ретроспекции, интроспекции и ретроспекции, пересмотра и ретроспекции*.

Эксплицитный нарратор использует **стратегии самопрезентации и ретроспекции** и повествует о себе («рассказ о себе»). Нарратор предпринимает попытку представить свой образ в социальном мире и создать у окружающих определенное впечатление о себе. Фокализация нарратива фиксированная: все изображается с личной позиции одного персонажа – персонального и аукториального рассказчика. Фактологичность в нарративе прослеживается через опору на факты из биографии нарратора; женщина рассказывает о том, что, несмотря на усилия окружающих, ее ребенок не говорил в детстве.

«У самих – никого. Мужья-дети сгинули, поумирали. И внуков нету. Иди, говорят, работай. Неужто не вырастим втроем?»

Так и повелось: сама на работу, с работы – по магазинам, там отстоять, тут отстоять, и дома вроде прислуги. Постирать на всех, убрать, сготовить. Пенсии у них – слезы. Свои приходится докладывать. Зато дите, как принцесса. Почитай, три няньки на одну – и присмотрена, и причесана. Гуляют, книжки читают. Учат, кому сказать, по-французски. Девка умная – одно слово, городская. Картинки всё рисует. Буквам в четыре

года выучилась. Понимает все. Только не говорит. **Пять лет, шестой, а все молчком**» [Чижова 2009].

Одним из признаков *стратегии самопрезентации* является местоимение «сам(а)» в значении личного местоимения («я»): *сама на работу*; описание действия в настоящем времени: *гуляют, читают, учат, понимает и др. Кому сказать* – усеченный вариант выражения *кому сказать, так не поверят*, это аналог вводной конструкции *удивительное дело*, выражающий чувства говорящего: *Учат, кому сказать, по-французски*.

Стратегия самопрезентации представлена **тактикой размышления**: героиня рассматривает как сложности, так и преимущества своего положения. Нарратор углубляется в мысли о непростых жизненных обстоятельствах и воспитании ребенка и приходит к умозаключению: *Девка умная – одно слово, городская*. Несмотря на все возникшие трудности, мать спокойна за своего ребенка: **Зато** *дите как принцесса* – у союза *зато* наблюдается заместительная семантика.

Сравнение позволяет выявить нарратору в объекте новое и важное для него: *дома вроде прислуги* (предлог «вроде») в значении «подобно чему-то», но не точно), *дите как принцесса* (гиперболизированное сравнение – девочка-ребенок, о которой говорят с оттенком нежности и ласки). Неполные предложения, характерные для разговорной речи (*Понимает все. Иди, говорят, работай*), эллиптические (*У самих – никого*), вопросительные предложения (*Неужто не вырастим втроем?*) свидетельствуют о мыслительном процессе, происходящем в сознании нарратора. Внутренний монолог героини отличается просторечием: *девка* – в значении «девушка, девочка»; *дите, почитай, неужто* и разговорной лексикой: *повелось, молчком, сгинуть*.

Пол нарратора проявляется в тексте грамматически: *сама на работу* (определяющее местоимение женского рода *сама*) – и лексически: лексемы, указывающие на выполняемые действия, свойственные, в первую очередь, женщине (*постирать на всех, убрать, сготовить*).

Прагматическое воздействие на читателя осуществляется путем апеллирования к прошлому опыту, эмоциональному настроению, оценке произошедшего события, обращении к сложной женской судьбе молодой женщины и ее пожилых соседок.

Нарратор использует также *стратегию ретроспекции*, на что указывает прошедшее время глагола: *Мужья-дети сгинули, поумирали*. Перечисленные события, связанные с взрослением ребенка, демонстрируют определенную последовательность событий в прошлом: *Буквам в четыре года выучилась. Пять лет, шестой, а все молчком*.

В анализируемом нарративном блоке имеют место номинации с указанием на лиц женского пола: *девка* и *принцесса*.

Существительное *девка* является примером просторечия (в значении: девушка, молодая женщина, не состоящая в браке), образовано при помощи корня *дев-*, суффикса *-к* и окончания *-а*.

Существительное *принцесса* используется в переносном смысле слова, хотя изначально указывает на: 1) титул нецарствующей женщины, появившийся в России в начале XVIII века; 2) наследницу престола; 3) жену или дочь принца; 4) как эпитет по отношению к девушке, женщине [Исторический словарь галлицизмов русского языка 2010]. Слово по морфологическому составу: корень *принц-*, суффикс *-есс-* и окончание *-а*.

Следующий нарратив представлен рассуждающим о себе и членах своей семьи с позиции ребенка эксплицитным нарратором, использующим *стратегии самопрезентации* и *ретроспекции*. Нарратор противопоставляет себя – не такого, как все, людям, на которых он привык полагаться с детства и с которыми отождествлял себя как полноправного члена семьи, но ошибся.

«Когда меня сдали в специализированный детский дом для детей с физическими и умственными отклонениями, расположенный в поселке Бачатский Беловского района, близ станции Бочаты, мне было 6 лет и 10 месяцев. И меня – как в бочку законопатели и в яму бросили... И в этом детдоме-яме предстояло провести долгих 12 лет.

Осваиваясь, я быстро поняла, что такое детдомовская жизнь. Хочешь не хочешь, а придется привыкать, а за что-то, возможно, придется и побороться. Но тогда я не знала, что с такой же легкостью, с какой определил меня в детдом, отец уйдет из семьи. И, наверное, в оправдание своему этому поступку возьмет себе в жены хроменькую женщину. А на суде, когда их с матерью будут разводить официально, скажет про жен: «Я одну обидел, вторую обижать не хочу...»» [Черемнова 2011].

Стратегия самопрезентации осуществляется через тактику противопоставления. Героиня выбирает позицию «я – они» (Я – ОН) и считает виновными в своих бедах семью – меня сдали в специализированный детский дом. Использование глагола сдавать по отношению к людям обозначает избавление от чего-то ненужного. Нарратор поставлен в такие рамки, что у него нет выбора – разговорное выражение хочешь не хочешь, (а придется) используется как показатель того, что действие происходит независимо от его желания. Противительный союз «а» служит для противопоставления одного явления другому.

Тактика отождествления представляет реализацию стратегии самопрезентации: конкретная лексика показывает этапы привыкания к незнакомой среде: понимать, привыкать, бороться, вводное слово возможно допускает положительный исход предприятия, но не гарантирует его успех. Нарратор демонстрирует чувство обиды на родственников – как в бочку законопатили и в яму бросили (сравнительный союз как) и образно сравнивает детский дом с ямой (детдом – яма).

Следствием неоднозначного поступка семьи по отношению к нарратору является развод родителей (отец уйдет из семьи), поступок отца нарратор постарается оправдать, используя вводное слово *наверное* как попытку объяснения мотива его поведения. Прилагательное *хроменькая* (разговорная форма, уменьшительное к прил. *хромой*) указывает на чувство сострадания у нарратора, вызванное по отношению к избраннице отца, они «одной крови» – физическим недугом отличаются от остальных людей.

На использование нарратором *стратегии ретроспекции* указывает наречие *тогда*, которое отсылает читателя в тот или иной момент в прошлом: *Но тогда я не знала*. Время описания события ограничено возрастом нарратора: *мне было 6 лет и 10 месяцев* (прошлое), *предстояло провести долгих 12 лет* (прошлое).

Что касается нарратора, то он персонифицирован, обладает прагматической мотивированностью и принадлежит миру текста. Пол нарратора выявлен в тексте грамматически: *я быстро поняла...*, *тогда я не знала...* (личное местоимение согласуется с предикатом в прошедшем времени по признаку пола).

В нарративе присутствует языковая единица, традиционно указывающая на лицо женского пола – жена. Существительное *жена* называет замужнюю женщину, либо женщину вообще (устаревшее значение) [Толковый словарь русского языка Дмитриева 2003].

Выявленные события свидетельствуют о попытке нарратора провести параллель с тем, что чувствовала героиня, оставшись одна без поддержки семьи, и с тем, что стало с семьей, постаравшейся облегчить свою участь, отказавшись от больного ребенка. Здесь можно проследить мораль относительно того, что зло рано или поздно наказывается.

Нарратор передает внутреннее состояние девочки на момент повествования через синтаксис и семантическую структуру предложений. На синтаксическом уровне логичность нарратора обеспечивается за счет использования сложных предложений, предложений с вводными конструкциями и словами (*возможно, наверное*): *И, наверное, в оправдание своему этому поступку, возьмет себе в жены хроменькую женщину*.

Время происходящих событий в тексте обеспечивается грамматическими формами глагола. Так, например, здесь наблюдается использование прошедшего времени (*мне было...*) и будущего времени (*возьмет себе в жены..., когда их с матерью будут разводить..., скажет про жен...*). Прилагательное «*долгий*» показывает эмоциональное состояние нарратора, для

которого эта временная протяженность события оказывается серьезным испытанием: *провести долгих 12 лет.*

Прагматическое воздействие на читателя заключается в критическом оценивании нарратором происходящего (отношения ребенка-инвалида – родителей, пребывание ребенка в специализированном учреждении).

Эксплицитный нарратор, поднимающий проблему отношения общества к женщинам, решившимся на рождение внебрачного ребенка, использует **стратегию интроспекции**. Интроспекция заключается в способности человека разбираться в самом себе, что отмечается нами в следующем нарративе, показывающем нарратора, анализирующего свои поступки, эмоции и чувства со стороны и делающего определенные выводы.

«Так ведь сама и виновата. Молчала до последнего, пока живот не полез. Беременных-то у нас переводят. Принесешь с консультации справку, заберут из вредного. Кого в уборщицы поставят, кого на склад. Мужним – что? Они в своем праве. А тут – как признаешься? Стыд...» [Чижова 2009].

Данный нарратив является типичным примером принятия реальности, женского смирения (*Так ведь сама и виновата*) и реализуется через **тактику размышления**: частица «ведь» употребляется для усиления основного содержания высказывания, частица «то» (*беременных-то*) – для усиления и выделения). **Тактика самообвинения** также представляет **стратегию интроспекции**: используется лексика, относящаяся к эмоциональной сфере человека, направленная на самообвинение (*виновата, стыд*). Отрицательная оценка нарратором и окружающими сложившегося положения прослеживается в образном выражении: *живот полез* и риторических вопросах: *Мужним – что? А тут – как признаешься?*

Прагматическое содержание данного нарратива можно рассматривать с позиции самосознания как рефлексивной способности личности оценивать и осмысливать свои поступки. В плане воздействия на читателя нарратив следует рассматривать как моральную рефлексию, выраженную в усвоении чужого жизненного опыта, возможности сформулировать собственное мнение

относительно неоднозначной ситуации, в результате чего читатель может выработать свою новую жизненную позицию.

Рассмотрим еще один пример *стратегий интроспекции* и *ретроспекции*, представленных эксплицитным нарратором, сожалеющим о том, что ответила на чувства молодого человека, которого, как ей показалось, она не любит.

«И вот тогда я почувствовала себя последней дрянью. Он ведь любил меня. Любил по-настоящему, искренне и преданно, так сильно, как только был способен! Той самой любовью, которую воспевают поэты и о которой пишут в тех самых дурацких книжках, из которых вышел он сам. Вот тогда я поняла, что слишком заигралась. Что пора положить этому конец. Пока еще не поздно» [Вечерина 2021].

Тактика размышления показывает, как реализуются *стратегии интроспекции* и *ретроспекции*: частица «ведь» усиливает эмоциональную выразительность высказывания – *Он ведь любил меня*. Нарратор винит себя за отсутствие действий, которые должны были быть предприняты и приходит к умозаключению, что *слишком заигралась* (переносное значение ‘чрезмерно чем-то увлечься’) и *пора положить этому конец* (фразеологизм в значении ‘прекратить или добиться окончания действия’). Синтаксические повторы служат для усиления выразительности – *вот тогда я (почувствовала) ... вот тогда я (поняла), что слишком ... Что пора*

Рассуждая о происходящем, героиня в некоторой степени идеализирует своего избранника. Она переживает сильный эмоциональный стресс, что служит причиной ее представления о другом человеке в более совершенном виде, чем это есть на самом деле. Она использует клишированные книжные выражения – *любовь, которую воспевают поэты*, – дает качественные характеристики своему чувству – *любить (по-настоящему, искренне, преданно, сильно)*, сравнивает с книжным героем – *в тех самых дурацких книжках, из которых вышел он сам*.

В нарративе наблюдается осуждение, направленное героиней на саму себя из чувства вины и стыда в связи со своими поступками по отношению к

другому человеку, что выражается в использовании сниженной лексики по отношению к себе самой – *последняя дрянь* (скверный, ничтожный человек) – и говорит о наличии **тактики самообвинения**.

Наличие в нарative прошедшего времени и наречия времени «*тогда*» (*Вот тогда я поняла*) указывает на применение нарратором **стратегии ретроспекции**.

Нарратор-женщина узнаваема в тексте по признаку пола, который прослеживается по согласованию личного местоимения с предикатом в прошедшем времени (*я поняла...*, *я почувствовала...*).

Упомянутые характеристики демонстрируют осознание девушкой-нарратором своей вины за неискренность и неуверенность в отношениях, которые дороги другому человеку. Нарратив демонстрирует внутренние противоречия и муки совести, которые понятны и закономерны для девушки ее возраста. Здесь наблюдается несоответствие поставленной цели и полученному результату. Внутренний монолог демонстрирует тревожное состояние нарратора, его понимание ответственности за принятое решение, каким бы оно ни было. Нарратор проявляет себя как личность, готовая к принятию любой ситуации.

Существительное *дрянь* используется в разговорной речи, изначально относится к негодным вещам, хламу, по отношению к человеку – плохой, ничего нестоящий человек [Словарь русского языка Евгеньевой 1999] и в данном случае усиливает эмоциональное состояние нарратора.

Прагматическое воздействие заключается в том, чтобы показать читателю – мы все несем ответственность друг за друга и должны понимать последствия наших поступков по отношению к другим людям.

Стратегия ретроспекции представлена нарративом с участием эксплицитного нарратора, который вспоминает события прошлого, сравнивает, каким он был тогда и стал сейчас. Нарратор реализует существующий потенциал, осуществляет свои имеющиеся желания, умения, знания и способности, свои представления о себе и своем пути в жизни. Нарратор учится

преодолевать физический недуг, неуверенность в себе, страх общения с людьми.

*«Ничего не скажешь, железная логика у наших нянь! А то, что у меня застудятся все косточки и **впоследствии** измучают болячки, приобретенные в **раннем детстве**, в том числе и на этом самом крыльце, им и в голову не приходило. Вероятно, **никто** из них и просто не мог предположить, что жалкая уродинка, которую всю постоянно дергает и коверкает, доживет **до зрелых лет**. И уж **никто** не мог помыслить, что **она** вырастет, выправится, добьется снятия неверного диагноза «олигофрения», будет писать книжки для детей, публицистические статьи для взрослых и станет членом Союза Писателей России» [Черемнова 2011].*

*Стратегия ретроспекции прослеживается в изображении временного расстояния между описываемыми событиями: в **раннем детстве** (прошлое) – **доживет до зрелых лет** (будущее время глагола как показатель настоящего времени). Личное местоимение «она» показывает дистанцирование нарратора от самой себя и взгляд на себя со стороны: *И уж **никто** не мог помыслить, что **она** вырастет, выправится...* В анализируемом примере присутствует не только ориентация стратегии (Я – Я₁), направленная на самого себя, но и направленность Я – ОН, что выражено в отрицательном местоимении «никто» – кто-то неизвестный или неконкретный, но мнение которого важно. Наречие «**впоследствии**» имеет значение «*потом, после*» и предполагает прошествие некоторого времени от описываемого события. Временная характеристика в тексте обеспечивается грамматическими формами глагола (например: прошедшее время: *никто не мог помыслить ...*, будущее время: *будет писать книжки для детей*).*

Тактика рефлексивного воспоминания представляет стратегию ретроспекции: героиня сравнивает себя с физически здоровыми людьми и подвергает критике – *жалкая уродинка, которую всю постоянно дергает и коверкает* (самокритика). Здесь наблюдается самооценка внешних данных, выраженная качественным прилагательным *жалкий* (несчастный,

беспомощный) и пренебрежительным существительным *уродинка* (суффикс *-ка* подчеркивает возраст нарратора (ребенок)). Нарратор рассматривает свое сложное положение в детские годы и в период взрослого, состоявшегося человека. Вводное выражение *ничего не скажешь* выражает эмоциональную оценку, привлекает внимание к дальнейшим событиям.

Тактика размышления обнаруживается через следующие индексы: фразеологизм *приходить в голову* (*им и в голову не приходило*) предполагает неожиданное появление в сознании человека идей, мыслей, догадок, решений и др., что поможет принять определенное решение. Фразеологизм *железная логика* указывает на ход рассуждений, закономерность развития событий, в данном случае служит упреком действиям третьих лиц: *железная логика у наших нянь!* – можно также рассматривать как пример сарказма. Далее вводное слово «вероятно» служит для оценки ситуации как неуверенности, предположения, неопределенности, допущения. Союз *а то, (что)* подчеркивает сильные чувства, эмоции, вызванные определенным обстоятельством (противопоставление одного другому). Перечисление действий по возрастанию их значимости предполагает выбор средств и путей действий для достижения цели: *вырастет, выправится, добьется снятия диагноза, будет писать книжки, станет членом Союза Писателей России.*

Пол повествователя возможно выявить грамматически через личное местоимение женского рода (*она станет...*), в плане лексики следует обратить внимание на существительное женского рода «уродинка», произведенного от *уродина* – существительного общего рода.

Нарратив охватывает большой период времени, в котором нарратор выступает в двух категориях – беспомощный ребенок и талантливая личность, признанная в литературных кругах.

Прагматическое воздействие осуществляется за счет оценки человеческих качеств окружающих на тот момент людей, оставивших о себе, к сожалению, весьма удручающее впечатление. Нарратор является примером того, что

человек даже в самой критической ситуации должен прилагать усилия для выхода из нее.

Стратегии ретроспекции и **интроспекции** используются эксплицитным нарратором, рассказывающим о своем нелегком выборе. Нарратор был свидетелем исторических событий, о которых он сейчас вспоминает и которые стали причиной принятого им решения.

«Соломон Захарович замуж меня звал. Жена у него погибла – к матери перед самой войной поехала. В Белоруссию, что ли... А обратно и не вырвалась – осталась под немцем. Деток у него двое. Подумала, подумала. Не пошла на детей. Мужик-то он неплохой, и врач уж очень хороший. А все равно не решилась. Жалела его – это правда. Он когда еще говорил: вот войдут в Ленинград, меня с девочками первыми расстреляют. Я еще, дура, не верила: думала, все под немцем одинаковые» [Чижова 2009].

Ретроспекция прослеживается в противопоставлении того, что есть и того, что было: *Он когда еще говорил* – наречие «когда» можно рассматривать как пример просторечия и как наречие времени, отсылающее читателя в другое время.

Героиня рассматривает свое положение и принимает решение, верное на ее взгляд, что отражается в **тактике размышления**. Для придания высказыванию экспрессивности, намеренно используется лексический повтор – *подумала, подумала*. На незаконченность и недоговоренность высказывания указывает многоточие в конце предложения – *В Белоруссию, что ли...* Частица «то» служит для подчеркивания и смыслового выделения лексемы «мужик». Противительный союз «а» выражает противопоставление одних действий другим – *Подумала, подумала ... А все равно не решилась*. Частица «уж» усиливает эмоции нарратора – *врач уж очень хороший*. Глаголы «подумать, думать» демонстрируют мыслительную деятельность – провести некоторое время, размышляя над чем-то.

В нарративе **стратегию ретроспекции** представляет также **тактика интерпретации**: нарратор истолковывает слова героя, еврея по

национальности (*меня с девочками первыми расстреляют*) по-своему – *не верила: думала, все под немцем одинаковые*. Выражает свое отношение к нему – *жалела* (чувство сострадания как общее понятие, но может восприниматься и как чувство любви, расположения и симпатии) [Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой 2000].

Стратегия интроспекции прослеживается в разговорном, грубом слове «дура», используемом героиней как досада на себя: *Я еще, дура, не верила*.

Нарратор рассказывает о третьих лицах, с которыми он либо хорошо знаком (врач Соломон Захарович, его дочери), либо не знаком вообще и знает о них по рассказам третьего лица (жена доктора, погибшая во время войны).

Пол нарратора прослеживается согласованием личного местоимения с предикатом в прошедшем времени (*я думала, не пошла, жалела*), существительного женского рода *дура*, направленного на лицо женского пола (оценочность).

Нарратив представлен в монологической форме, мысли связаны, речевой объем развернут. Прагматическое воздействие заключается в том, чтобы показать, что прежде всего нам необходимо научиться принимать обдуманные, взвешенные решения.

Стратегии пересмотра и ретроспекции реализуются в нарративе через имплицитного нарратора, пересмотревшего свое отношение к окружающим и отказавшегося от личной обиды и недобрых чувств к виновному (родителям и обществу).

«Сегодня, в зрелом возрасте, я, конечно, вижу свое детство все в другом ракурсе и понимаю, насколько непросто было родителям иметь больного ребенка в то дикое по отношению к инвалидам время. Хотя и по сей день ребенок-инвалид часто воспринимается российским обществом как какое-то неправильное и неверно запрограммированное существо» [Черемнова 2011].

Одним из индексов стратегии пересмотра является уступительный союз «*хотя*», который используется для описания условия, противоречащего ситуации: *Хотя и по сей день ребенок-инвалид...*

Тактика размышления показывает, как нарратор приходит к умозаключению – *понимаю, насколько непросто было родителям* – и меняет точку зрения – *вижу в другом ракурсе*. В нарративе вводное слово «конечно» подчеркивает уверенность нарратора в происходящем. Глагол «понимать» обозначает способность извлекать смысл из чего-либо; глагол «видеть» используется в значении *обдумывать, размышлять: вижу свое детство все в другом ракурсе*.

Посредством **тактики сравнения** нарратор сопоставляет два временных пространства – свое детство и уже зрелый возраст. В лексическом плане – «ребенок-инвалид» в понимании общества – «*неправильное и неверно запрограммированное существо*» (объект, обладающий свойством восприятия реальности), т. е. не соответствует всем характеристикам, присущим человеку.

Стратегия ретроспекции прослеживается в лексике – в существительном «детство», обозначающем ранний возраст человека, прошлое, которое нельзя вернуть. Словосочетание «*зрелый возраст*» свидетельствует об осознании человеком периода жизни, связанного с выполнением определенного рода занятий. Устойчивое сочетание «*по сей день*» (разговорное выражение), наречие времени «*сегодня*» и указательное местоимение «*то*» (*в то дикое время*), относящееся ко времени, показывают временное пространство – настоящее и прошлое.

Взгляд нарратора на себя со стороны – «я» – «ребенок-инвалид».

Пол повествователя выявить грамматически или лексически не представляется возможным.

В нарративе показаны причины поступка семьи, которые вытекали из общего отношения общества к практически не обсуждаемой в то время проблеме людей с подобными физическими недостатками. Нарратор через презентацию собственного опыта поднимает вопросы моральных и этических норм, которыми общество пренебрегало и не желало обращать внимание на людей с физическими недостатками.

Следующий пример *стратегий пересмотра и ретроспекции* демонстрируется эксплицитным нарратором, планирующим отомстить обидчику, но изменившим свою точку зрения вследствие того, что все люди разные – со своими сильными и слабыми сторонами. Нарратор выделяет проблему – причину своих обид, строит планы мщения, но понимает, что не получает чувства удовлетворения и, следовательно, прощает.

«Ведь когда-то я задумывала эту книгу совсем другой. Когда-то я мечтала отомстить пикаперам. А вместо этого лишь научилась их понимать. И считаю теперь, что мне и правда не плюнули в душу, а подарили красивую сказку. Пусть она была и короткой.

Когда-то я мечтала отомстить пикаперам. Всем сразу, но одному – особенно. Мне хотелось, чтобы ему было так же больно, как и мне тогда. В своих мечтах я рисовала картины того, как я сама оболещу и брошу его, а он будет за мной бегать и так же страдать, как я когда-то. Но я буду непреклонна!

А вот сейчас... я знаю, что ему очень больно. Пожалуй, даже больнее, чем мне когда-то. Но почему-то не испытываю от этого ни радости, ни удовлетворения. Да и к другим пикаперам нет каких-то злобных чувств. Куда же все ушло?

Теперь я понимаю, что все пикаперы разные. Собственно, как и непикаперы. Есть среди них рыцари и подлецы, романтики и циники, герои и негодяи. А пикап сам по себе не хороший и не плохой. Это всего лишь знание. А знание – это сила» [Вечерина 2021].

Для *стратегии пересмотра* в анализируемом примере характерен противительный союз «а», позволяющий противопоставить различающиеся по какому-либо признаку факты, поэтому приведенные суждения нарратора представлены как взаимоисключающие: *не плюнули в душу, а подарили красивую сказку*. Союз «но» служит для противопоставления предшествующей информации о фактах, которые, ограничивают, исключают или противоречат друг другу [Словарь русского языка Евгеньевой]: *Но почему-то не испытываю*

от этого *ни радости, ни удовлетворения*. Союз *ни* (в составе союза *ни ... ни*) служит для усиления и придания исключаяющего характера высказыванию.

Нарратор дает оценку мужчинам, которые в зависимости от обстоятельств могут быть *рыцарями и подлецами, романтиками и циниками, героями и негодями*. Используемые номинации позволяют говорить о наличии мелиоративной (*рыцари, романтики, герои*) и пейоративной оценки (*подлецы, циники, негодяи*).

К индексам *стратегии пересмотра* можно отнести также и противопоставление (*не хороший – не плохой, пикаперы – непикаперы*).

Нарратор стоит перед выбором, нужно ли ему поступать с молодым человеком так же, как он поступил с ней, что свидетельствует о том, что *стратегия пересмотра* реализуется *тактикой размышления*. Однако планы нарратора в процессе погружения в проблему меняются, как и его эмоциональный настрой, что выражается в своеобразных противопоставлениях, имеющих значение только в этом контексте – *мечтала отомстить – научилась понимать*. Местоимения *мне, я* показывают направленность на себя (саморефлексивность): *как и мне тогда, как я сама, как я когда-то*. Фразеологизм *плюнуть в душу* выражает экспрессию и обозначает «оскорблять самое дорогое и сокровенное». Вводное слово *пожалуй* выражает допущение определенной возможности: *пожалуй, даже больнее, чем мне когда-то*.

Наречие *почему-то* указывает на неизвестную причину, над которой размышляет нарратор. Перечисление (*ни радости, ни удовлетворения, нет злобных чувств*) показывает внутреннее состояние героини, отказавшейся от мести. Риторический вопрос служит для выразительности: *Куда же все ушло?* Анадиплосис усиливает логическую связь между предложениями, придает экспрессию утверждению, создает акцент на важности идеи: *Это всего лишь знание. А знание – это сила* (простое двусоставное предложение, с предикатом, выраженным существительным, обычно употребляется для утверждения верности чего-либо, убедительности). В ходе рассуждения о моральной

составляющей поведения современных мужчин, нарратор приходит к умозаключению: *А никак сам по себе не хороший, и не плохой.*

Планы мести по отношению к обидчику прослеживаются в намерениях нарратора: *отомстить, обольстить, бросить*. Как следствие, третье лицо понесет наказание в виде сильного эмоционального переживания: *больно, как и мне тогда*, что вызовет неоднозначную реакцию лица, причинившего боль нарратору: *будет за мной бегать и так же страдать*. Противительный союз «но» в начале предложения вводит мысль, противоположную всему, что перед тем высказано: *Но я буду непреклонна!*

Стратегия ретроспекции выражена наречиями *когда-то* (я мечтала) – в какое-то время в прошлом и *теперь* – в настоящее время, сейчас. Время событий в нарративе обеспечивается следующими формами глагола: 1) прошедшего времени: я *рисовала* картины того, как я ...; 2) настоящего времени: и *считаю* теперь; 3) будущего времени: как я сама *обольщу* и *брошу* его.

Пол нарратора проявляется в тексте грамматически: я *сама* (слово *сама*), я *задумывала*, я *мечтала* (личное местоимение «я» согласуется с предикатом в прошедшем времени по признаку пола).

Прагматическое воздействие на читателя заключается в попытке автора донести до читателя умение прощать, что означает отказ от страха, злобы и стремления причинять боль другому человеку. Прощение важно, прежде всего, самому себе, а концентрация внимания на ошибках и недостатках обидчиков ведет к саморазрушению.

Отношение нарратора к себе и коллективному адресату/читателю прослеживается в стратегиях самопрезентации (тактики: *отожествления, противопоставления, размышления*), интроспекции (тактики: *размышления, самообвинения*), ретроспекции (тактики: *рефлексирующего воспоминания, интерпретация, размышления*), пересмотра (тактики: *размышления, сравнения*). Кроме вышеуказанных стратегий, присутствуют также и

комплексные стратегии: *стратегия самопрезентации и ретроспекции, интроспекции и ретроспекции, пересмотра и ретроспекции.*

2.2.2. Нарративные стратегии, направленные на отношение персонажа/нарратора к другим персонажам (Я – ОН)

Межличностные отношения представлены стратегиями *эмпатии* (сопереживание, понимание, сочувствие) и *дистанцирования* (прямая враждебность – критичность, отчуждение – недоверие).

Имплицитный нарратор, повествующий о сложном периоде в жизни матери, использует комплексную стратегию *эмпатии, дистанцирования и ретроспекции*. *Стратегия презентации* представляет собой способ репрезентации информации биографического плана, показывающий положительные или отрицательные характеристики личности. Нарратор так или иначе проявляет интерес к описываемому герою, что обусловлено личным отношением нарратора к персонажу и необходимостью демонстрации повествователем своих внутренних переживаний или оценки исторических фактов. Нарратор выражает сочувствие героине, показывает ее борьбу за жизнь и противопоставляет ей другого героя с отрицательными качествами.

«Спасло ее то, что первая – «открытая» – стадия заболевания совпала с появлением в советских больницах чудодейственного средства. Пенициллин. В сочетании с пневмотораксом плевральной полости, а говоря по-простому – поддуванием (эту во всех отношениях неприятную процедуру Томас Манн романтически описал в романе «Волшебная гора»), пенициллиновые инъекции давали поразительные результаты: в мамином случае каверны затянулись буквально месяца за три.

Во всем остальном эта история дает мало поводов для сравнения с «волшебной горой». Тут у нас свои горы и горки. Одна из них та, что года за два до болезни и примерно за год до знакомства с моим отцом мама успела выскочить замуж за некоего «Зарубаева». Беру его в кавычки потому, что

мое отношение к этому (к счастью, третьестепенному) персонажу нашей семейной истории зиждется на одной весьма колоритной сценке: *когда* мама, *говоря прямо*, умирала, этот тип явился в больничную палату в компании неведомой *шалавы*, чтобы задать ей прямой вопрос: *когда ты наконец сдохнешь?»* [Чижова 2019].

Стратегии эмпатии и дистанцирования строятся на противоположном отношении нарратора к героям истории – матери и ее бывшему мужу. Чем больше отрицательных качеств имеет один герой (уничижительная характеристика: *некий «Зарубаев», третьестепенный персонаж, этот тип*), тем большей симпатией и сочувствием читатель проникается к другому герою (*мама, говоря прямо, умирала*). Однако данный пример можно также отнести и к цинично изложенному факту.

Помимо личностной оценки случайного человека в жизни матери, нарратор имплицитно указывает на желание молодой женщины в поспешно уйти из родительского дома – *мама успела выскочить замуж*, что может характеризовать ее как человека, способного пойти на риск, или человека, необдуманно совершающего поступки в силу сложившихся обстоятельств или юного возраста. Мать, как и все люди, способна на необдуманные поступки, что делает ее ближе к нарратору – все ошибаются, и это допустимо.

Через *тактику отождествления* нарратор показывает свою принадлежность к описываемым героям и ситуации, используя притяжательное местоимение «*наш*» (*нашей семейной истории*), личное местоимение «*мы*» (*тут у нас свои горы и горки*) и местоимение «*мой*» (*мое отношение к этому*).

Интертекстуальная отсылка к классической немецкой литературе – роману Томаса Манна «Волшебная гора» (автор касается проблемы легочных больных) демонстрирует желание нарратора провести параллель между реальной и вымышленной историей.

Стратегия *ретроспекции* прослеживается в использовании выражений: *месяца за три* – общий объем времени; *года за два до болезни и примерно за год до знакомства* – разграничение времени по произошедшим событиям; союз

когда – *когда* мама, ..., *умирала* (прошлое), *когда ты наконец сдохнешь* (будущее). Для демонстрации события, ушедшего уже в историю, нарратор использует устаревшую книжную лексику (*зиждаться* – *основываться*, *опираться*). Однако словарь относит глагол «*зиждаться*» также к книжным, риторическим [Толковый словарь русского языка Ушакова 2014] и высокопарным словам [Энциклопедический словарь 2012].

Грамматически и лексически в тексте пол нарратора не выражен. Во второй части нарратива мы наблюдаем перемену фокализации, проявляющуюся в представлении мнения третьего лица, некого Зарубаева, относительно состояния матери нарратора.

Выражения *говоря по-простому*, *говоря прямо* подразумевают наличие третьего лица – слушателя, которому предназначена предлагаемая информация (Я – ОН) и показывают желание нарратора сократить дистанцию между собой и тем, кому предназначена информация.

В нарративе присутствует языковая единица, традиционно указывающая на лицо женского пола – *шалава* (бранное слово). Используя в нарративе данное уничижительное выражение, ребенок показывает свое отношение к женщине и свою обиду на нее за мать.

Нарративная история предлагается от лица дочери главной героини, которая судит о происходящем со слов членов семьи либо из каких-либо других источников, соответственно, субъективно подходит к оцениванию поступков третьих лиц. Это демонстрирует нам разделение нарратором действующих лиц на положительных и отрицательных героев посредством ориентирования на их личностные качества и выражается в использовании разговорной и грубой лексики.

В анализируемом нарративе нарратор подтверждает утверждение, что за неудачами, проблемами и встречами с лишними людьми всегда наступает время перемен к лучшему.

Следующий пример относится также к *стратегии эмпатии* и демонстрирует чувство доверия, основанное на чувстве радости быть частью

общества. Эксплицитный нарратор выражает открытость по отношению к окружающим, уверен в их искренности и добросовестности.

«Благодаря всем этим доброжелательным и понимающим людям я почувствовала, как внутри меня тают многолетние сугробы, и поверила, что меня можно любить... А ведь это так важно для любого человека: юного, зрелого, престарелого, больного, здорового, неудачливого, преуспевающего. Людская любовь нужна всем» [Черемнова 2011].

Нарратор использует *стратегию эмпатии*, в которой положительно выражено отношение героя к внутреннему миру третьих лиц: *благодаря всем этим доброжелательным и понимающим людям*. Производный предлог *благодаря* образован от глагола *благодарить* и не потерял с ним смысловой связи, но его значение определяется как *«из-за кого-чего-нибудь, вследствие чего-нибудь»*.

Нарратор рассматривает себя как *любого человека*, которому нужно внимание: *Людская любовь нужна всем*, что отражено в *тактике отождествления*.

Нарратор отождествляет себя метафорично с человеком, у которого в прошлом были в душе *«многолетние сугробы»*, что стало причиной его ухода в себя и потерю надежды на то, чтобы быть полноценным членом общества. Однако сейчас, в настоящее время, ситуация изменилась в лучшую сторону: *внутри меня тают многолетние сугробы*, что хорошо.

Стратегия эмпатии реализуется *тактикой размышления*, которая представлена следующими индексами. Так, с противительным союзом *«а»* для усиления высказывания используется частица *«ведь»*. Перечисление противоположных по значению слов характеризует нарратора как личность, выражающую свое эмоциональное состояние: *для любого человека: юного, зрелого, престарелого, больного, здорового, неудачливого, преуспевающего*. Нарратор обдумывает свое положение и приходит к умозаключению, что на данный момент его окружают *доброжелательные и понимающие люди* (положительная оценка).

Нарратор-женщина узнаваема в тексте по признаку пола, который прослеживается по согласованию личного местоимения с предикатом в прошедшем времени (*я почувствовала...*).

Доверие к людям может складываться из разных составляющих, проблема или даже тема доверия возникает тогда, когда в нем возникает потребность. Это особая категория, связанная с хаосом человеческих отношений. В большинстве случаев мы симпатизируем, хотим помочь и принять участие в жизни тех людей, которым доверяем.

В следующем примере *стратегию эмпатии* и *стратегию дистанцирования* используют разные персонажи. Эксплицитный нарратор описывает двух героев, которые по воле судьбы в определенный период своей жизни зачем-то встретились – мать и ее первый муж.

«Фотографии сохранили образ русской красавицы, недостижимый многочисленными нами – полу- и четвертькровками двух грядущих поколений (женские стати третьего пока не проявились). И хотя, скажу без ложной скромности, мы тоже ничего, но, увы, тенденция убывания налицо.

Красноречивый пример – мой любимый снимок, где мама запечатлена на фоне аккуратного стога сена. С серпом в руке. Хрестоматийный сельский антураж подчеркивает ее изумительную красоту.

*Мельком и забегаая вперед: паразит-Зарубаев, до поры выдававший себя за интеллигента, на эту роль явно не подходил. Да и странно рассуждать о гештальтах, когда семья живет на зарплату молодой супруги, которую молодой супруг не гнушается тратить на рестораны, норовя утопить в веселом и пьяном омуте не **только** тоску по «красивой благородной жизни», но и скромные суммы, отложенные на первоочередные житейские нужды, к примеру, зимнее пальто с меховым воротничком» [Чижова 2019].*

Стратегия эмпатии прослеживается в описании образа матери – русской красавицы, внешние характеристики которой вызывают наивысшую похвалу – *изумительная красота* (качественное прилагательное *изумительный* имеет значение ‘необыкновенный, восхитительный’).

Нарратор с позиции представителя молодого поколения дает характеристику людям с противоположными внутренними установками и отношением к жизни. *Стратегия эмпатии* представлена двумя тактиками – *тактикой отождествления* и *тактикой размышления*. **Тактика отождествления** демонстрирует, как нарратор идентифицирует себя и своих родственников со своей матерью – для собственного обозначения нарратор использует личное местоимение во множественном числе «мы» – *мы тоже ничего* – и представляется от лица женских поколений – *полу- и четвертькровки двух грядущих поколений*. В нарративе личное местоимение «мы» используется для ироничного описания внешних данных – *мы тоже ничего, но, увы, тенденция убывания налицо*. Фраза *мы тоже ничего* в данном контексте воспринимается положительно.

Погружаясь в собственные мысли и уходя в мир фантазий, нарратор реагирует на определенные события во внешнем мире, что прослеживается через **тактику размышления**, для которой в данном случае характерны следующие индексы: наречие *налицо* обозначает категорию состояния и используется для утверждения наличия чего-либо. Противительный союз «но» служит в анализируемом примере для противопоставления того, что есть сейчас, тому, что было в прошлом. Междометие *увы* показывает сожаление нарратора. Вводная конструкция *скажу без ложной скромности* передает желание нарратора, готового без притворства и обмана оценить то, чем его одарила природа (демонстрирует потребность в собеседнике). Вводное слово *к примеру* раскрывает и конкретизирует предыдущую информацию. Парный союз *не только ..., но и ...* выражает одновременность или последовательность действия.

Отношение нарратора к бывшему мужу матери проявляется в *стратегии дистанцирования*. Неподобающее поведение и неуважительное отношение мужчины к близкому человеку вызывает у нарратора чувство отчуждения и враждебного настроения.

Стратегия дистанцирования реализуется **тактикой обвинения**: противопоставляя двух разных по моральным качествам героев, нарратор подчеркивает положительное отношение личности (матери) к процессу трудовой деятельности: *семья живет на зарплату молодой супруги*. Выражение *жить на зарплату* обозначает иметь очень скромный доход, что вдвойне осложняет существование семьи, глава которой не проявляет интереса к личному вкладу в ее содержание, что объясняет эмоциональную характеристику нарратором супруга матери – *паразит-Зарубаев* (оценочная лексика, пейоративная оценка). Существительное *паразит* используется в переносном значении по отношению к человеку, живущему за чужой счет. К отрицательным качествам обозначенной личности относятся следующие действия третьего лица, представленные в виде перечислений: *выдавать себя за интеллигента, не гнушаться тратить на рестораны, утопить в веселом и пьяном омуте (веселый, пьяный омут – метафора)*. Разговорная лексика придает речи свободный характер и выражает эмоциональную оценку – *гнушаться* (испытывать чувства отвращения, пренебрегать, испытывать брезгливость), *норовить* (настойчиво стремиться что-то сделать).

Для *стратегии дистанцирования* также характерно наличие **тактики недоверия**: герой не является тем, кем хочет показаться другим: *до поры выдававший себя за интеллигента*, т. е. быть якобы кем-то. Наречие *странно* – оценка чьих-то действий, вызывающих недоверие: *Да и странно рассуждать*.

Здесь также нужно отметить *стратегию ретроспекции*, выраженную в использовании устаревшей лексики – парный союз *не только..., но и* (не только).

Принимая во внимание ранее проанализированные нарративы, можем сделать вывод относительно выделения положительных и отрицательных характеристик третьих лиц. Положительная оценка может заключаться в описании внешних данных героя и реализуется через эмоционально-экспрессивную лексику – качественные прилагательные с положительной оценкой. К положительным качествам человека также можно отнести

способности к какой-либо деятельности, волевые качества, готовность брать на себя ответственность за кого-то. Отрицательные отличительные черты героев выражаются в оценочной лексике, уничижительных выражениях, выражающих отношение нарратора к моральным качествам третьих лиц.

Стратегия дистанцирования реализуется в нарративе от лица эксплицитного нарратора и демонстрирует отсутствие близости, доверия, понимания между близкими людьми, холодность в их отношениях, возникшие в силу ряда обстоятельств.

«Домочадцы стали вести себя очень странно. Бабушка почти перестала ко мне подходить, а дед старался исчезнуть куда-то на целый день. Я остро чувствовала перемены, но не могла найти их причину. Став взрослой, поняла: они прекрасно знали, куда я попаду и каково будет там совершенно беспомощному ребенку. Они чувствовали вину, ощущали неловкость и стыд, но решение уже было принято...» [Черемнова 2011].

На стратегию дистанцирования указывает ряд наречий, обозначающих некое несоответствие привычному или ожидаемому. Так, наречие *странно* используется в значении 'вызвать недоумение' – что-то происходит не как всегда и не так, как ожидалось, что вызывает недоумение или даже подозрение. Следующие наречия демонстрируют отсутствие какой-либо конкретизации: *почти* (меры или степени), *куда-то* (направление).

Противительный союз «но» указывает на наличие определенного препятствия – *но не могла найти их причину*.

Стратегия дистанцирования представлена целым рядом тактик, а именно: *тактикой недоверия, тактикой противопоставления и тактикой обвинения*.

Ощущение наступающих перемен основано на поведении взрослых: ***очень странно себя вести***, что значит вызвать недоумение, удивление (*очень* – степень, *странно* – образ действия); ***исчезать куда-то на весь день*** (уходить в неизвестном направлении, что ранее было не типичным), что указывает на ***тактику недоверия***.

Контраст образов, позволяющих произвести сильное впечатление на читателя, дает возможность нарратору использовать *стратегию дистанцирования*, реализованную через **тактику противопоставления**: героиня испытывает внутреннее чувство волнения и ищет его причину: *я остро чувствовала перемены* (придает значимость происходящему, сравнивает то, что было с тем, что есть сейчас). Противопоставление как когнитивный феномен находит выражение во всех сферах жизни человека.

Следующая тактика – **тактика обвинения** – выражается в осуждении и упреке нарратором своих родных: героиня ищет виновных в своем положении: *они прекрасно знали, куда я попаду* (наречие *прекрасно* подчеркивает эмоциональное состояние нарратора, показывающее обиду и разочарование в родных ему людях). Нарратор использует лексику, выражающую эмоциональную сферу человека (*вина, неловкость, стыд*), как следствие необдуманного решения или решения, принятого с учетом интересов только одной стороны.

Нарратор-женщина узнаваема в тексте по признаку пола, который прослеживается по согласованию личного местоимения с предикатом в прошедшем времени (*я почувствовала..., поняла*).

В нарративе показано внутреннее состояние ребенка, его желание быть частью семьи и осознание того, что взрослые могут быть разными – добрыми и чуткими, жестокими и безразличными.

Упомянутые события свидетельствуют о глубокой обиде ребенка на взрослых, которые пошли по пути наименьшего сопротивления и избавили себя от ухода за больным ребенком, все понимающим и чувствующим.

В анализируемом нарративе следует отметить: 1) форму речевой организации – монологическая, представленная логичным и связным изложением мыслей; информативная (*семья полная, наличие в семье деда и бабушки*); оценочная (*они прекрасно знали*); 2) речевой объем – развернутый; 3) правильное лексико-грамматическое оформление.

В данном примере используется существительное *бабушка*, указывающее на лицо женского пола. В праславянском языке «ба» означало «существовать», «быть», «жить». Следует отметить еще одно, более древнее значение слова «ба» – «врата жизни». Женщину, родившую девочку, т. е. давшую жизнь еще одной женщине, называли *бабой*, что символизировало непрерывный цикл рождения [Тверской государственный объединенный музей 2020].

Слово *бабушка* первоначально означало не мать родителей, а старшую в роде. По одной из спорных версий само наименование старейшины рода родилось в детской речи, в лепете самых младших членов семьи [Этимологический словарь Успенского 2009].

В традиционном представлении *бабушкой* является мать одного из родителей по отношению к внуку или внучке, бабушка имеет четко определенную роль, которая выражается в уходе за младшими детьми в семье. В более широком значении *бабушкой* могут называть любую женщину преклонного возраста [Толковый словарь русского языка Дмитриева 2003].

Слово по морфологическому составу: *бабушка* (корень: *баб-*, суффикс *-ушк-*, окончание *-а*) [Словарь разбора слов по составу. Текстология.ру].

Следование событий в нарративе обеспечивается грамматическими формами глагола (например: прошедшее время: *дед старался ..., они чувствовали...*), наречие места (*там*) – где-то, вне привычного места проживания.

Прагматическое воздействие на читателя осуществляется за счет рассказа о собственном опыте, разоблачении намерений взрослых, потери веры в близких людей: т. е. оценивании степени порядочности поведения людей в сложных жизненных обстоятельствах.

Стратегии *эмпатии* и *дистанцирования* достаточно часто выступают в нарративах вместе как показатели полярного отношения нарратора к героям. На фоне поступков одного персонажа рассматриваются моральные качества другого, что позволяет проследить эмоциональное отношение к ним нарратора, который может быть с ними знаком лично и выражать объективную позицию

либо иметь о них представление из каких-то источников, например, рассказов других, и выстраивать свое мнение за счет уже имеющейся точки зрения. Стратегии, направленные на рассказ о межличностных отношениях персонажа/нарратора к другим персонажам (Я – ОН), реализуются через стратегию *эмпатии* (тактика: *отождествления*), *дистанцирования* (тактики: *обвинения, недоверия, противопоставления*), а также через комплексные стратегии: *эмпатии, дистанцирования и ретроспекции; эмпатии и дистанцирования.*

2.2.3. Нарративные стратегии, направленные на отношение автора/нарратора к коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ)

К данной категории относим *стратегию саспенса* как вызов у адресата/читателя чувства тревожности, любопытства или интриги, побуждающую адресата/читателя проявить интерес к происходящему. Отмечаем также наличие комплексной стратегии, представленной *стратегией саспенса* и *стратегией ретроспекции.*

Стратегии саспенса и *ретроспекции* в нарративе представлены от имени эксплицитного нарратора, которому они нужны для отправной точки в повороте событий. В данном примере отмечается изменение отношения к происходящему и привлечение внимания окружающих к себе.

«... *хорошо помню, как в той же непотребной юности я пыталась быть интересной, рассказывая кому-то историю о семейном проклятии. Он женился, говорила я, по страстной любви на обедневшей польской дворянке, для этого ему пришлось креститься – и отец проклял его и больше никогда не сказал ему ни слова, они жили в нищете и вскоре умерли от чахотки*» [Степанова 2017].

Индикаторами *стратегии саспенса* являются некая недосказанность и интрига. Так, использование неопределенного местоимения «кому-то» говорит о том, что героине было все равно, кому она излагает очередной сюжет своей

выдуманной истории. Нарратор привлекает интерес тем, что выстраивает историю в виде сказочного сюжета (принц и бедная девушка), имеющего трагический конец.

Тактика интерпретации, представляющая комплексную стратегию, предпринимается для рассказа о семейной истории и представляется как *история о семейном проклятии* с трагическим концом – *умерли от чахотки*. Героиня объясняет придумывание не имеющих отношения к действительности подобных историй своим возрастом (*в непотребной юности*) и желанием привлечь к себе внимание – *я пыталась быть интересной*. Качественное прилагательное *непотребный* (в значении ‘*невежественный*’) является еще одним извиняющим фактором поступков нарратора, она признает, что поступала неправильно.

Глагол *пытаться* используется в значении прилагать усилия для осуществления чего-либо без уверенности в успехе. Нарратор начинает свою историю с конца, сообщая о наличии семейного проклятия, и заинтриговав, предлагает узнать подробности – ... *говорила я* (вводная конструкция для связывания уже произошедших событий, демонстрирующая присутствие 3-х лиц).

Представленная нарратором *стратегия ретроспекции* отличается рядом лексических средств, так, существительное «*юность*» изначально является показателем юного возраста, периодом взросления и развития человека, предшествующего зрелости; местоимение «*тот*» указывает на что-то более отдаленное во времени или пространстве, в данном случае во времени: *в той ... юности я ...*. Нарратор рассказывает о давно прошедших событиях с позиции взрослого человека, давно уже не юного и воспринимающего тот период времени как часть своего далекого прошлого.

Пол повествователя на грамматическом уровне прослеживается через согласование личного местоимения с предикатом в прошедшем времени (*я пыталась, говорила я*).

Нарратив свидетельствует о причинах и, соответственно, о следствии возникновения семейной легенды.

Следование событий в тексте обеспечивается грамматическими формами глагола (например: прошедшее время: *он женился, они жили в нищете, умерли от чахотки*).

Прагматическое воздействие на читателя проявляется в содержании нарратива и реакции на него читателя (заинтересованность – незаинтересованность). Придумывание историй и интриг обычно указывает на то, что у человека что-то неудачно складывается в реальном мире, или со стороны окружающих к нему слабый интерес либо вообще отсутствует.

Следующий пример нарратива, содержащий **стратегию саспенса**, представлен рассказом молодой девушки (эксплицитный нарратор), которая пытается найти ответ на интересующий ее вопрос относительно прошлого своей семьи.

*«Однажды мама вдруг показала мне, пятнадцатилетней, вещь, которая мне не попадалась, сколько я ни **рыскала** по дому в поисках **любопытных находок**. Это был маленький, с пол-ладони, воздушным кружевом вывязанный кошелек, а внутри **что-то** твердое: сложенный вчетверо, треснувший на сгибах листок картона. Внутри, в самой середке, было аккуратно написано «Виктор Павлович Нелидов». Моя бабушка Лёля, дочь Сарры, всю жизнь носила этот кошелечек в кармане сумки, которую прижимала к боку. Я стала расспрашивать, мама не знала, кто это. Я настаивала: **а как это надо понимать? Вот так и понимать**, сказала мама, и на этом разговор кончился» [Степанова 2017].*

В анализируемом примере **стратегия саспенса** реализуется посредством **тактики размышления**, которая включает наречия времени *однажды* (в значении: *когда-то раньше*), наречия образа и способа действия *вдруг* (в значении: *непредсказуемо, внезапно, неожиданно*) и неопределенного местоимения *что-то* (в данном случае – *некий предмет, вещь*).

Героиня размышляет о тайне своей бабушки, хранившей всю жизнь странную вещь, которую называет *любопытной находкой*. Под качественным прилагательным *любопытный* подразумевается нечто интересное и достойное внимания. Использование наречий *однажды* и *вдруг* дает читателю информацию о внезапном, неожиданном попадании предмета в поле зрения нарратора, пытавшегося проанализировать степень его важности для обладательницы: кусок картона с написанным на нем именем мужчины сложен вчетверо, спрятан в кошелек, кошелек помещен в сумку, сумку носили всю жизнь при себе. Перечисление последовательных действий, связанных с данной вещью, вызывает любопытство нарратора и заставляет размышлять. Заданный вопрос матери – *а как это надо понимать?* – остается без ответа. Глаголы *рыскать*, *расспрашивать*, *настаивать* (на ответе) обозначают действия, связанные с попыткой узнавания чего-то нового и выстраивания логической цепочки.

В предложенном примере нарратор не все знает об интересующем его лице – бабушке, и ничего не знает о человеке, роль которого в ее жизни для членов семьи так и осталась тайной.

Пол нарратора в нарративе прослеживается по согласованию личного местоимения с предикатом в прошедшем времени (*я стала, настаивала*), *мне пятнадцатилетней* (девушка в возрасте 15 лет).

Нарративная история излагается от первого лица, рассказывающего о третьем лице («рассказ о других»). Нарратор лично незнаком с героем своего рассказа, в лице которого выступает бабушка, из чего следует, что его рассказ о близкой родственнице субъективен.

Форма речевой организации монологическая, логичная, речевой объем развернутый. Прагматическое воздействие на читателя осуществляется за счет языковых средств, позволяющих проследить заинтересованность нарратора в узнавании нового и необъяснимого, так и оставшегося неразгаданным, а значит, вызывающем еще больший интерес. Стратегия саспенса нашла отражение в желании нарратора привлечь внимание к себе через историю своей семьи,

трагические подробности одновременно притягивают и отталкивают, требуют богатого воображения рассказчика и слушателей, способных в них поверить. Разгадывать чужие тайны так же интересно, как и сочинять свои собственные.

2.3. Сопоставление стратегий и тактик в женском нарративе немецкоязычных и русскоязычных художественных произведений

В ходе проведенного исследования нами был выявлен ряд особенностей нарративов нарраторов-женщин в немецко- и русскоязычных художественных произведениях, в которых женщина ведет повествование от первого лица о себе («рассказ о себе» – личностный нарратив), о третьем лице (лицах) («рассказ о ком-то, чем-то»). Согласно полученным результатам, нами выделяются следующие стратегии: *самопрезентации, интроспекции, ретроспекции, пересмотра, эмпатии, дистанцирования и саспенса.*

Мы сохраняем общие наименования стратегий для немецко- и русскоязычных произведений, исходя из того, что чувства у всех людей одинаковы, что дает право говорить об универсальности стратегий. Основываясь на моделях коммуникации К. Бюлера и Ю. М. Лотмана, разделяем стратегии на:

1) Я – Я₁ – отношение к себе; Я – ТЫ – отношение к коллективному адресату/читателю (стратегии самопрезентации, интроспекции, ретроспекции, пересмотра);

2) Я – ОН – отношения персонажа/нарратора к другим персонажам (стратегии эмпатии и дистанцирования);

3) Я – ТЫ – отношение автора/нарратора к коллективному адресату/читателю (стратегия саспенса).

Уточним, что Я – рассказчик, Ты – адресат, Он – персонаж.

Я – Я₁ (*стратегии интроспекции и пересмотра*) – это автокоммуникация, в результате которой человек получает новое знание о себе самом, меняется его

сознание, поэтому он уже не Я, а Я₁. Это лирический субъект, прежде всего. Дистанция между нарратором и объектом описания минимальна.

Стратегии самопрезентации и *ретроспекции* обращены как к себе, так и к коллективному адресату: Я – Я₁ и Я – ТЫ, т. е. здесь не только автокоммуникация, не только внутренняя, но и внешняя перспектива. Нарратор не только лирический субъект, но и рассказчик, т. е. осуществляет коммуникацию не только с самим собой, но и с коллективным адресатом (читателями).

Я – ОН (*стратегии эмпатии* и *дистанцирования*) – дистанция между нарратором и объектом описания самая большая, наблюдается внешняя перспектива. Эти авторские проявления выступают в тесном единстве, но в разных нарративных ситуациях, одна из них может выдвигаться на первый план.

Я – ТЫ (*стратегия саспенса* – это авторский прием, чтобы заинтриговать читателя) – преобладает внешняя перспектива, лирический субъект отходит на задний план. Для нарратора важно так рассказать историю, чтобы вызвать интерес читателя.

За единицу измерения объема проанализированных нарративов нами был принят нарративный блок. В немецком языке было рассмотрено 158 нарративных блоков, в русском языке – 168. Рассмотрим, как представлены основные стратегии в немецко- и русскоязычных произведениях (Таблица 1).

Анализ материала показал, что в 326 нарративных блоках реализовано 7 видов стратегий, самыми частотными из них являются стратегии *самопрезентации* – 22,1% и *интроспекции* – 18,4%, позволяющие получить информацию из области биографии, семейного положения, увлечений, профессиональных характеристик нарратора и личности, которую он презентует читателю. Стратегии *ретроспекции* – 14,7%, *эмпатии* – 14,4%, *пересмотра* – 13,8% и *дистанцирования* – 11,7% – занимают в нарративе также довольно значимое место, стратегия *саспенса* – 4,9% замыкает список выделенных нами стратегий.

Таблица 1 – Общее количественное и процентное соотношение нарративных стратегий по отношению к общему количеству исследованных блоков в литературных произведениях

№	Стратегии	Кол-во	Немецкоязычные произведения (НП), кол-во (%)	Русскоязычные произведения (РП), кол-во (%)
Я – Я ₁ (Я – персонаж/нарратор) и Я – ТЫ (ТЫ – коллективный адресат/читатель)				
1	<i>самопрезентации</i>	72 (22,1%)	42 (26,6%)	30 (17,8%)
2	<i>интроспекции</i>	60 (18,4%)	28 (17,7%)	32 (19%)
3	<i>ретроспекции</i>	48 (14,7%)	21 (13,3%)	27 (16,1%)
4	<i>пересмотра</i>	45 (13,8%)	17 (10,8%)	28 (16,7%)
Я – ОН (межличностные отношения персонажа/нарратора с другими персонажами)				
5	<i>эмпатии</i>	47(14,4%)	27 (17,1%)	20 (11,9%)
6	<i>дистанцирования</i>	38 (11,7%)	16 (10,1%)	22 (13,1%)
Я – ТЫ (отношение автора/нарратора к коллективному адресату/читателю)				
7	<i>саспенса</i>	16 (4,9%)	7 (4,4%)	9 (5,4%)
	<i>Всего:</i>	326 (100%)	158 (100%)	168 (100%)

Предполагаем, что нарратор-женщина предпочитает говорить о других чаще (стратегия *эмпатии* – 14,4% и *дистанцирования* – 11,7%), чем о себе (стратегия *самопрезентации* – 22,1%) и *интроспекции* – 18,4, однако она умеет переключать внимание собеседника на себя, руководствуясь своими интересами.

Процентное соотношение нарративных стратегий в немецкоязычных произведениях представлено на Рисунке 1, в русскоязычных произведениях – на Рисунке 2.

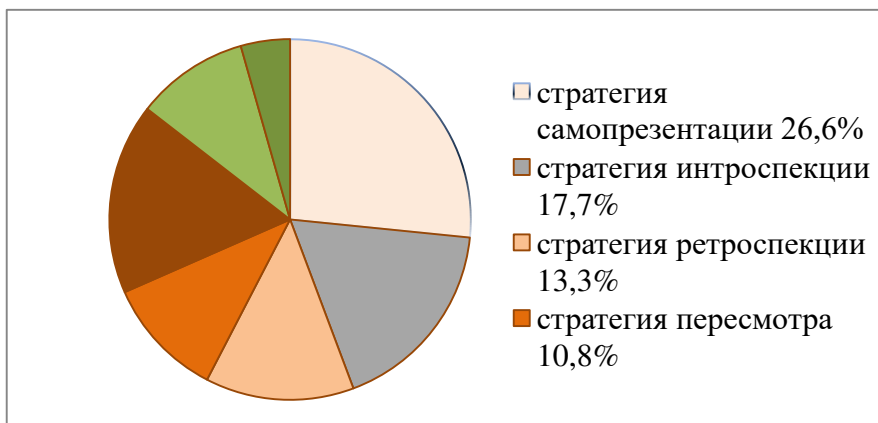

Рисунок 1 – Процентное соотношение нарративных стратегий в немецкоязычных произведениях

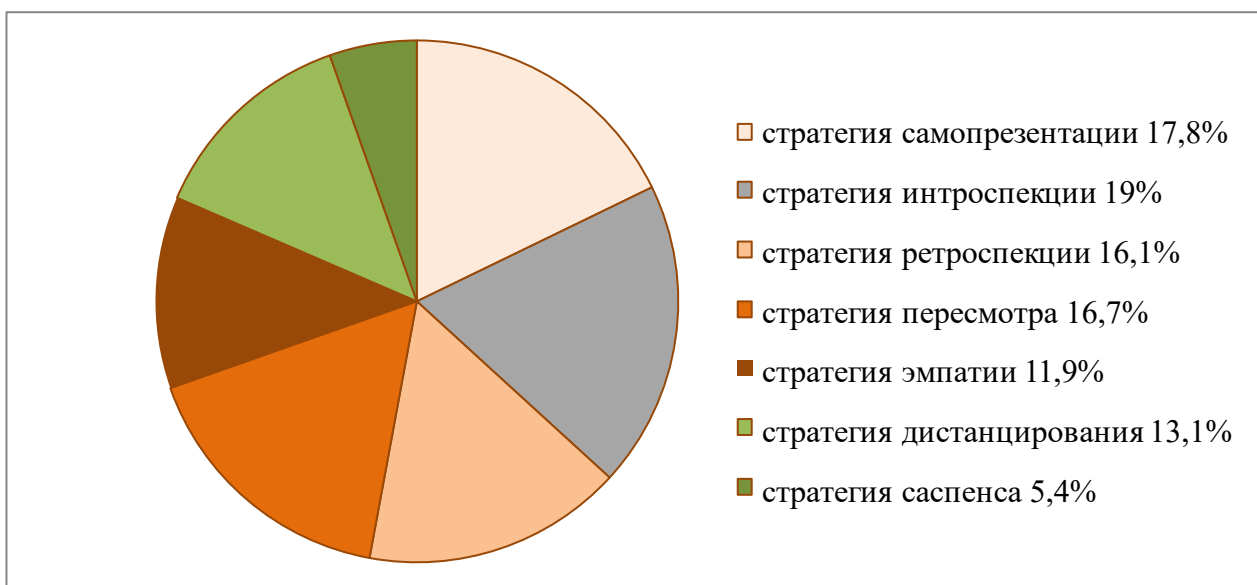

Рисунок 2 – Процентное соотношение нарративных стратегий в русскоязычных произведениях

Наряду с вышеуказанными стратегиями, применяются также комплексные стратегии, которые являются неотъемлемой частью вышеуказанных стратегий.

Таблица 2 – Комплексные стратегии

В немецкоязычных произведениях (НП)	В русскоязычных произведениях (РП)
<i>самопрезентации – ретроспекции</i>	<i>самопрезентации – ретроспекции</i>
<i>интроспекции – ретроспекции</i>	<i>интроспекции – ретроспекции</i>
<i>ретроспекции – пересмотра</i>	<i>пересмотра – ретроспекции</i>
<i>эмпатии – ретроспекции</i>	<i>эмпатии – дистанцирования – ретроспекции</i>
<i>дистанцирования – ретроспекции</i>	<i>эмпатии – дистанцирования</i>
	<i>саспенса – ретроспекции</i>

Комплексные стратегии позволяют более детально рассмотреть нарратив, что, однако, не является основной составляющей данного исследования. С учетом того, что нарратив представляет собой повествование о прошлых событиях, можно заметить, что дополнительной стратегией по отношению к основной является стратегия ретроспекции, которая, в зависимости от языка литературного произведения, отличается по своим лингвистическим средствам, на что мы обратим внимание ниже.

Рассмотрим основные стратегии с их прагматическим значением и лингвистическими средствами в рамках анализируемых примеров, не обобщая и не перенося полученные результаты на всех представительниц лингвокультур.

Стратегия самопрезентации показывает нарратора как разностороннюю личность, упоминающую свои положительные и отрицательные стороны характера, отношение к окружающим, профессиональные качества, умение презентовать себя обществу.

Данная стратегия направлена на процесс представления личностью собственного образа в социальном мире, который характеризуется направленностью на формирование у окружающих определенного впечатления

о себе. При этом следует отметить совмещение повествовательных перспектив (внешней и внутренней), ауториального и персонального рассказчика.

В немецкоязычных произведениях (далее НП) нарратор проявляет себя более активно при представлении себя окружающим, что выражается в 26,6% примеров. Героиня рассуждает о своей профессиональной принадлежности, также о себе как члене семьи, коллектива, обращает внимание на свой знак зодиака по гороскопу, что объясняется вероятным наличием стрессовой ситуации или потрясений в ее жизни. Проблемы внешнего вида и возраста становятся одними из ключевых аспектов ее внутренних переживаний.

Представительница русскоязычной культуры позиционирует себя как человека, на котором держится семья, она берет на себя ответственность за воспитание детей и уход за пожилыми людьми, готова много трудиться ради ребенка. Такие примеры составляют 17,8% от общего количества. Нарратор демонстрирует силу воли, природный талант, способность приспосабливаться, чтобы выжить и, несмотря на физический недуг и обиды, стремится к людям, хочет быть принятой в обществе и быть с ним на равных.

К лингвистическим средствам выражения в НП относим презенс как основополагающую временную форму и отмечаем двоякую направленность – Я – Я₁ и Я – ТЫ. Отношение к нарратору складывается из его внутренних качеств, отраженных в оценочной лексике, а также самоиронии нарратора. Часто используемые личное местоимение *ich* – «я» и притяжательное местоимение *mein* – «мой» также являются маркерами стратегии самопрезентации.

В русскоязычных произведениях (далее РП) нами отмечается наличие нейтральной и отрицательной лексики в собственной характеристике нарратора, а при описании происходящего, как и в НП, используется настоящее время.

Одним из главных индексов *стратегии интроспекции* является внутренний монолог нарратора. Так, помимо представления самого себя и выражения интереса по отношению к другим, нарратор самостоятельно

углубляется в различные аспекты своей собственной активности – мысли, образы, переживания, что проявляется в *стратегии интроспекции*, составляющей 17,7% для немецкоязычного нарратора и 19% для русскоязычного. В рамках приведенных примеров можно предположить, что немецкоязычный нарратор, анализируя события, быстрее реагирует на опасность, в то время как русскоязычному нарратору требуется больше времени для принятия решения.

Стратегия интроспекции затрагивает ментальное, эмоциональное и физическое состояние нарратора, оцениваемое им самим, будучи погруженным в воспоминания, размышляющим о будущем, строящим планы и пытающимся найти объяснения имевшим в его жизни определенным событиям. Нарратор ведет внутренний диалог с собой, наблюдает со стороны за своими эмоциями и чувствами, анализирует происходящее в его душе. Стратегия интроспекции позволяет читателю наблюдать за внутренним миром нарратора. Следовательно, интроспекция – это, прежде всего, пространственное явление, в котором персонаж, выйдя из зоны комфорта, углубляется в свое индивидуальное пространство – внутренний мир.

Лингвистическими средствами выражения *стратегии интроспекции* являются: лексика, демонстрирующая чувства; процесс размышления, внутренний монолог – для НП, для РП – эмоционально-экспрессивная лексика.

Признаки стратегии интроспекции – саморефлексивность (поиск себя, самоирония – для НП), повествование/рассуждение, для русскоязычной – саморефлексивность (самокритика, принятие реальности, смирение – для РП), повествование/рассуждение. Эмоциональный аспект выражен на лексическом и синтаксическом уровнях. Неполные (односоставные) предложения свидетельствуют об описании нарратором ситуаций, которые ограничиваются им с учетом его коммуникативной потребности. Одним из видов неполных предложений выступают эллиптические предложения. Незаконченные предложения позволяют нарратору быстро выразить мысль либо посредством таких видов предложений составить план дальнейших действий. Для получения

определенной информации нарратор использует вопросительные предложения. Нарушение синтаксической структуры объясняется поиском нарратора наиболее подходящего выражения или слова, необходимостью уточнения передаваемой информации. Для стратегии интроспекции также характерно наличие модальных глаголов.

Нарратор мысленно выстраивает в определенный временной ряд прошедшие события жизни, что позволило нам обозначить **стратегию ретроспекции**, в которой 13,3% приходится на НП и 16,1% – на РП.

Стратегия ретроспекции представляет собой «обращение в прошлое», его поиски и воскрешение в памяти, в нашем случае ретроспекция используется как прием повествования, относящий адресата (читателя) к предшествующей содержательно-фактуальной информации. Ретроспекция играет роль связующего звена между настоящим и прошлым и проявляется как в случае изложения значимых для нарратора событий, так и при перестановке временных планов повествования.

Признаки стратегии для НП – значимые события в жизни (как положительные, так и отрицательные), для РП – ностальгические воспоминания (сожаление), значимые события в жизни (отрицательные).

Лингвистическими средствами выражения **стратегии ретроспекции** для обоих случаев является грамматическая категория пространственно-временной неразрывности, состоящая из определенной последовательности событий, фактов во времени и пространстве. Для НП характерно относительное употребление времен (плюсквамперфект, претерит, кондиционалис 2).

Индексами **стратегии ретроспекции** являются повторяющееся событие в прошлом (например: *immer – всегда, jeden Tag – каждый день*), претерит и наречие времени *jetzt (сейчас)*, которые показывают дистанцию во времени; предшествование во времени: *vor zehn Jahren*. Названное ранее время прослеживается в наречии времени *seitdem (с тех пор)*. Разрыв между упоминаемыми событиями и удаленность во времени может передаваться через ряд выражений: *zwei Jahre später – спустя два года, aus dem vorigen Jahrhundert*

– из прошлого века. К индексам стратегии ретроспекции также относим перечисление увеличивающихся числовых указателей возраста: 37, 40, 47, 49, 50.

Индексом **стратегии ретроспекции** является относительное употребление временных форм: перфект, плюсквамперфект при употреблении вместе с презенсом и претеритом показывают предшествование одного действия другому, итеративный претерит демонстрирует повторяемость событий в прошлом. Наречие времени *jeden Tag* – *каждый день* используется чаще в разговорной речи и характерно для подчеркивания регулярной периодичности. На стратегию ретроспекции также может указывать сочетание модального глагола и инфинитива 2, тогда как переход к обобщающему, а затем к квалифицирующему презенсу означает смену повествовательной стратегии от ретроспекции к самопрезентации.

В РП наречие *уже* указывает на завершенное действие, наречия *когда*, *когда-то*, *тогда*, *впоследствии* служат для описания события в прошлом, выражения *за год до (этого)*, *до ...* – предшествование. Существительное *детство* (прошлое) и словосочетание *зрелый возраст* (настоящее) обращают внимание читателя на жизненный период нарратора. Используется устаревшая лексика (наречие *не токмо – не только*).

Нарратор имеет особенность переосмысливать и менять решение, что отражается в **стратегии пересмотра** и составляет 10,8% для немецкоязычного нарратора и 16,7% – для русскоязычного. Представительницы русскоязычной лингвокультуры, при всей ответственности и умении анализировать свои поступки и поступки других, надеются на кого-то еще. Для РП это близкие родственники и любимый мужчина, способные помочь, сделать женщину счастливой и взять ответственность за будущее. Соответственно, русскоязычный нарратор рисует в своем воображении уже устоявшийся положительный образ, который он хочет поддерживать, что заставляет нарратора прощать обидчиков. Немецкоязычный нарратор более осторожен и

избирателен в своих действиях, соответственно, не так часто сталкивается с неприятными ситуациями, он настроен прагматично.

Стратегия пересмотра направлена на переосмысление ранее принятого решения или заключения, которое может прийти к человеку сразу же или по прошествии неопределенного отрезка времени. Взвешенность фактов и доказательность выводов либо внутренняя потребность являются основными критериями, заставляющими нарратора пересматривать суждение по какому-либо вопросу.

Лингвистическими средствами выражения *стратегии пересмотра* в НП являются: лексика с семантикой процесса принятия решения и обдумывания; оценочная лексика (отрицательная, положительная оценка). Нарратору важно выделить в своем повествовании новые и важные аспекты, что он и делает через сравнение (*als, aber wenn*). Выбор между двумя возможностями (*oder*) объясняет предпочтение нарратора одного явления другому. Различные виды модальности (потенциальная: *können*, интенциональная: *wollen*, гипотетическая: *würde* + инфинитив, дебитивная: *haben* + *zu* + инфинитив, *sollen, müssen*) показывают отношение рассказчика к действию, оценку действия и др. Выражение сомнения передается через модальные слова: *kaum* – *едва, чуть, еле*; *eigentlich* – *собственно, вообще*; *ebenfalls* – *точно также, аналогично*, оттеночные частицы: *denn, doch, gar, nur*. Наречие *wieder* – *опять, снова, вновь* – демонстрирует повторяющееся действие, наречие *anders* – *иной, другой* указывает на определенные отличия от чего-либо. Противопоставление себя другим происходит через личное местоимение «*ich* – я» местоимению «*wir* – мы».

В примерах из РП имеет место оценочная лексика (пейоративная и мелиоративная оценка), допускающая выражение различных точек зрения в оценивании ситуации или внутренних и внешних качеств человека. Союз «но» используется для противопоставления предшествующей информации, уступительный союз «хотя» демонстрирует согласие нарратора пойти на определенное соглашение и отказ от противостояния. Частица *ни* (в составе

союза *ни ... ни*) служит для усиления отрицания. Сравнение позволяет нарратору сопоставить несколько разных взглядов на происходящее.

Как для НП, так и для РП характерны демонстрация моральных ценностей в обществе и межличностных отношений между супругами, однако для РП – это еще и отношения между детьми и родителями.

Стратегии эмпатии и дистанцирования свидетельствуют о желании женщины не только представить саму себя окружающим, но и дать положительную или отрицательную оценку тем, кто находится непосредственно в поле зрения.

Стратегия эмпатии демонстрирует способность нарратора считывать внутреннее состояние другого человека, умение сопереживать и сочувствовать. Нарратор соизмеряет эмоциональное состояние третьего лица (лиц) с собственными поступками и мыслями, он пытается предугадать поведение и действия героев, изучает их чувства, мысли и намерения. Наиболее яркие качества персонажей; их поступки, вызывающие доверие, уважение и восхищение, становятся ключевыми моментами в привлечении внимания нарратора, желающего поделиться с героем своими секретами и тайнами.

В НП в примерах со стратегией эмпатии (17,1%) нарратор касается вопросов доверия, переживаний, волнения, что несколько выше, чем у русскоязычного нарратора (11,9%), которого также волнует душевное и физическое состояние близких. Разницу в восприятии чувств другого человека можно объяснить сдержанностью и более строгой оценкой поступков окружающих у нарратора в русской культуре.

Лингвистическими средствами выражения стратегии эмпатии являются: в НП – нарратор отождествляет себя с другими через местоимение «*wir*». Лексика с положительной оценкой говорит о выражении симпатии нарратора третьему (третьим) лицам и согласии с их действиями. Ряд глаголов указывает на возможные совместные действия: *über alles mit einander reden* – обо всем говорить друг с другом, *wir verstanden uns vom ersten Tag an* – мы понимали друг друга с первого дня.

В РП к лингвистическим средствам выражения стратегии можно отнести местоимения «мы», «у нас», «всем»; лексику с положительной оценкой.

Признаки стратегии эмпатии в немецкоязычных произведениях – личная расположенность; наличие общих интересов, связанных с возрастными рамками (ровесники), чувство поддержки (ребенок – родители), в русскоязычных – доброжелательное отношение третьих лиц, внешняя привлекательность, чувство сострадания.

Женщине для ощущения гармонии с самой собой и окружающими требуется всплеск отрицательных эмоций, что может проявляться в *стратегии дистанцирования*, которую она может использовать по ряду причин (несоответствие поступков окружающих ее собственным представлениям) или интуитивно (сама не может объяснить причину). Нарратор в НП подвергает критике окружающих меньше – 10,1%, чем представительница русскоязычной культуры – 13,1%, что объясняется большей эмоциональностью русскоязычного нарратора.

Стратегия дистанцирования предполагает наличие негативных чувств и переживаний у нарратора, вызванных определенными проблемами, поступками и манерой поведения других героев. Основными критериями возникновения отдаления и соблюдения дистанции в отношениях нарратора и героев являются чувство разочарования, нереализованное ожидание, нежелание или неумение другого человека поддержать в ситуации, требующей вмешательства и поддержки.

Лингвистическими средствами выражения стратегии дистанцирования являются: для НП – сравнение; лексика, выражающая эмоциональное состояние, разговорная лексика; оценка происходящего – как «правильно – неправильно», противительный союз «aber», номинация с приставкой ex- (*der Exfreund*), неопределенное местоимение *jemand* (кто-то, кто-нибудь).

Для РП характерны: лексика, выражающая эмоциональную сферу человека, наречия *почти* (меры или степени), *куда-то* (направление), противительный союз «но».

Признаки стратегии дистанцирования для РП – описание общества, в котором отсутствуют моральные качества, есть предательство со стороны близких людей и ожидания часто оказываются обманчивыми. Для немецкоязычного нарратора это недостаточное внимание, разочарование, отсутствие взаимопонимания, поддержки и общих взглядов.

Нарратора как женщину интересуют тайны, вызывающие состояние тревоги и любопытства одновременно, что находит отражение в *стратегии саспенса* как привлечение интереса читателя к происходящему в нарративе – 4,4% для НП и 5,4% для РП. Русскоязычный нарратор заставляет читателя чаще испытывать чувство напряжения и ожидания, что, вероятно, можно объяснить тем, что нарратору не нравится его текущая жизнь, и он находит наиболее доступный для себя способ – конструирует свою жизнь при помощи слов. Немецкоязычный нарратор также подвержен придумыванию историй с элементами интриги, что также говорит о его желании заставить читателя обратить внимание на его личность.

Стратегия саспенса реализуется через состояние максимальной вовлеченности адресата (читателя) в происходящее, которое автор вызывает сознательно при помощи ряда приемов: 1) вызвать симпатию читателя к герою; 2) рассказать драматическую или вызывающую определенный интерес ситуацию или историю; 3) создать эффект удивления у читателя.

Лингвистическими средствами выражения *стратегии саспенса* являются для НП: статальные глаголы, указывающие на мыслительные процессы; союз *oder*. Оценочная лексика, противопоставление, аллюзия, риторические вопросы способствуют воссозданию происходящей действительности и дают возможность сделать речь нарратора выразительной и яркой. Для РП характерны наречия времени *однажды*, наречия образа и способа действия *вдруг*, неопределенного наречия *что-то*. Эмоционально-экспрессивная лексика и перечисление создают словесную образность повествования.

Признаки стратегии для РП – упоминание социального происхождения и истории предков, для НП – описание семейных отношений, анализ моды как совокупности привычек, вкуса и ценностей.

Нами были выявлены тактики *отождествления, противопоставления, размышления, самообвинения, рефлексивного воспоминания, интерпретации, сравнения, обвинения, критики, несогласия, противопоставления*, используемые для реализации представленных стратегий.

Каждая из выше проанализированных стратегий осуществляется через определенные тактики, имеющие свои отличительные средства распознавания – индикаторы, что мы и демонстрируем ниже:

1. Стратегия самопрезентации:

- *Тактика сравнения*

НП: общая и частная характеристики (знак зодиака – рассказчик): местоимения *wir* (мы) – *ich* (я).

- *Тактика размышления*

НП: модальные слова (*wirklich* – действительно, реально; *allerdings* – действительно, во всяком случае; *unbedingt* – обязательно, непременно; *wahrscheinlich* – вероятно, должно быть); разговорная лексика (*Klamotten* – тряпки); ирония; союзы со значением сомнения (*aber* – но, однако); кондиционалис 1.

РП: предлог *вроде*; союз *зато*; эллиптические, повелительные, вопросительные предложения; сравнения (*дите как принцесса*).

- *Тактика противопоставления*

НП: оценочные прилагательные (*sensible* – впечатлительный, *vorsichtig* – осторожный, *unentschlossen* – нерешительный); союзы *als* – в то время как, когда; *während* – в то время как, пока; наречие *stattdessen* – вместо, вместо этого.

РП: противительный союз *а*.

- *Тактика отождествления*

РП: сравнительный союз *как*, вводные слова (*наверное*).

2. Стратегия интроспекции:

- *Тактика самообвинения*

РП: сравнения; эмоционально-экспрессивная лексика (*дура*); отрицательная оценка (*виновата, стыд*).

- *Тактика размышления*

НП: глаголы, выражающие чувства (*sich fühlen – чувствовать, bedrücken – угнетать, тяготить, verloren gehen – теряться*) и процесс размышления (*denken – думать, полагасть, erfinden – изобретать, придумывать*); союзы *da – в то время как, тогда как; denn – так как; aber – но*; наречие *auch – также, тоже*; перечисления (*gequält, gesucht, gefragt – мучала, искала, спрашивала*); лексические повторы (*ich gehe verloren ... mir geht verloren, ich brauche ... ich brauche*); идиомы (*leichter gesagt als getan – проще сказать, чем сделать*); сопоставления.

РП: частицы *ведь, то*; клишированные выражения (*любовь, которую воспевают поэты*); фразеологизмы (*положить конец*).

3. Стратегия ретроспекции:

- *Тактика рефлексирующего воспоминания*

НП: упоминание фактов из жизни и их оценка; сравнения, перечисления (*37, 40, 47, 49*); лексические и синтаксические повторы (*Ich war 37 geworden, ich war 40 geworden – Мне исполнилось 37, мне исполнилось 40*); упоминания исторических личностей (*Jil Sander – Жиль Сандер*) и связанных с определенным событием дат (*Anfang der 80er Jahre – в начале 80-х*).

РП: упоминание фактов из жизни; союз *a то, (что)*; самокритика (*дрянь*), перечисление.

- *Тактика интерпретации*

НП: сравнения (*wäre ich der Hofhund – как будто я дворовая собака*); эмоционально-оценочная лексика.

РП: глаголы, выражающие эмоции, сострадание (*жалеть*).

- *Тактика размышления*

НП: глаголы, указывающие на процесс обдумывания или наличия знания (*wissen* – *знать*; *vorhaben* – *планировать, собираться*); лексика с положительной (*wunderschön* – *красивый, perfekt* – *выдающийся, klug* – *умный*) и отрицательной оценкой (*klodeckelgroß* – *огромный, erdig* – *испачканный землей*); наречия *mindestens* – *по меньшей мере, по крайней мере*; вводные конструкции (*unter anderem* – *в числе прочего*); модальные слова (*wirklich, eigentlich, allerdings*); риторические вопросы; придаточные дополнения, причины; инфинитивные конструкции (*um ... zu*); оттеночные частицы (*aber*); перечисления (*Es war kein Glücksgefühl, keine Erleichterung* – *Не было никакого ощущения счастья, никакого облегчения*); лексические повторы (*ein Wunder – mein ganz persönliches Wunder*); ирония (самоирония: *die Blumenkohlhaare* – *прическа, похожая на кочан цветной капусты*).

РП: глаголы, демонстрирующие мыслительный процесс (*подумать, думать*); противительный союз *a*; вводные слова (*возможно, наверное, вероятно*); частицы (*то, уж*); синтаксические повторы (*вот тогда я почувствовала ... вот тогда я поняла*); фразеологизмы (*приходить в голову, железная логика*).

4. Стратегия пересмотра:

- *Тактика сравнения*

НП: наречие *eher* – *скорее, вероятней*; противительный союз *aber*, союзы *als, wie*; оттеночные частицы (*doch* – *ведь, же*), модальные слова (*kaum* – *едва, чуть, еле*), противопоставление (*wir – ich*); оценочная лексика (отрицательная оценка: *blöd* – *дурацкий, kläglich* – *жалкий, ничтожный*; положительная оценка: *normal* – *нормальный, обычный; allerhöchst* – *самый подходящий*).

РП: противопоставления (*не хороший – не плохой, пикаперы – непикаперы*); оценочная лексика (номинации с мелиоративной: *рыцари, романтики, герои* и пейоративной оценкой: *подлецы, циники, негодяи*).

- *Тактика размышления*

НП: лексика, указывающая на процесс обдумывания; придаточные условия с *wenn*, риторические вопросы.

РП: наречие *почему-то*, противительный союз *но*, риторические вопросы; вводные слова (*конечно, пожалуй*); перечисления (*отомстить, обольстить, бросить*).

5. Стратегия эмпатии:

- *Тактика отождествления*

НП: личное местоимение *wir* – *мы*; притяжательное местоимение *unser* – *наш*; ирония (*eine Riesensauerei machen* – *устраивать грандиозное свинство*).

РП: притяжательные местоимения *наш, мой*; наречие *все*, личное местоимение *мы*.

- *Тактика размышления*

НП: вводные конструкции (*wie gesagt* – *как уже сказано*), придаточные причины с союзом *dass*; лексика с положительной оценкой, лексические и синтаксические повторы (*extra andünstete und anbriet und vor- und nachkochte und was weiß ich*); перечисления (*andünsten* – *тушить*, *anbraten* – *обжарить*, *vorkochen* – *парить*, *nachkochen* – *доваривать*).

РП: наречие *налицо*; частица *ведь*; вводные слова (*к примеру*), вводные конструкции (*скажу без ложной скромности*); противительные союзы (*а, но*); парный союз *не только ..., но и*; междометие *увы*; перечисления (*для любого человека: юного, зрелого, престарелого, больного, здорового, неудачливого, преуспевающего*).

6. Стратегия дистанцирования:

- *Тактика обвинения*

НП: прямая речь с угрозой расправы (доказательство недолжного отношения: *noch ein Wort, Sonja, und es knallt* – *еще одно слово, Соня, и я тебе задам*); гиперболизированная экспрессия (*ungeheuer feige* – *чудовищное предательство*; *unendlich oberflächlich* – *бесконечно далекий*); идиомы (*auf die Palme bringen* – *доводить до белого коленья*); разговорная лексика (*Los, horr* – *Пошел! Брысь!*).

РП: конфронтация, оценочная лексика (отрицательная: *паразит*), разговорная лексика.

- *Тактика критики*

НП: отрицательная оценка происходящего с наречием *immer* – *всегда, постоянно (immer schlechte Laune – всегда плохое настроение)*.

- *Тактика несогласия*

НП: анализ несовпадения собственных представлений о ценностях, с представлениями третьего лица – оскорбительные сравнения (*als wäre ich der Hofhund* – *как будто я дворовая собака*).

- *Тактика недоверия*

РП: наречия *странно, куда-то*.

- *Тактика противопоставления*

РП: сравнивает то, что было с тем, что есть.

7. Стратегия саспенса:

- *Тактика интерпретации*

НП: наречие *viel* – *много*; союзы *oder* – *или, либо*; *als* – *чем, нежели*; фразеологизмы (*sich an die Kehle fassen* – *испугаться*); ирония; аллюзии (выражение, используемое при упоминании о закате наполеоновской эпохи: *der Anfang vom Ende* – *начало конца*).

РП: вводные конструкции (*говорила я*); ирония.

- *Тактика размышления*

НП: лексика, указывающая на процесс размышления (*bedenklich sein* – *быть задумчивым, обеспокоенным, sich Gedanken machen über Akk.* – *задуматься над чем-то, беспокоиться, sich erinnern* – *вспоминать*); вводные слова (*sozusagen* – *так сказать, можно сказать*); риторические вопросы.

РП: наречия времени *однажды* и наречия образа и способа действия *вдруг*, неопределенное местоимение *что-то*; перечисления.

- *Тактика сравнения*

НП: оценочная лексика.

Представим полученные результаты в Таблице 3, указав их распределение по анализируемым лингвокультурам.

Таблица 3 – Тактики, реализующие стратегии в двух лингвокультурах

№	Стратегии	Тактики	
		в НП	в РП
1	<i>самопрезентации</i>	<i>размышления противопоставления сравнения</i>	<i>размышления противопоставления отождествления</i>
2	<i>интроспекции</i>	<i>размышления</i>	<i>размышления самообвинения</i>
3	<i>ретроспекции</i>	<i>рефлексирующего воспоминания, интерпретации размышления</i>	<i>рефлексирующего воспоминания, интерпретации размышления</i>
4	<i>пересмотра</i>	<i>сравнения размышления</i>	<i>сравнения размышления</i>
5	<i>эмпатии</i>	<i>отождествления размышления</i>	<i>отождествления</i>
6	<i>дистанцирования</i>	<i>обвинения критики несогласия</i>	<i>обвинения недоверия противопоставления</i>
7	<i>саспенса</i>	<i>интерпретации размышления сравнения</i>	<i>интерпретации размышления</i>

С учетом того, что весь личностный нарратив является самопрезентацией в широком смысле слова, **стратегия самопрезентации** понимается в узком смысле слова и реализуется тактиками *размышления, противопоставления, сравнения* в НП и *размышления, противопоставления, отождествления* в РП, что свидетельствует о разном подходе женщин различных культур представлять себя другим.

Стратегия интроспекции представлена *тактикой размышления* в НП и *тактиками самообвинения и размышления* в РП, что говорит о склонности русскоязычного нарратора приписывать себе неблагоприятные поступки и внутренне себя в них обвинять. На самом деле женщину никто не обвиняет, кроме нее самой. Чувство вины у нее возникает из-за несоответствия социальным представлениям относительно чего-либо и демонстрирует зависимость от мнения окружающих.

Стратегия ретроспекции осуществляется с помощью *тактик рефлексивного воспоминания, интерпретации и размышления* в НП и в РП. Оба нарратора склонны анализировать события, имевшие место в прошлом и оказавшие на них как положительное, так и отрицательное влияние.

Стратегия пересмотра воплощается *тактиками размышления и сравнения* в обеих культурах. Приходя к определенному решению или выводу, нарратор выстраивает в логическую цепочку события, обдумывает произошедшее, сопоставляет факты и приходит к определенному умозаключению.

Стратегия эмпатии реализуется *стратегиями размышления и отождествления* в НП и *отождествления* в РП. Немецкоязычный нарратор более склонен к объяснению самому себе своих внутренних ощущений по отношению к текущему эмоциональному состоянию третьего лица (лиц), ему нужны факты, а не внутренние ощущения, как русскоязычному нарратору.

Стратегия дистанцирования представлена *тактиками обвинения, критики и несогласия* в НП и *тактиками обвинения, недоверия и противопоставления* в РП. *Тактику обвинения* используют оба нарратора при осуждении, обвинении, приписывании кому-либо плохого поступка и позиционируют себя как личностей, имеющих право на подобное мнение. Немецкоязычный нарратор обращается к *тактике критики* с целью отрицательного оценивания поступков, к *тактике несогласия* для демонстрации разногласий и отсутствия единомыслия, что указывает на более требовательное отношение немецкоязычного нарратора к окружающим.

Русскоязычный нарратор, применяя *тактики недоверия* и *противопоставления*, оставляет третьему лицу надежду на свое возможное прощение и благосклонное расположение в будущем.

Стратегия саспенса осуществляется *тактиками интерпретации, размышления* и *сравнения* в НП и *тактиками интерпретации* и *размышления* в РП. Нарраторы обеих культур для реализации данной стратегии истолковывают выбранную линию поведения и придают смысл происходящему, высказывают свою точку зрения, приходят к определенным умозаключениям. Немецкоязычный нарратор сравнивает реальный и выдуманный мир, что позволяет предположить, с одной стороны, его настрой на мотивацию и конкурентоспособность, с другой стороны – слабую самооценку.

В следующей таблице представлено количественное и процентное соотношение использования тактик в стратегиях (Таблица 4).

Таблица 4 – Количественное и процентное соотношение использования тактик в стратегиях

Стратегии	Тактики	Кол-во примеров тактик, %			
		в НП		в РП	
<i>самопрезентации</i>	<i>отождествления</i>	63	2 (3%)	45	14 (31%)
	<i>противопоставления</i>	(100%)	14 (22%)	(100%)	13 (29%)
			28 (45%)		16 (36%)
			19 (30%)		2 (4%)
<i>интроспекции</i>	<i>размышления</i>	42	38 (90%)	48	34 (71%)
	<i>самообвинения</i>	(100%)	4 (10%)	(100%)	14 (29%)
<i>ретроспекции</i>	<i>рефлексирующего воспоминания</i>	31	17 (50%)	42	18 (43%)
		(100%)		(100%)	
	<i>интерпретации</i>		2 (5%)		9 (21%)
	<i>размышления</i>		12 (45%)		15 (36%)

<i>пересмотра</i>	<i>сравнения</i>	27	12 (44%)	42	19 (45%)
	<i>размышления</i>	(100%)	15 (56%)	(100%)	23 (55%)
<i>эмпатии</i>	<i>отождествления</i>	42	8 (19%)	34	4 (12%)
	<i>размышления</i>	(100%)	34 (81%)	(100%)	30 (88%)
<i>дистанцирования</i>	<i>обвинения</i>	25	12 (48%)	33	17 (52%)
	<i>критики</i>	(100%)	6 (24%)	(100%)	1 (3%)
	<i>несогласия</i>		5 (20%)		1 (3%)
	<i>недоверия</i>		1 (4%)		8 (24%)
	<i>противопоставления</i>		1 (4%)		6 (18%)
<i>саспенса</i>	<i>интерпретации</i>	10	6 (60%)	14	7 (50%)
	<i>размышления</i>	(100%)	3 (30%)	(100%)	6 (43%)
	<i>сравнения</i>		1 (10%)		1 (7%)
<i>Всего:</i>		240		258	

Из приведенной таблицы следует, что нарратор в обеих лингвокультурах (ЛК) использует различные тактики для реализации стратегий. **Стратегия самопрезентации** осуществляется немецкоязычным (НЯ) нарратором через тактики сравнения (30%), размышления (28%), противопоставления (22%) и отождествления (3%). У русскоязычного (РЯ) нарратора прослеживается несколько иная градация – здесь наблюдается практически одинаковое распределение процентного соотношения – тактика размышления (36%), затем следуют тактика отождествления (31%), противопоставления (29%), сравнения (4%), что показывает комфортное ощущение нарратора в среде, которой он себя представляет.

Стратегия интроспекции выражается тактиками размышления (90%) и самообвинения (10%) для НЯ нарратора, который практически не пытается найти причины своих неудач в себе. Он строит свои умозаключения на оценивании своего физического состояния, моральных принципов и

интеллектуальных способностей. Для РЯ нарратора тактика размышления составляет 71%, что несколько ниже, чем у представителя немецкоязычной ЛК. Тактика самообвинения гораздо выше – 29%, что свидетельствует о неуверенности нарратора и попытке найти себе оправдание или проанализировать, что было сделано неверно.

Для немецкоязычного нарратора **стратегия ретроспекции** осуществляется посредством тактик рефлексирующего воспоминания (50%), рассуждения (45%) и интерпретации (5%), для русскоязычного нарратора – тактика рефлексирующего воспоминания (43%), размышления (36%) и интерпретации (21%), что указывает на практически одинаковую логику в реализации стратегий у обоих представителей ЛК. Однако русскоязычный нарратор прибегает к тактике интерпретации чаще, чем немецкоязычный.

Для **стратегии пересмотра** наблюдается практически идентичное соотношение тактик размышления (56% в немецкоязычной ЛК и 55% в русскоязычной ЛК) и сравнения (44% в немецкоязычной ЛК и 45% в русскоязычной ЛК), что свидетельствует об одинаковом восприятии нарраторами проблем и принятых решений.

Стратегия эмпатии раскрывается через тактику размышления – 81% для немецкоязычного нарратора и 88% для русскоязычного нарратора, которые предпринимают попытку объяснить происходящее и дать положительную оценку окружающим. Тактика отождествления – 19% для немецкоязычного нарратора и несколько ниже – 12% для русскоязычного нарратора, который менее заинтересован в отождествлении себя с кем-либо еще – образом другого человека или его качествами.

Стратегия дистанцирования представлена тактиками наиболее ярко, здесь имеют место тактики обвинения (для НЯ нарратора – 48%, для РЯ нарратора – 52%), критики (для НЯ нарратора – 24%, для РЯ нарратора – 3%), несогласия (для НЯ нарратора – 20%, для РЯ нарратора – 3%), недоверия (для НЯ нарратора – 4%, для РЯ нарратора – 24%), противопоставления (для НЯ нарратора – 4%, для РЯ нарратора – 18%). Из полученных данных можно

сделать вывод, что представитель немецкоязычной лингвокультуры чаще выражает критику и несогласие, однако более сдержан в обвинении, недоверии и противопоставлении. Этого нельзя сказать о русскоязычном нарраторе, который обвиняет, не доверяет и противопоставляет, демонстрируя импульсивность своего поведения, с одной стороны, с другой стороны – способен терпеть обиды со стороны других и находить им объяснения. Женщины обеих культур склонны к обвинению не столько себя, сколько третьих лиц, что вполне объяснимо с точки зрения женской природы.

Стратегия саспенса реализуется тактиками интерпретации в процентном соотношении в немецкоязычной лингвокультуре несколько выше – 60%, чем в русскоязычной лингвокультуре – 50% и объясняется большей заинтересованностью НЯ нарратора в создании эффекта намеренной скрытости; тактика размышления для НЯ нарратора составляет 30% и для РЯ нарратора – 43%, сравнения (для НЯ – 10%, для РЯ – 7%). Представительница русскоязычной культуры ищет пути выхода из кризисной ситуации, что заставляет женщину прощать и доверять людям. Уход от реальности присущ немецкоязычному нарратору, который в представленных примерах старается не обращать внимания на внешний раздражитель и жить в своем мире, по своим моральным и нравственным правилам.

Следующим интересующим нас аспектом являются способы выражения имплицитного и эксплицитного типов нарратора. Нарратор обладает индивидуальными чертами личности, оценивает окружающих людей и мир действительности, он всеведущ и вездесущ. В нашем случае нарратор первичен, обрамляет историю и в плане изображаемого мира фигурирует в качестве субъекта повествования.

Имплицитное представление нарратора осуществляется с помощью индициальных (или индексных) знаков повествовательного текста, которые основываются на неявно выраженном появлении нарратора, воспринимаемого в качестве абстрактного автора, что является герменевтической проблемой, решаемой в ходе анализа текста. В индициальном изображении нарратора

участвуют следующие приемы построения повествования: 1) отбор элементов, в число которых входят персонажи, действия, ситуации, мысли и воспоминания героев; 2) детализация и конкретизация подбираемых элементов; 3) композиция повествовательного текста, в которой существенным критерием является расположение и сопоставление подбираемых элементов в определенном порядке; 4) лексическая и стилистическая презентация подбираемых элементов и их оценка; 5) обобщения, размышления, комментарии нарратора [Шмид 2008: 66–67].

Собственно говоря, имплицитный нарратор является носителем указываемых свойств, представленных выше, что происходит благодаря нарраториальной обработке, когда индексы являются не невольными, а намеренными. Имплицитный нарратор может проявляться через изменения стиля, манеру повествования, интеллектуальную аргументацию, мировоззренческую тематику и элементы риторики.

Имплицитный нарратор в немецкоязычных произведениях не конкретен, он объективен (повествует о событиях с ситуациями, действиями и героями и др.) и субъективен (зависит от прочтения и понимания нарративного блока), связан с текстом. Так, нарратор интересуется вопросами моды и упоминает в нарративе типично женские предметы одежды; нарратор увлекается фильмами и книгами, по своему содержанию предназначенными для женщины, и особое внимание уделяет семье, мужу и детям, появление которых в ее жизни объяснимо и запланировано. Однако в ряде нарративных блоков читателю невозможно определить тип нарратора.

В РП имплицитный нарратор также узнаваем за счет фоновых знаний читателя, подтекста, из которого извлекается информация о нарраторе. Сюда можно отнести склонность русскоязычного нарратора к романтике и мечтательности, проявляющиеся в его взрослении, а также в воспоминаниях о членах семьи, в особенности когда речь идет о нелегкой женской судьбе. Имплицитность нарратора прослеживается в его отношении к комфорту и чистоте, что чаще свойственно женщинам, чем мужчинам. Имплицитность

нарратора в НП проявляется по внешним, физиологическим, социальным признакам, тогда как в русскоязычной лингвокультуре показывается через косвенное представление нарратора, что передается через описание внутренних переживаний, отношение к бытовым проблемам, отрытое выражение эмоционального состояния, через оценочную лексику.

Что касается эксплицитного изображения нарратора, то оно в большинстве случаев основывается на его вербальном представлении, что реализуется в самопрезентации, куда входят следующие компоненты: 1) имя нарратора; 2) описание себя как повествующего «я»; 3) изложение истории своей жизни; 4) раскрытие своего образа мышления [Шмид 2008: 68]. Однако нельзя сказать, что эксплицитность нарратора обязательно выражается в подробном самоописании, так как само употребление формы глагола первого лица и местоимений уже представляет собой самоизображение, хотя и редуцированное.

Критериями эксплицитности в НП являются номинации женского рода, образованные от существительных мужского рода: *der Liebesromanautor – die Liebesromanautorin, der Moderator – Moderatorin*; женские имена собственные: *Sonja, Olivia, Juliane Mark, Diane Dollar*; существительные, относящиеся к женскому роду по биологическому полу: *das Mädchen*.

Для нарратора в РП эксплицитность может быть представлена согласованием личного местоимения «я» с предикатом в прошедшем времени (*я быстро поняла*), определительным местоимением (*сама на работу*), субстантивированным числительным (*пятнадцатилетняя*). Все это лингвистические единицы, эксплицитно указывающие на женский род.

Следовательно, имплицитный нарратор-женщина в нарративных блоках НП и РП узнаваем в большинстве случаев косвенно за счет проявления типично женских интересов и занятий. В немецком литературоведении имплицитный нарратор – это нейтральный повествователь, в отличие от персонифицированного и ауториального рассказчика. Эксплицитный нарратор

проявляется за счет грамматических и лексико-семантических особенностей языка и наличия женских имен собственных.

Наличие имплицитного и эксплицитного нарратора в тексте свидетельствует о намерении автора на уровне скрытого или открытого смысла заставить читателя сравнивать свои представления об обсуждаемой проблеме или действительности с представлениями читателя. Автор может попытаться убедить читателя занять единую с ним позицию, заставить читателя размышлять.

Далее отметим реализацию понятия фокализации в рассмотренных художественных произведениях анализируемых лингвокультур. Как мы писали уже выше, фокализация – это представление точки зрения, через которую читателю подается история. Следует отметить внутреннюю фокализацию, которая дает возможность читателю взглянуть на мир с точки зрения нарратора и получить информацию о повествуемом мире, пропущенную через призму его сознания.

В НП внутренняя фокализация представлена в виде внутреннего монолога героини, в котором встречаются ретроспективы: рассказы о членах семьи, воспоминания о детстве, сравнение своих внешних и профессиональных данных в разные периоды времени, попытка проанализировать свои детские и подростковые переживания с позиции уже взрослого человека. Для немецкой лингвокультуры это история семьи, рассказывая которую персонализированный повествователь ссылается на свой эмпирический опыт, в первую очередь это касается проблемных отношений внутри семьи. Особый интерес представляют введенные в текст события, которые в дальнейшем служат толчком для размышлений. Обычно такие эпизоды представлены ситуациями, травмирующими нарратора, вызывающими чувство безысходности и глубокого горя.

В РП фокализация также реализована посредством внутреннего монолога нарратора, размышляющего о членах семьи и семейных историях, воспоминаний о нелегких жизненных ситуациях. Вербальным компонентом

взаимодействия между читателем и автором являются события из прошлого, в нашем случае – история страны и история семей, по-разному организовавших свою жизнь в то далекое время. Для этих эпизодов характерно сообщение информации, которая не являлась частью эмпирического опыта нарратора, что потребовало дополнительных действий со стороны нарратора для получения недостающих и неизвестных сведений, которые он получает из воспоминаний родных, тогда как немецкоязычный нарратор руководствовался собственным опытом.

Нарратор часто ведет повествование со своей точки зрения, которая заложена в определенную нарративную стратегию, представляющую собой основную характеристику параметров сюжетно-повествовательного произведения (повествования), основанного на принципе взаимосвязи коммуникативного намерения и событийного ряда. Определенная систематизация эпизодов, заключающаяся во фрагментации истории и связывании событий в определенную последовательность, способствует сюжетной организации нарративности.

Рассмотрим номинации женского рода, позволяющие проанализировать выявленность женщины как таковой в нарративных блоках. Для НП можно отметить лексические единицы, которые номинируют лица женского пола в нарративе нарратора-женщины: *die Schwester, die Frau, das Mädchen, die Cousine, die Liebesromanautorin, die Moderatorin, die Freundin, die Lehrerin*. Рассмотренные нами номинации лиц женского пола можно разделить на следующие группы: 1) женские профессии/вид деятельности: *die Liebesromanautorin, die Moderatorin, die Lehrerin*; 2) родственные отношения: *die Schwester, die Cousine*; 3) дружеские отношения: *die Freundin*; 4) происхождение: *die Frau* (ранее аристократки), *das Mädchen* (ранее девушки из престолярства, прислуга).

Приведенные выше примеры позволяют выделить ряд суффиксов: суффикс *-chen* имеет также уменьшительно-ласкательное значение: *das*

Mädchen; суффиксы *-e*: *der Cousin – die Cousine*; суффикс *-in*: *der Moderator – die Moderatorin*.

В проанализированных примерах имеют место случаи несовпадения биологического пола объекта описания с родом существительного (в немецком языке: *das Mädchen*), что объясняется этимологией слова. Существительное среднего рода *das Mädchen* (девочка, девушка, домашняя работница, девица) с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-chen*, который указывает на средний род и синонимично существительному *das Mädel*, образованному от уменьшительной формы *die Magd*. Первое упоминание в немецком языке датировано серединой XVII века, использовалось в землях Тюрингии и Саксонии в упрощенной форме *Mäke, Mäche(n)*. Раннее существительное *das Mädchen* использовалось чаще в значении «домашняя работница», с 1832 года – во всех остальных значениях. Написание слова изменялось в разные периоды времени: в XV веке в письменных источниках встречается *mēgedeken*, с начала XVI века – *Medichen*, в XVII веке появляется вариант *Mägdchen*, который и стал протопопом современному слову *das Mädchen* [DWDS].

В немецком языке встречается пример словосложения: *die Jungfrau* (*jung* (прил.) + *die Frau* (сущ.)).

Для РП выделяем номинации для лиц женского пола (*няня, уборщица, уродинка, прислуга, принцесса, девка, жена, дура, шалава, красавица, супруга, бабушка, дворянка, мама*), среди которых: 1) женские профессии/вид деятельности (*прислуга, няня, уборщица*); 2) родственные отношения (некровные: *супруга, жена*); 3) родственные отношения (кровные: *мама, бабушка*); 4) отрицательная оценка (*уродинка, дура, шалава*); 5) положительная оценка (*красавица*); 6) сравнение: (титул: *принцесса*).

Для русского языка характерны суффиксы: *-к(а)*: *уродинка* (оценочное значение, смягчающее), *девка* (сниженное значение); *-иц(а)*: *красавица* (от прил.: *красивый*); *-щиц(а)*: *уборщица* (сфера занятости); *-есс(а)*: *принц – принцесса* (титул в переносном смысле).

Таким образом, присутствие женщины в тексте может быть показано через номинации женщин, употребляющиеся в речи мужчин и женщин, или через лексемы, идентифицирующие говорящего как женщину. Здесь также можно выделить лексические единицы, указывающие на гендер, и лексемы с выраженной оценочностью и/или стилистической маркированностью.

Как в русском языке, так и в немецком ряд существительных изначально указывал на лица женского пола по сфере деятельности или занятости, имеют место также существительные, используемые для обозначения как мужчин, так и женщин.

Выводы по второй главе

Проведенное исследование позволило выявить основные стратегии в нарративе нарратора-женщины. В обеих анализируемых лингвокультурах эти стратегии направлены на: 1) отношение нарратора к себе Я – Я₁ (Я – персонаж, он же нарратор), коллективному адресату/читателю (Я – ТЫ): стратегии *самопрезентации, интроспекции, ретроспекции, пересмотра*; 2) отношение нарратора к другим Я – ОН (Я – персонаж, он же нарратор, ОН – другие персонажи): стратегии *эмпатии, дистанцирования*; 3) отношение автора/нарратора к коллективному адресату/читателю Я – ТЫ (Я – автор, он же нарратор, ТЫ – коллективный адресат/читатель): стратегия *саспенса*.

Отношение нарратора к самому себе проявляется по следующим критериям: оно может быть внимательным и безответственным, позитивным и критичным, формироваться на основе мнения или влияния окружающих либо устанавливаться самим нарратором. Принимая во внимание женскую природу нарратора, считаем вполне объяснимым его способность рассуждать о преимуществах и недостатках сложившегося положения или ситуации в его жизни, отождествлять и противопоставлять себя окружающим.

В немецкоязычной лингвокультуре чаще всего встречаются стратегии самопрезентации и эмпатии, в русскоязычной – стратегии интроспекции, ретроспекции, пересмотра, дистанцирования, саспенса. Большое количество

примеров стратегии самопрезентации в немецкоязычных произведениях свидетельствует о направленности нарратора на создание положительного образа у окружающих и поддержке его на протяжении необходимого нарратору времени. Немецкоязычный нарратор склонен положительно оценивать деятельность, моральные и духовные качества других и сострадать третьему лицу (лицам), что выражается в стратегии эмпатии и свидетельствует о его открытости и положительном настрое.

В русскоязычных произведениях стратегия интроспекции занимает первое место, что говорит о потребности нарратора анализировать свои действия с целью выявления положительных и отрицательных аспектов предпринятого ранее действия или принятого решения. Стратегия ретроспекции демонстрирует склонность нарратора к погружению в прошлое, воспоминание о котором могут иметь как положительное, так и отрицательное влияние на настоящее. Нарратор пересматривает происходящее, взвешивает факты и ищет доказательства, что говорит о его умении концентрироваться и выделять ключевую информацию. Стратегия дистанцирования также преобладает в русскоязычных нарративах и объясняется потребностью нарратора подходить к оцениванию черт характера и поступков других более тщательно, вследствие ее чувства гиперответственности за близких, требующего избирательного подхода к окружающим. Стратегия саспенса применяется нарратором с целью вызвать интерес и положительные эмоции по отношению к герою у читателя, создать определенную атмосферу тайны и удивления. Русскоязычный нарратор более восприимчив к неизвестному, нежели прагматичный и взвешивающий свои действия немецкоязычный нарратор.

В ходе исследования были выявлены тактики, реализующие вышеупомянутые стратегии. Стратегия самопрезентации представлена тактиками отождествления, противопоставления и рассуждения. Ведущую позицию занимает тактика противопоставления в лингвокультуре немецкоязычного нарратора как попытка акцентировать внимание на каких-либо отличиях. В речи русскоязычного нарратора тактики практически в

равнозначных пропорциях, что говорит о его разносторонности и умении контролировать себя в различных ситуациях.

Стратегия интроспекции осуществляется тактиками размышления и самообвинения и имеет расхождения в немецко- и русскоязычной лингвокультурах с преимуществом в тактике рассуждения для немецкоязычного нарратора и высоким процентом использования в тактике самообвинения для русскоязычного, который ищет причины неудач в себе, в отличие от немецкоязычного, принимающего произошедшее как факт.

В стратегии ретроспекции имеют место тактики рефлексирующего воспоминания, интерпретации, размышления, характеризующие немецкоязычного нарратора как личность, которая в большей мере стремится к пониманию внутреннего содержания интерпретируемого объекта и вызывает в памяти образы, события и обстоятельства из прошлого. Русскоязычный нарратор предпринимает попытку объяснения тому, что произошло через тактику размышления – ему важно выявить причины произошедшего.

Стратегия пересмотра реализуется тактиками сравнения и размышления и практически равнозначна для представителей обеих лингвокультур, которые по своей женской природе стремятся к установлению сходств и различий между объектами и детально изучают имевшие место события.

Следующим критерием к построению модели литературной коммуникации в художественных произведениях с персонифицированным нарратором выступает отношение нарратора к другим персонажам, что проявляется в его эмпатии и дистанцировании.

Стратегия эмпатии осуществляется тактикой отождествления с несколько более высоким показателем для русскоязычного нарратора как личности, стремящейся к признанию каких-то явлений одинаковыми, и тактикой рассуждения – для немецкоязычного нарратора, пытающегося дать объяснения своим чувствам относительно других.

Стратегия дистанцирования представлена тактикой обвинения, более характерной для русскоязычного нарратора – он ищет причину проблемных

ситуаций в других. Тактики критики и несогласия свойственны в большей мере немецкоязычному нарратору, выражающему недовольство и несогласие в более сдержанной форме, не проявляя эмоции открыто. Тактики недоверия и противопоставления выражены в нарративах русскоязычной лингвокультуры, что показывает сомнения в правдивости и искренности с позиции русскоязычного нарратора – он более осторожен и избирателен.

Стратегия саспенса реализуется тактиками интерпретации, размышления, сравнения. Тактики интерпретации и сравнения более выражены в немецкоязычной лингвокультуре. Нарратор стремится к объяснению происходящего и выявляет общее или различное по отношению к объекту. Русскоязычный нарратор руководствуется имеющимися фактами и пытается прийти к определенному умозаключению относительно заявленной проблемы.

В обеих лингвокультурах нарративные блоки представлены персонализированным повествователем, соответственно имеют внутреннюю фокализацию. В нарративных блоках прослеживается эксплицитное и имплицитное присутствие нарратора, что является случайным фактором, не зависящим от выявленных стратегий и тактик.

Одной из ключевых тем в женском нарративе становятся отношения внутри семьи между родителями и детьми (равнодушие и нежелание понять ребенка). Не менее важными являются вопросы доверия между супругами (отсутствие общих интересов, разные взгляды на моральные ценности), обращение к себе (обвинение себя в сложившейся ситуации), умение сострадать другим и желание бороться за себя как в личной, так и в профессиональной сфере. С учетом вышесказанного можно предположить, что все проанализированные произведения объединяет проблема становления феминной личности.

Выводы относительно внутренних качеств представительниц двух разных лингвокультур сделаны на основе проанализированных примеров конкретных литературных произведений и не могут относиться ко всем женщинам без исключения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нарратив отличается использованием определенных штампов, сигнализирующих о выборе художественного языка, на котором автор говорит с читателем. В этом случае речь идет либо о формальной литературе – об одном из ее жанров, либо о метафикциональной игре (имплицитное присутствие автора), в которую автор вовлекает читателя через произведение, написанное как фиктивная автобиография с вымышленными либо реальными событиями, затрагивающими прошлое.

Литературный нарратив отличается разрывом во временном пространстве между автором и читателем. Такого рода коммуникация заставляет читателя осознавать свое личное присутствие в лингвокультурном мире героя и соответственно делать определенные выводы под влиянием прочитанного. Читатель истолковывает мотивы и действия нарратора-женщины в соответствии с ее миропониманием, сравнивает ожидаемое – некое стереотипное представление, сложившееся за счет его фоновых знаний, с тем, что ему предлагает другая лингвокультура, нашедшая отражение в художественных литературных произведениях. Оба нарратора размышляют о происходящем, приходят к определенному роду умозаключений, противопоставляют себя другим и др. Однако мы считаем, что читателю всегда будет ближе и понятнее внутренний мир представительницы его лингвокультуры.

В отличие от естественной коммуникации письменный текст представляет собой материальный объект, который создан согласно языковому коду определенной языковой личности, в нашем случае – автора литературного произведения, и предназначен для другой языковой личности – читателя, который выстраивает свой собственный текст внутри себя. Литературный нарратив следует рассматривать не только как носитель и накопитель информации, но и как определенного рода смысл, способствующий формированию и формулированию новых идей.

Содержание нарратива нарратора-женщины напрямую зависит от поставленных ею целей, с помощью которых она стремится достичь ожидаемого результата, предположить реакцию собеседника или читателя. Нарратор оценивает ситуацию, свои сильные и слабые стороны, наблюдает за действиями окружающих лиц и соотносит выбираемые коммуникативные средства с нормами, ценностями и культурными традициями своей страны. Культурная картина мира носительницы определенного языка проявляется в различном ее отношении к окружающим и явлениям культуры. Однако универсального набора стратегий и поведения не существует, и содержание нарратива определяется различными факторами, которые заставляют нарратора вести себя по-разному, от естественного желания понять другого человека и не обидеть его до получения скорейшего результата и применения более агрессивных способов давления.

Женский нарратив рассматривается нами с позиции нарратора-женщины. Авторами художественных произведений являются женщины, передающие свое собственное женское мировосприятие, особенности взглядов на жизнь, которые могут быть выработаны исключительно женщинами. Сюда нельзя отнести все тексты, написанные женщинами, из чего следует, что быть женщиной недостаточно, чтобы писать женскую литературу. В женском нарративе одним из основных критериев женственности является понимание читателя-женщины, насколько автор женщина идентифицировала себя с женщиной и показала женскую природу. Нарратор-женщина уже давно говорит не только о семье, детях и приготовлении пищи, она стремится создать духовный продукт высокого эстетического качества. В ее нарративе имеют место нюансы особенного взгляда на жизнь, на мир в целом, на то новое, что мы узнаем друг о друге и о себе. Языковые средства, используемые в женском нарративе, зависят не столько от особенностей языка, носительницей которого является женщина, сколько от ее эмоционального состояния и желания донести до читателя свои мысли и переживания. Речевое поведение женской языковой

личности напрямую зависит от степени важности для нее затрагиваемой проблемы.

Женщина в литературном произведении повествует от первого лица с позиции нарратора. В немецкоязычных и русскоязычных произведениях замечена тенденция женщины к повествованию о самой себе, о третьем лице или лицах относительно визуальных характеристик и внутренних качеств, оценивания себя и окружающих при каких-либо обстоятельствах. Мир текста нарратора-женщины заключается в ее восприятии не только внутренних ощущений, но и предположений о том, что могло бы быть по-другому в силу изменения ряда обстоятельств. Исходя только лишь из проанализированных примеров, для представительниц немецкой культуры важными аспектами являются отношения между разными поколениями, их ориентиры на культурные, моральные ценности. Для представительниц русской лингвокультуры существенно накопление ими жизненного опыта в глобальном отношении, что выражено в преодолении физических и моральных трудностей, передаче культурных традиций следующим поколениям, поиске в себе причин сложившихся проблемных ситуаций.

Стратегии и тактики помогают интерпретировать содержание нарратива. Внутренний мир текста нарратива дает представление об авторской интенции в отношении поставленных целей, оценках происходящего и является опорным пунктом или средством прагматического фокусирования, складывающегося в определенную программу или логическую цепочку, позволяющую понять читателю происходящее в нарративе действие. Стратегии по своей структуре могут иметь определенные композиционно-речевые формы, определяющие способ языкового оформления содержания, в большинстве случаев это повествование, описание и рассуждение, содержательная специфика которых обуславливает их языковое оформление. Жанр литературного произведения, в нашем случае – фиктивной автобиографии – непосредственно оказывает влияние на представление в нем роли женщины как нарратора.

Выбор лингвостилистических средств оказывает влияние на тактики, используемые нарратором для реализации нарративных стратегий, которые достаточно часто представляют собой комплексные стратегии, содержащие в себе две и более стратегии. Это объясняется желанием автора переключать внимание читателя с одного плана действия или временного плана на другой, перехода от одной сюжетной линии к другой, т. е. касается организации повествования.

Из полученных результатов очевидно, что выбор лингвостилистических средств помогает нарратору создать определенную атмосферу, которая производит на читателя желаемое впечатление и имеет прагматическое воздействие, заключающееся в том, чтобы оказать эмоциональный эффект на читателя, передать необходимую информацию, заставить оценить ее с позиции незаинтересованного лица.

С учетом того, что нарратив представляет собой повествование о прошлом, особый интерес представляют собой временные формы, действующие как переключатели с одного временного плана на другой. Выявлено, что в нарративах немецкоязычного нарратора чаще являются текстообразующими категории времени и модальности (потенциальной, интенциональной, дебитивной, гипотетической). Одними из наиболее часто используемых временных форм являются претерит, перфект и плюсквамперфект, выражающие прошедшее время. Модальность реализуется модальными глаголами, модальными словами, оттеночными частицами, оценочной и разговорной лексикой. Лексические повторы, перечисления, противопоставления, идиомы также являются средствами репрезентации нарративов немецкоязычного нарратора. Немецкоязычный нарратор, используя аллюзии, пытается раскрыть определенные темы, помогающие ему объединить все части текста в смысловое целое.

В нарративах русскоязычного нарратора в качестве текстообразующих выступают категории времени и модальности. На свершившееся событие указывает прошедшее время глаголов. Лексические временные индикаторы

(*тогда, прежде* и т. д.) также являются показателями прошедшего времени. Модальность в большинстве случаев отражена в использовании вводных слов и вводных конструкций. Оценочные прилагательные и эмоционально-экспрессивная лексика выражают суждение рассказчика, его оценку окружающим и их действиям. Сравнения помогают нарратору сопоставить разные предметы, явления или действия. Использование нарратором клишированных выражений свидетельствует о поиске им оптимальных решений, неосознанной попытки воздействия на читателя. Фразеологизмы выступают средствами выразительности речи нарратора, делают ее экспрессивной и образной.

Перспектива дальнейшего исследования состоит в проведении сравнительно-сопоставительного анализа женских нарративов авторов-женщин и авторов-мужчин в рамках одной лингвокультуры, что позволило бы выявить вероятные различия в использовании лингвостилистических средствах или опровергнуть мнение о том, что авторы – женщины и мужчины – подходят к решению данной проблемы по-разному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева К. А. Грамматика и поэтика нарратива в русском и английском языках : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Андреева Кира Алексеевна. – Тюмень, 1998. – 221 с.
2. Андреева К. А. Маргинальные формы организации структуры и семантики современного нарратива / К. А. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 118-123.
3. Андреева К. А. Когнитивная стилистика как новая парадигма исследования литературного текста / К. А. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2005. – № 2. – С.179-184.
4. Андреева К. А. Литературный нарратив как форма выражения нелинейности смысла / К. А. Андреева, Е. А. Чувильская // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 202-209.
5. Андреева К. А. «Рождественская песнь» Ч. Диккенса в ракурсе этической лингвистической экологии / К. А. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 11-15.
6. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс / В. А. Андреева. – СПб. : Норма, 2006. – 182 с.
7. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс / В. А. Андреева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Т. 9, № 6. – 2007. – С. 61–71.
8. Андреева В. А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Андреева Валерия Анатольевна. – СПб., 2009. – 37 с.
9. Андреева В. А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов: монография / В. А. Андреева. – Казань : Бук, 2019. – 320 с.

10. Анохина В. С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) / В. С. Анохина // Вестник Ставропольского государственного университета. – Ставрополь, 2008. – Вып. 56. – С. 64-71.
11. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И. В. Арнольд. – М. : Флинта, 2015. – 384 с.
12. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С.136-137.
13. Афанасьев А. С. Стратегии гендерных репрезентаций в русской женской литературе 1980–2010-х гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Андреева Валерия Анатольевна. – Казань, 2022. – 36 с.
14. Бабенко Л. Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста / Л. Г. Бабенко // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. – Калининград, 2009. – С. 133-142.
15. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы 19–20 вв. – М. : Просвещение, 1987. – С. 387-422.
16. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт; пер. с фр. – М. : Прогресс, 1994. – 615 с.
17. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 2000. – С. 196-238.
18. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. литература, 1975. – 504 с.
19. Бахтин М. Роман воспитания и его значение в истории реализма / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 188-236.
20. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Худож. литература, 1986. – 543 с.
21. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Киев : Next, 1994. – 511 с.

22. Бахтин М. М. Слово в жизни и слово в поэзии (к вопросам социологической поэтики) / М. М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 2000(а). – С. 72-94.
23. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / С. П. Белокурова, – СПб. : Паритет, 2005. – URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения: 10.01.22).
24. Белоусова А. Е. Повествовательные инстанции в нарративных текстах / А. Е. Белоусова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 605. – С. 14-22.
25. Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект [Электронный ресурс] / В. В. Беркутова. – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-istoricheskij-aspekt.html> (дата обращения: 03.02.22).
26. Борисова И. Н. Нарратив как диалогический жанр / И. Н. Борисова // Жанры речи. – 2002. – Вып. 3. – С. 245-262.
27. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс. – 3-е изд. / М. П. Брандес. – М. : Прогресс-Традиция ; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
28. Брандес М. П. Стилистический анализ (на материале немецкого языка) / М. П. Брандес. – М. : Либроком, 2009. – 210 с.
29. Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа / К. Бремон // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М. : Прогресс, 2000. – С. 102-111.
30. Бруева Т. Н. Гендерная картина мира в романе А. Арбатовой и Ш. Д. Гупта «Испытание смертью или железный филателист» / Т. Н. Бруева, Г. Ш. Хусаинова // Филология и культура. – 2016. – № 4 (46). – С. 146-150.
31. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 1993. – 501 с.
32. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 173 с.
33. Веселова И. С. Нарратология стереотипной достоверной прозы [Электронный ресурс] / И. С. Веселова // Русский фольклор в современных

записях. – URL: http://www.folk.ru/veselova_narratolog.php?rubr=Research-articles (дата обращения: 30.10.21).

34. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ин-т, 2002. – 380 с.

35. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – С. 240.

36. Власян Г. Р. Прагматический подход к изучению диалогической речи / Г. Р. Власян // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 102-110.

37. Воробьева С. Ю. Проблема «женского стиля» в литературоведении (гендерный аспект) / С. Ю. Воробьева // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13, вып. 4. – С. 87-91.

38. Гак В. Г. Язык как форма самовыражения народа / В. Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000. – С. 54-68.

39. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Либроком, 2016. – 376 с.

40. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.

41. Герасимов С. В. События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии / С. В. Герасимов, Г. Л. Тульчинский // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 5-25.

42. Герасимов С. В. Роль нарративов в конструировании социальной реальности / С. В. Герасимов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – Ногинск : АНАЛИТИКА РОДИС, 2020. – Т. 9, № 1А. – С. 34-40.

43. Глухих А. Н. Языковые средства создания исторических личностей в романах Р. М. Зотова и Б. Акунина : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Глухих Анна Николаевна. – Киров, 2017. – 229 с.

44. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. – М. : Элпис, 2008. – 304 с.

45. Голованова Е. И. Категория рода как когнитивная матрица / Е. И. Голованова // Челябинский гуманитарий. – 2013. – № 3. – С. 25–30.

46. Гончарова Е. А. Категории автор – персонаж и их лингвостилистическое выражение в структуре художественного текста: на материале немецкоязычной прозы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Гончарова Евгения Александровна. – Л., 1989. – 514 с.

47. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Горошко Елена Игоревна. – М., 1996. – 16 с.

48. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании / Е. И. Горошко // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 508-543.

49. Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях / А.-Ж. Греймас // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 153-170.

50. Григорян А. А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на Западе в конце XX – начале XXI веков: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Григорян Ашот Арамович. – Волгоград, 2005. – 36 с.

51. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: автореф. дис. ... док-ра филол. наук: 10.02.19 / Гриценко Елена Сергеевна. – Тамбов, 2005. – 52 с.

52. Гузаерова Р. Р. Блогер или блогерша: русские феминитивы с формантом -ш(а) в современном медиапространстве / Р. Р. Гузаерова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5-6. – С. 105-116.

53. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Гулакова Ирина Ивановна. – Орел, 2004. – 24 с.

54. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск: Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 308 с.

55. Дейк Т. А. ван. Стратегии понимания связанного текста [Электронный ресурс] / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – URL: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm> (дата обращения: 12.05.20).

56. Дементьев В. В. Суггестивные аспекты косвенных речевых актов и речевых жанров / В. В. Дементьев // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2014. – № 8. – С. 20-36.

57. Домашнев А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. – М.: Просвещение, 1989. – 208 с.

58. Донскова Е. Ю. Авторская модальность в координатах экспрессивности художественного текста / Е. Ю. Донскова // Евразийский Союз Ученых. Серия: Филологические науки. – 2015. – № 12 (21). – С. 46-48.

59. Дьякова Е. Ю. Сопоставительный анализ стратегий и тактик аргументирования в британских и российских политических ток-шоу / Е. Ю. Дьякова, П. А. Каминская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 3. – С. 100-105.

60. Егоршина Н. В. Нарративный дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Егоршина Нина Владимировна. – Тверь, 2002. – 308 с.

61. Евстигнеева Н. В. Модели анализа нарратива / Н. В. Евстигнеева, О. А. Оберемко // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 4. – С. 95-107.

62. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт; пер. с фр., общ. ред. и вступ. сл. С. Зенкина // Фигуры: Работы по поэтике: в 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 470 с.

63. Жиличева Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920-1950-х гг.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 / Жиличева Галина Александровна. – М., 2015. – 429 с.

64. Жиличева Г. А. Конфигурация времени в нарративе романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» / Г. А. Жиличева // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 130-141.

65. Журавлева Д. А. Лингвистический дискурс: к проблеме определения позиции в дискурсивной типологии / Д. А. Журавлева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 10. – С. 59-62.

66. Захарова М. В. Захарова прокомментировала ситуацию вокруг Собчак. Москва24. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.m24.ru/news/shou-biznes/27102022/515546> (дата обращения: 27.11.22).

67. Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. – М. : Наука, 1993. – С. 90-136.

68. Зиновьева Е. С. Роль гендерно маркированных лексических единиц в конструировании маскулинности и феминности в дискурсе гендерно ориентированных глянцевого журналов (на материале английского и русского языков) / Е. С. Зиновьева // Universum: Филология и искусствоведение. – 2017. – № 12 (46). – С. 36-39.

69. Зиновьева Е. С. Языковые механизмы конструирования маскулинности и феминности в дискурсе глянцевого журналов (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Зиновьева Елена Сергеевна. – Ярославль, 2018. – 235 с.

70. Зыкова И. В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Зыкова Ирина Владимировна. – М., 2002. – 219 с.

71. Ивлева П. Д. Феминистская литературная критика и феминистская критика языка (к проблеме определения понятия и явления) / П. Д. Ивлева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 1. – С. 112-116.

72. Иовва Н. И. Нарративные ресурсы образного высказывания / Н. И. Иовва // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, журналистика. – 2018. – № 3. – С. 124-129.

73. Иовва Н. И. Нарративные ресурсы публицистического высказывания : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Иовва Наталья Ивановна. – Воронеж, 2019. – 25 с.

74. Ипполитова Н. А. Русский язык и культура речи: учебник / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Савова. – М. : Проспект, 2018. – 328 с.

75. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии как реальность речевого общения / О. С. Иссерс // Стилистика и прагматика: тез. докл. науч. конф. (25-27 нояб. 1997 г.). – Пермь, 1997.

76. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс // Вестник Омского государственного университета. – 1999. – № 1. – С. 74-79.

77. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : URSS, 2017. – 308 с.

78. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие / О. С. Иссерс. – М. : Флинта, 2020. – 240 с.

79. Кесслер Л. А. Специфика имплицитного выражения гендерной идентичности автора в немецкоязычных женских текстах воспоминаний XIX-XX веков / Л. А. Кесслер // Интерактивная наука. – 2018. – № 1 (23). – С. 92-95.

80. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты: монография / А. В. Кирилина. – М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

81. Кирилина А. В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании / А. В. Кирилина // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 28-36.

82. Кирилина А. В. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики / А. В. Кирилина // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций. – М. : Моск. центр гендерных исследований, 2001. – С. 366-381.

83. Кирилина А. В. Особенности плана содержания гендерно значимых номинаций (на материале русских и немецких лексикографических трудов) / А. В. Кирилина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2. – С. 49-56.

84. Кирилина А. В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах / А. В. Кирилина // Гендерное образование в системе высшей и средней школы: Состояние и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Иваново, 2003а. – С.132-136.

85. Кирилина А. В. Некоторые итоги гендерных исследований в российской лингвистике / А. В. Кирилина // Гендер: Язык, культура, коммуникация : материалы третьей междунар. конф. – М., 2003б. – С.12-13.

86. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации / А. В. Кирилина. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 2004. – 252 с.

87. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А. В. Кирилина // Гендер и язык. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 7-30.

88. Кирилина А. В. Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании / А. В. Кирилина // Вестник Военного университета. – 2010. – № 4 (24). – С. 110-114.

89. Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий / Н. Н. Кириллова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – Нижний Новгород, 2012. – С. 26-33.

90. Китайгородская М. В. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Рус. словари, 1999. – 396 с.

91. Климинская С. Л. Лингвистические средства реализации стратегий и тактик убеждения в аргументированном дискурсе: на материале англоязычных телевизионных дискуссий : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 01.02.04 / Климинская Светлана Леонидовна. – М., 2010. – 28 с.

92. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. / Н. А. Кожевникова. – М. : Ин-т рус. языка РАН, 1994. – 335 с.
93. Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. – М. : URSS, 2017. – 216 с.
94. Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания / Г. А. Копнина. – М. : Флинта, 2012. – 576 с.
95. Котова Л. Н. Лакуны культурного фонда (с точки зрения их имплицитности) / Л. Н. Котова // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. Серия: Общие проблемы филологии. – 2010. – Вып. 2. – С. 3-10.
96. Кравченко Н. К. Нарратив как дискурс: категории, функции, методы исследования в ракурсе современного дискурс-анализа / Н. К. Кравченко // Одеський лінгвістичний вісник. – 2014. – Вип. 4. – С. 134-139.
97. Кристева Ю. Текст романа // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр.. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 395-593.
98. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / пер. с фр.. – М. : Академический Проект, 2013. – 285 с.
99. Кронгауз М. А. Русский речевой этикет на рубеже веков / М. А. Кронгауз // Russian Linguistics. – 2004. – Vol. 28. – С. 163-187.
100. Кузнецов А. М. Феминизм и лингвистика: гендерные аспекты языка / А. М. Кузнецов // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). – М. : ИНИОН, 2005. – С. 165-185.
101. Куликова Л. В. Функционально-прагматический подход к исследованию ксенонарративных текстов в пространстве литературно-нарративной коммуникации / Л. В. Куликова, Е. Ю. Микалаускайте // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 403-418.
102. Кухаренко В. А. Практикум по стилистике английского языка / В. А. Кухаренко. – М. : Флинта, 2015. – 184 с.

103. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство, 1998. – С. 14-285.
104. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. – СПб. : Искусство, 2000. – С. 159-165.
105. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2010. – 704 с.
106. Лушникова Г. И. Когнитивные процессы в литературной пародии / Г. И. Лушникова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, выпуск. – 2008. – № 5(61). – С. 225-229.
107. Лушникова Г. И. Специфика интертекстуальных отношений в литературной пародии / Г. И. Лушникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 26. – С. 86-90.
108. Лушникова Г. И. Фрагментарность современного художественного нарратива (на материале англоязычной прозы) / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Научный диалог. – 2021. – № 6. – С. 225-239.
109. Лю Бо. Концепт «женщина» в русской языковой картине мира (на фоне китайской) : автореф дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лю Бо. – Владивосток, 2010. – 28 с.
110. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
111. Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия / Н. В. Максимова. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. – 316 с.
112. Мамиконян О. Саудовская авиакомпания совершила первый в истории страны рейс с женским экипажем. RB Новости [Электронный ресурс]. –URL: <https://dzen.ru/a/YouIwrWb6H8FeyXF?&> (дата обращения: 25.09.22).
113. Манзулина З. А. Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект (на материале русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Манзулина Зульфия Анваровна. – Уфа, 2005. – 176 с.

114. Мейрманова К. С. Системные и коммуникативные аспекты номинации лица в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Мейрманова Карлыгаш Сейтжановна. – М., 1990. – 168 с.
115. Меллер Г. Краткая стилистика нашего повседневного языка / Г. Меллер. – Лейпциг : Энциклопедия, 1962. – 135 с.
116. Микалаускайте Е. Ю. Дискурсивная обработка культурной чужеродности в литературном ксенонарративе: коммуникативно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Микалаускайте Елизавета Юлипонасовна. – Красноярск, 2019. – 257 с.
117. Миронова Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – М. : НВИ : ТЕЗАУРУС, 1997. – 158 с.
118. Муравьева Л. Е. Нарративная репрезентация риска и коллективная память: к постановке проблемы / Л. Е. Муравьева // Новый филологический вестник. – 2018. – № 1 (44). – С. 57-68.
119. Моштылева Е. С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Нижний Новгород, 2021. – 190 с.
120. Неупокоева А. В. Гендерный подход к наименованию лиц в немецком языке: монография / А. В. Неупокоева. – Хабаровск : Тихоокеанский гос. университет, 2018. – 128 с.
121. Нефедова Л. А. Сравнительный анализ «женственности» в русской и англоязычной культурах и ее роль в сохранении национально-культурной и личностной самоидентификации / Л. А. Нефедова, И. В. Денисова // Материалы IX международной научной конференции «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур». – Смоленск ; Москва : СмолГУ, 2016. – С. 95-98.
122. Нефедова Л. А. Гендерные стереотипы и их роль в коммуникативных успехах и неудачах в общении представителей разных лингвокультурных сообществ / Л. А. Нефедова, Е. А. Аносов // Языковая политика многонациональных государств в эпоху глобализации. Проблема малых и

исчезающих языков : материалы Рос. науч. конф. – Казань : Казанск. фед. ун-т, 2017. – С. 189-203.

123. Нефедова Л. А. Трансформация ментальности мужчин и женщин в условиях переводческого процесса / Л. А. Нефедова, Ю. С. Куликова // XII Международная научная конференция «Женщины и мужчины в эпицентре миграционных процессов прошлого и настоящего». – Калининград : Балтийский фед. ун-т им. И. Канта, 2019. – С.106-110.

124. Новикова Е. Ю. Структура, семантика и тенденции развития наименований лиц по профессии в современном немецком языке : автореф дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Новикова Елена Юрьевна. – М., 2006. – 32 с.

125. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.

126. Олешков М. Ю. Дискурс и текст: нарративная интеграция смыслов / М. Ю. Олешков // Дискурс, текст, когниция. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. – Вып. 2. – С. 49-59.

127. Орлова Е. И. Образ автора в литературном произведении : учеб. пособие / Е. И. Орлова. – М. : Флинта, 2021. – 120 с.

128. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

129. Пелевина Н. Н. Структурно-функциональная характеристика композиционно-речевой формы «повествование» (на материале немецкоязычных произведений короткого жанра) : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Пелевина Надежда Николаевна. – Л., 1986. – 17 с.

130. Першай А. Ю. Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии / А. Ю. Першай. – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – 178 с.

131. Пиперски А. Коварные суффиксы. Как современные феминитивы меняют русский язык [Электронный ресурс] / А. Пиперски // Лингвистика. 2019 – URL: <https://nplus1.ru/material/2019/11/28/russian-feminitives> (дата обращения: 05.05.22).

132. Попова Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Попова Елена Александровна. – Липецк, 2002. – 669 с.

133. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2001. – 144 с.

134. Пушкарева Н. Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы / Н. Л. Пушкарева // Женщина в российском обществе. – Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2002. – С. 32-37.

135. Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования. Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/GENDERNIE_ISSLEDOVANIYA.html (дата обращения: 16.04.22).

136. Ризель Э. Г. Стилистика немецкого языка: учебник для ин-тов и факультетов иностранных языков / Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс. – М. : Высшая школа, 1975. – 316 с.

137. Рикёр П. Время и рассказ. Конфигурация в вымышленном рассказе / П. Рикёр. – СПб. : Университетская книга, 2000. – Т. 2. – 224 с.

138. Родионова А. В. Нарративно-гендерные особенности идиостиля Д. И. Рубиной : автореф дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Родионова Анна Викторовна. – Елец, 2019. – 25 с.

139. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения : автореф дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Романов Алексей Аркадьевич. – М., 1990. – 42 с.

140. Савчук Р. И. Лингвокогнитивные нарративные стратегии французского художественного текстообразования XVIII–XXI веков. Когниция, коммуникация, дискурс / Р. И. Савчук // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2017. – № 14. – С. 19-35.

141. Саморукова И. В. Дискурс художественное высказывание – литературное произведение: Текст. Типология и структура эстетической деятельности / И. В. Саморукова. – Самара : Самарск. ун-т, 2002. – 204 с.

142. Сарайкина О. В. Репертуар языковых средств выражения семантики запрета : дис. ... канд филол. наук: 10.02.01 / Сарайкина Ольга Викторовна. – Петропавловск-Камчатский, 2007. – 174 с.

143. Сепир Э. Мужской и женский варианты речи в языке яна / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Прогресс, 1993. – С. 455-461.

144. Силинский С. В. Речевая вариативность слова: на материале английских имен лица / С. В. Силинский. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 128 с.

145. Скачкова И. И. Гендерная проблематика в зарубежном теоретическом языкознании: к истории вопроса / И. И. Скачкова // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2009. – № 4. – С. 119-132.

146. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка: учебник / Ю. М. Скребнев. – М. : Астрель, 2003. – 221 с.

147. Солганик Г. Я. Категория рассказчика и специфика художественной речи / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2014. – № 2. – С. 109-119.

148. Степанова М. Д. Лексикология современного немецкого языка : учеб. пособие / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М. : Академия, 2003. – 256 с.

149. Сусов И. П. Функциональный подход в языкознании и прагмалингвистика / И. П. Сусов // Функционально-типологические проблемы грамматики. – Ч. 2. – Вологда, 1986. – С. 132-133.

150. Телия В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Рос. энциклопедия, 2002. – С. 336-337.

151. Тодоров Цв. Поэтика / Цв. Тодоров // Структурализм «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 37-113.

152. Топка Л. В. Гендерный аспект исследования речевого поведения / Л. В. Топка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10 (52). – Ч. II. – С. 158-162.

153. Троцук И. В. Нарратива как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Социология. – 2004. – № 6-7. – С. 56-74.

154. Трубина Е. Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: материалы к специальному курсу / Е. Г. Трубина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 104 с.

155. Тулупова Е. Н. Лексико-стилистические особенности интернет-отзыва туриста / Е. Н. Тулупова, Е. В. Головина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 5. – С. 257-261.

156. Турушева Ю. Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии / Ю. Б. Турушева // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 24-32.

157. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. – 58 с.

158. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. – 2011. – № 3 (18). – С. 8-24.

159. Тюпа В. И. Логос наррации: к проекту исторической нарратологии [Электронный ресурс] / В. И. Тюпа // Narratorium. – 2015. – № 1 (8). – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634327> (дата обращения: 25.07.20).

160. Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий / В. И. Тюпа // Лейдермановские чтения: эстетика минимализма. – М.: ГСНТИ, 2018. – С. 19-24.

161. Тюпа В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике / В. И. Тюпа. – М.: Юрайт, 2018. – 274 с.

162. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: автореф дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Филатова Наталья Вячеславовна. – М., 2014. – 25 с.

163. Филатова О. Л. Особенности речевоздействующей функции гендерного дискурса : автореф дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Филатова Оксана Леонидовна. – Орел, 2012. – 20 с.

164. Фомин А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности : автореф дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Фомин Андрей Геннадьевич. – Барнаул, 2004. – 48 с.

165. Фуко М. Археология знания [Электронный ресурс] / М. Фуко; пер. с фр.. – К. : Ника-Центр, 1996. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko_arh/index.php (дата обращения: 19.09.20).

166. Фуфаева И. Как называется женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция [Электронный ресурс] / И. Фуфаева. – М. : АСТ, 2020. – URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=87604 (дата обращения: 10.10.21).

167. Хеллинггер М. Контрастивная феминистская лингвистика / М. Хеллинггер // Феминизм и гендерные исследования. – Тверь, 1999. – С. 159-168.

168. Хорева Л. Г. Коммуникативные стратегии в новеллистическом сборнике Сергея Очиняна «Казачи и мангусты» / Л. Г. Хорева // Научный диалог. – 2019. – № 5. – С. 228-239.

169. Худякова Е. С. Нарратив и идентичность: от детства до старости: монография [Электронный ресурс] / Е. С. Худякова. – Пермь, 2019. – URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/khudyakovanarrativ-i-identichnost.pdf> (дата обращения: 18.10.21).

170. Челпанова Е. Христианская женская проза сегодня: неудавшаяся попытка поиска новой женской субъективности? [Электронный ресурс] / Е. Челпанова. – URL: <https://voplit.ru/article/hristianskaya-zhenskaya-proza-segodnya-neudavshayasya-popytka-poiska-novoj-zhenskoj-subektivnosti/> (дата обращения: 12.01.22).

171. Черных О. Ю. Лингвистическое конструирование гендера / О. Ю. Черных // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 562-565.

172. Шабес В. Я. Событие и текст / В. Я. Шабес. – М. : Высшая школа, 1989. – 175 с.

173. Шаров К. С. Мужчина и женщины в вербальной коммуникации: проблемы гендертекста / К. С. Шаров // Вопросы философии. – 2017. – № 7. – С. 38-51.

174. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи: реплики-повторы / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1956. – № 2. – С. 67-82.

175. Ширяев Е. Н. Структура разговорного повествования / Е. Н. Ширяев // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI. – М. : Наука, 1982. – С. 106-122.

176. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.

177. Шмид В. Перспективы и границы когнитивной нарратологии (по поводу работ Алана Пальмера о «fictional mind» и «social mind»). [Электронный ресурс] – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633109> (дата обращения: 12.02.22).

178. Янко-Триницкая Н. А. Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие словообразования современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 167-210.

179. Ячкова О. В. Языковые средства, реализующие кооперативную стратегию в реалити-шоу (на материале русского языка) / О. В. Ячкова // Вестник Вятского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2008. – № 3-2. – С. 32-38.

180. Adam J.-M. The Narrative Sequence: History of a Concept and a Research Area [Электронный ресурс] / J.-M. Adam // Colloque International “Redefinition de la sequence dans la narratologie postclassique”. – URL:

https://www.unil.ch/files/live/sites/fra/files/shared/The_narrative_sequence.pdf (дата обращения: 10.03.20).

181. Bal M. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative, University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division; 3rd edition, 2009. – 256 p.

182. Braun F. Können Geophysiker Frauen sein? Generische Personenbezeichnungen im Deutschen / F. Braun, A. Gottburgsen, S. Sczesny, D. Stahlberg // Zeitschrift für Germanistische Linguistik 26, 1998. – S. 265-283.

183. Braun F. Cognitive effects of masculine generics in German. An overview of empirical findings / F. Braun, S. Sczesny, D. Stahlberg // Communications 30. – 2005. – S. 1-21.

184. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache / K. Bühler. – UTB, Stuttgart, 1999. – 468 s.

185. Cameron D. Feminism and linguistic theory, 2nd end. / D. Cameron. – New York: St. Martin's Press, 1992. – 260 p.

186. Cameron D. Verbal hygiene / D. Cameron. – London : Routledge, 1995. – 327 p.

187. Cameron D. Performing gender identity: Young men's talk and the construction of heterosexual masculinity / D. Cameron // Language and masculinity. Oxford, 1997. – P. 47-65.

188. Cameron D. Language and Sexuality / D. Cameron, D. Kulick. Cambridge University Press, 2003. – 176 p.

189. Coates J. Women, Men and Language. A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language, 3rd Edition / J. Coates. – London : Routledge, 2015. – 262 p.

190. Doleschal U. Movierung im Deutschen. Eine Darstellung der Bildung und Verwendung weiblicher Personenbezeichnungen / U. Doleschal. – Unterschleissheim/ München : Lincom Europa, 1992. – 85 s.

191. Doleschal U. Das generische Maskulinum im Deutschen. Ein historischer Spaziergang durch die deutsche Grammatikschreibung von der Renaissance bis zur Postmoderne / U. Doleschal // Linguistik Online. – 2002. – № 11(2), – S. 39-70.

192. Fleischer W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1993. – 341 s.
193. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Verlag : De Gruyter, 2012, – 504 s.
194. Füger W. Zur Tiefenstruktur des Narrativen / W. Füger // *Poetica*, Zeitschrift für Literaturwissenschaft. – München : Fink Verlag, 1972. – S. 268-292.
195. Friedemann K. Die Rolle des Erzählers in der Epik / K. Friedemann. – Darmstadt, 1965. – 245 s.
196. Friedman N. Point of View in Fiction: The Development of a Critical Concept / N. Friedman // *PMLA* 70(5), 1955. – P. 1160-1184.
197. Greimas A. J. Structural Semantics: An Attempt at a Method, University of Nebraska Press, 1984. – 325 p.
198. Grice H. P. Logic and speech communication / H. P. Grice // *New Issues of International Linguistics*. – University College London, – Vol. 16. – P. 217-237.
199. Hamburger K. Die Logik der Dichtung / K. Hamburger. – Ausfl. – Stuttgart, 1994. – 273 s.
200. Hellinger M. Einführung / M. Hellinger // *Sprachwandel und feministische Sprachpolitik: Internationale Perspektiven*. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1985. – S. 3-9.
201. Hellinger M. Kontrastive feministische Linguistische: Mechanismen sprachlicher Diskriminierung im Englischen und Deutschen. – Ismaning : Hueber, 1990. – 176 s.
202. Hellinger M. Guidelines for the Equal Treatment of the Sexes in German / M. Hellinger // *Working Papers on Language, Gender and Sexism* 3, 1993. – S. 31-42.
203. Hellinger M. Sexist Language / M. Hellinger // *Encyclopedia of Language and Linguistics*, 2nd ed. – Oxford : Elsevier, 2006. – P. 265-272.
204. Hentschel E. Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. – De Gruyter Oldenbourg, 2013. – 472 s.

205. Hentschel E. Basiswissen deutsche Wortbildung / E. Hentschel. – UTB GmbH, 2020. – 200 s.
206. Hornscheidt L. Feministische W_orte. Ein Lern-, Denk- und Handlungsbuch zu Sprache und Diskriminierung, Gender Studies und feministischer Linguistik / L. Hornscheidt. – Frankfurt a.m. : brandes & apsel, 2012. – S. 384.
207. Jahn M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative [Электронный ресурс] / M. Jahn. – 2005.– URL: <http://www.uni-koeln.de/~ame02/pppn.htm> (дата обращения: 15.09.20).
208. Kalverkämper H. Die Frauen und die Sprache / H. Kalverkämper // Linguistische Berichte 62. – Wiesbaden : Vieweg, 1979. – S. 55-71.
209. Kargl M. Kreatives Formulieren. Anleitungen zu geschlechtergerechtem Sprachgebrauch / M. Kargl, K. Wetschanow, R. Wodak, N. Perle // Angewandte Sprachwissenschaft. – Wien : Institut für Sprachwissenschaft der Universität Wien, 1997. – 150 s.
210. Kayser W. Das Problem des Erzählers im Roman / W. Kayser // German Quarterly, 1956. – Vol. 29. – P. 225-238.
211. Key M. R. Male/Female Language / M. R. Key. – Scarecrow Press, 1996. – 350 p.
212. Klein J. Der Mann als Prototyp des Menschen – immer noch? Empirische Studien zum generischen Maskulinum und zur feminin-maskulinen Paarform / J. Klein // Karin M. Eichhoff-Cyrus (Hg.): Adam, Eva und die Sprache. Beiträge zur Geschlechterforschung. –Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich, 2004. – S. 292-307.
213. Kristeva J. New Maladies of the Soul / J. Kristeva. – New York : Columbia University Press, 1995. – 242 p.
214. Labov W. Speech actions and reactions in personal narrative / W. Labov // Analyzing discourse: Text and talk. – Washington, DC : Georgetown University Press, 1987. – P. 219-247.
215. Labov W. Narrative analysis: oral versions of personal experience / W. Labov, J. Waletzky // Journal of Narrative and Life History. – 1997. – Vol. 7. – P. 3-38.

216. Lakoff R. *Language and Woman's Place* / R. Lakoff. – New York : Harper and Row, 1975. – 328 p.
217. Leech G. *Some assumptions in the metatheory of linguistics* / G. Leech // *Linguistics* 39, 1968. – P. 87-102.
218. Leech G. *A Linguistic guide to English poetry* / G. Leech. – L. : Longman, 1968. – 228 p.
219. Lintvelt J. *Essai de typologie narrative: Le «point de vue»: Theorie et analyse.* – Paris, 1981. – 315 p.
220. Lubbock P. *The Craft of Fiction.* Published by Jonathan Cape / P. Lubbock. – Viking Press, 1957. – 277 p.
221. Martyna W. *Beyond the “he/man” Approach: The Case for Nonsexist Language.* *Signs* / W. Martyna, 1980. – Vol. 5, No. 3. – P. 482-493.
222. Mauthner F. *Beiträge zu einer Kritik der Sprache* / F. Mauthner // *Beiträge zu einer Kritik der Sprache.* – Vero Verlag, 2015. – 742 s.
223. Mcadams Dan, Kate C McLean. *Narrative Identity* / Mcadams Dan, Kate C McLean // *Current Directions in Psychological Science* 22 (3), 2013. – P. 233-238. [Электронный ресурс] – URL: https://www.researchgate.net/journal/09637214_Current_Directions_in_Psychologica_1_Science (дата обращения: 30.11.19).
224. Müller G. *Erzählzeit und erzählte Zeit* / G. Müller // *Festschrift für Paul Kluckhohn und Hermann Schneider.* Tübingen, 1948. – S. 195-212.
225. Oelkers S. „Der Sprintstar und ihre Freundinnen“. Ein empirischer Beitrag zur Diskussion um das generische Maskulinum / S. Oelkers // *Muttersprache* 106, – Wiesbaden, 1996. – S. 1-15.
226. Oksaar E. *Code Switching as an Interactional Strategy for Developing Bilingual Competence* / E. Oksaar. – Vol. 27, 1971. – P. 377-385.
227. Pauwels A. *Women Changing Language.* London: Longman. (Real language series) / A. Pauwels. – London & New York : Addison Wesley Longman, 1998. – 267 p.

228. Prince G. Narrative Pragmatic, Message, and Point / G. Prince // Poetics, 1983. – № 12. – P. 527-536.

229. Prince G. A. Dictionary of Narratology / G. A. Prince. – Great Britain : Scholar Press, 1988. – 126 p.

230. Pusch L. F. Das Deutsche als Männersprache / L. F. Pusch. – Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag. – 14. Edition, 1984. – 208 s.

231. Pusch L. F. Der Mensch ist ein Gewohnheitstier, doch weiter kommt man ohne ihr / L. F. Pusch // Linguistische Berichte 63. – Frankfurt/Main : Suhrkamp Verlag, 1979. – S. 84-101.

232. Pusch L. F. Das Deutsche als Männersprache / L. F. Pusch // Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. – Frankfurt/M. : Suhrkamp, 1984. – 208 s.

233. Pusch L. F. Totale Feminisierung. Überlegungen zum umfassenden Femininum / L. F. Pusch // Women in German Yearbook 4, – University Press of America, 1988. – S. 1-14.

234. Reisigl M. The Discourse-Historical Approach (DHA) / M. Reisigl // The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies. – London, New York: Routledge, 2018. – P. 44-59.

235. Reisigl M. Noch einmal. Sprache und Geschlecht – Eine Thematik bleibender Aktualität / M. Reisigl, C. Spieß // Sprache und Geschlecht. Band 2: Empirische Analysen. – Duisburg, 2017. – S. 9-33.

236. Saupe A. Narration und Narratologie. Erzähltheorien in der Geschichtswissenschaft / A. Saupe, F. Wiedemann // Docupedia-Zeitgeschichte, 2015. – S. 2-19.

237. Schlücker B. Die deutsche Kompositionsfreudigkeit. Übersicht und Einführung / B. Schlücker, L. Gaeta // Das Deutsche als kompositionsfreudige Sprache. Strukturelle Eigenschaften und systembezogene Aspekte. – Berlin/New York, de Gruyter, 2012. – S. 1-25.

238. Silverstein M. Language and the culture of gender: at the intersection of structure, usage, and ideology / M. Silverstein // Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives. – Orlando : Academic Press, 1985. – S. 219-259.

239. Schmid W. Elemente der Narratologie / W. Schmid. – Walter de Gruyter Berlin New York, 2014. – 327 s.
240. Spender D. Man Made Language / D. Spender // Feminist Critique of Language. – London and New York : Routledge, 1998. – P. 93-99.
241. Stahlberg D. Effekte des generischen Maskulinums und alternativer Sprachformen auf den gedanklichen Einbezug von Frauen / D. Stahlberg, S. Sczesny // Psychologische Rundschau 52, – Hofrefe-Verlag Göttingen, 2001. – S. 131-140.
242. Stanzel F. K. Die typischen Erzählsituationen im Roman / F. K. Stanzel. – Göttingen, 1955. – 184 s.
243. Stanzel F. K. Typische Formen des Romans / F. K. Stanzel – Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co KG, 1998. – 78 s.
244. Stanzel F. K. Theorie des Erzählens. Verlag : UTB, 8. unv. Aufl., 2008. – 339 s.
245. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Oxford Blackwell, 1983. – 272 p.
246. Talbot M. Language and Gender: An Introduction / M. Talbot. – Cambridge : Polity Press, 1988. – 288 p.
247. Talbot M. Gender stereotypes: reproduction and challenge / M. Talbot // The Handbook of Language and gender, – Oxford : Blackwell, 2003. – P. 468-486.
248. Talbot M. Multiple voices in magazines / M. Talbot // Language and Gender: An Introduction. – Cambridge : Polity Press, 2019. – 288 p.
249. Tannen D. Gender differences in conversational coherence: Physical alignment and topical cohesion / D. Tannen // Conversational organization and its development, – Norwood : Ablex Publishing Corporation, 1990. – P. 167-206.
250. Tannen D. You just don't understand: Women and men in conversation / D. Tannen. – New York, 1991. – 330 p.
251. Tannen D. Gender and Discourse / D. Tannen. – New York : Oxford University Press, 1996. – 240 p.
252. Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache / S. Trömel-Plötz. Linguistische Berichte 57. – Wiesbaden : Vieweg, 1978. – S. 49-68.

253. Trömel-Plötz S. Sprache der Veränderung / S. Trömel-Plötz. – Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1982. – 220 s.
254. Trömel-Plötz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung / S. Trömel-Plötz. – Frauenoffensive, 2007. – 220 s.
255. Ulrich M. 'Neutrale' Männer – 'markierte' Frauen. Feminismus und Sprachwissenschaft / M. Ulrich // Sprachwissenschaft 13, 1998. – P. 383-399.
256. Van Dijk T. Action, Action Description, and Narrative / T. Dijk Van // New Literary History. – 1975. – № 6. – P. 273-294.
257. Wittemöller R. Weibliche Berufsbezeichnungen im gegenwärtigen Deutsch. Bundesrepublik Deutschland, Österreich und Schweiz im Vergleich / R. Wittemöller. – Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris : Peter Lang, 1988. – 421 s.
258. Wodak R. Gender and Discourse / R. Wodak. – Sage Publications Ltd, 1997. – 320 p.

Список использованных словарей и справочников

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович. – М. : Аквариум, 1995. – 768 с.
2. Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. 2012. – URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/33978.html> (дата обращения: 10.12.22).
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. А. М. Прохоров. – СПб. : Норинт, 2000. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/big-encyclopedic/index.htm> (дата обращения: 09.11.21).
4. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д. В. Дмитриев. – СПб. : Астрель : АСТ, 2003. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/index.htm> (дата обращения: 20.11.21).
5. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс] / Н. И. Епишкин. – М. : ЭТС, 2010. – URL:

<https://gallicismes.academic.ru/402/%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%B0> (дата обращения: 18.09.22).

6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. язык, 2000. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%B6/%D0%B6%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 09.08.22).

7. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов / И. П. Ильин. – М. : ИНИОН РАН-INTRADA, 2001. – 384 с.

8. Касавин И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] / И. Т. Касавин. – URL: http://endic.ru/enc_epist/Narrativ-384.html (дата обращения: 30.11.19).

9. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Н. Г. Комлев. – М. : Эксмо, 2006. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm> (дата обращения: 02.10.21).

10. Культура. Национальные проекты России. Тверской государственный объединенный музей. [Электронный ресурс] – URL: <https://tvermuzeum.ru/news/istoriya-slova-baba> (дата обращения: 17.10.22).

11. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону, 2010. – URL: <http://ponjatija.ru/taxonomy/term/2670> (дата обращения: 12.12.21).

12. Национальная энциклопедическая служба [Электронный ресурс]. – URL: <https://terme.ru/search?q=%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80&type=words> (дата обращения: 20.09.22).

13. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс] / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2003. – URL: <https://gufo.me/dict/translatology> (дата обращения: 20.11.21).

14. Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. язык, 1999. – URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 10.04.22).

15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 696 с.

16. Текстология.ру. Образовательный журнал [Электронный ресурс] – URL: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/vnutrennyaya-rech/?q=486&n=424> (дата обращения: 10.11.21).

17. Толковый словарь русского языка / гл. ред. Д. Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.

18. Успенский Л. В. Почему не иначе? Этимологический словарь [Электронный ресурс] / Л. В. Успенский. – М. : АСТ, 2009. – URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/%D0%B1%D0%B1%D0%B0%D0%B1%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 21.09.22).

19. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов русского языка, вошедших в состав русского языка [Электронный ресурс] / А. Н. Чудинов. – СПб. : В. И. Губинский, 1910. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/29105/%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%97%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%9A%D0%90 (дата обращения: 12.09.22).

20. Энциклопедический словарь. 2012 [Электронный ресурс] – URL: <https://slovar.cc/enc/slovar/1772337.html> (дата обращения: 04.06.22).

21. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B3%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0> (дата обращения: 12.09.22).

22. Этимологический словарь Educalingo. [Электронный ресурс] – URL: <https://educalingo.com/ru/dic-en/> (дата обращения: 10.08.21).

23. Duden – Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch. – 9. völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. – Berlin: Bibliographisches Institut. – Langenscheid, 2016. – 1344 s.

24. Duden – Deutsches Universalwörterbuch. Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – 9. Auflage. – Langenscheid, 2019. – 2144 s.

25. Duden online-Wörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: www.duden.de/suchen/dudenonline (дата обращения: 23.08.21).

26. DWDS: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften [Электронный ресурс]. – URL: www.dwds.de (дата обращения: 08.07.21).

27. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: Deutsch-Deutsch: Langenscheidts Grosswörterbuch. – Langenscheid, 2015. – 1344 s.

28. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – De Gruyter, 2011. – 1091 s.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вечерина А. Исповедь мотылька [Электронный ресурс] / А. Вечерина. – ЛитРес, 2021. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=267393&p=108> (дата обращения: 15.08.21).

2. Гир К. Непрстойное предложение [Электронный ресурс] / К. Гир. – М. : АСТ, 2006. – URL: <https://knizhnik.org/kerstin-gir/nepriстойное-predlozhenie/1> (дата обращения: 10.09.21).

3. Гир К. Я сказала правду / К. Гир. – М. : Гелеос, 2010. [Электронный ресурс] – URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=15796&p=1 (дата обращения: 02.08.21).

4. Степанова М. М. Памяти памяти. Романс [Электронный ресурс] / М. М. Степанова. – М. : Новое издательство, 2017. – URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=79662&p=1 (дата обращения: 05.07.21).
5. Хайденрайх Э. Колонии любви [Электронный ресурс] / Э. Хайденрайх. – М. : Текст, 2002. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/378637-elke-haydenrayh-kolonii-lyubvi-sbornik-rasskazov.html#book> (дата обращения: 20.06.21).
6. Черемнова Т. А. Трава, пробившая асфальт [Электронный ресурс] / Т. А. Черемнова. – М. : АСТ, 2011. – URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=93911> (дата обращения: 10.10.21).
7. Чижова Е. С. Время женщин / Е. С. Чижова. – СПб. : Астрель, 2009. – 352 с.
8. Чижова Е. С. Город, написанный по памяти [Электронный ресурс] / Е. С. Чижова. – М. : АСТ, 2019. – URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=80391&p=1 (дата обращения: 06.07.21).
9. Draesner U. Eine Frau wird älter / U. Draesner. – Penguin Verlag, 2018. – 208 s.
10. Gier K. Ein unmoralisches Sonderangebot / K. Gier. – Bastei Lübbe, 2014. – 432 s.
11. Gier K. Für jede Lösung ein Problem / K. Gier. – Bastei Lübbe, 2007. – 304 s.
12. Heidenreich E. Kolonien der Liebe / E. Heidenreich. – Rowohlt Taschenbuch, 2005. – 176 s.
13. Heidenreich E. Männer in Kamelhaarmänteln / E. Heidenreich. – Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG, 2020. – 224 s.